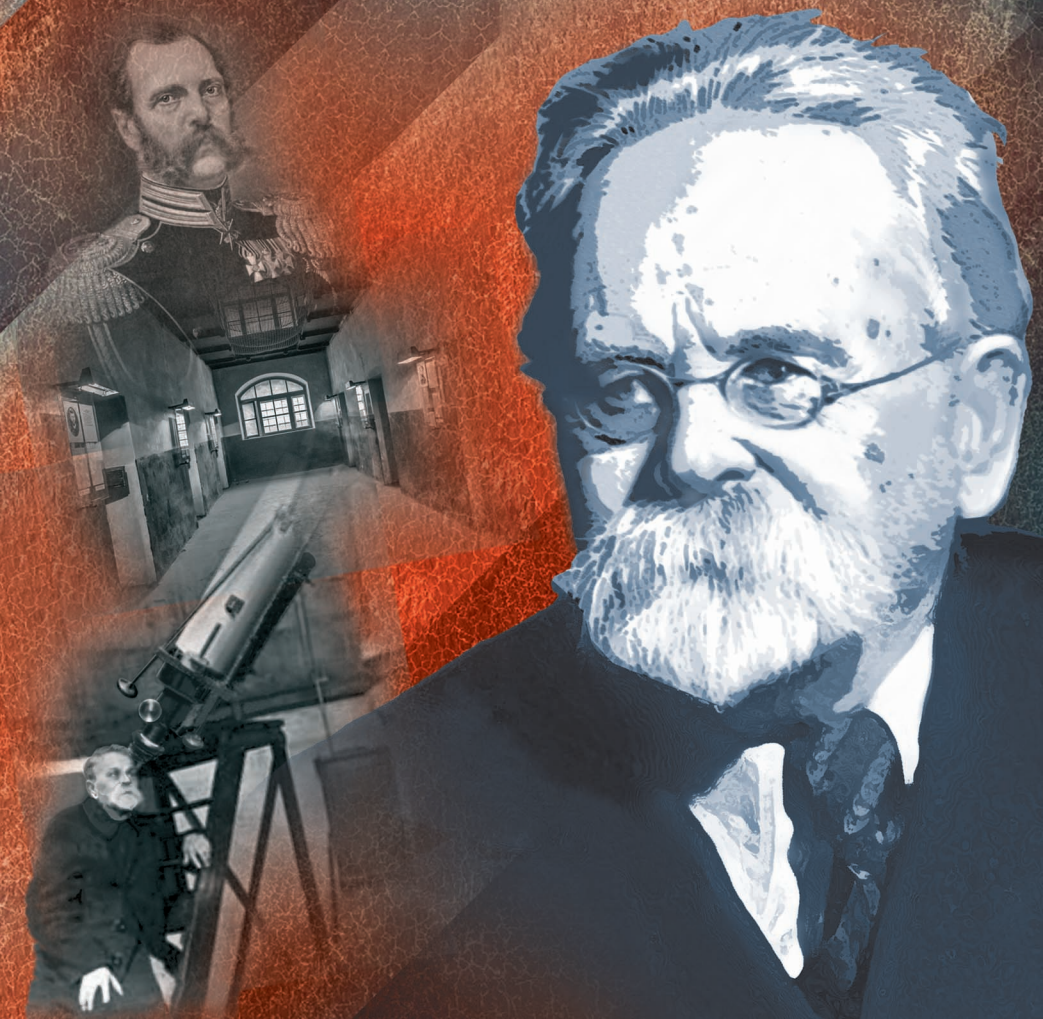

Анатолий Шикман

НИКОЛАЙ МОРОЗОВ

Мистификация длиною в век

НИКОЛАЙ
МОРОЗОВ

Мистификация длиною в век

Анатолий Шикман

НИКОЛАЙ
МОРОЗОВ

Мистификация длиною в век

Москва
Издательство «Весь Мир»
2016

УДК 929
ББК 66.3(2Рос)8
Ш 57

Отпечатано в России

ISBN 978-5-7777-0623-3

© Шикман А.П., 2016

© Издательство «Весь Мир», 2016

Содержание

Предисловие	6
Глава первая. ПРЕВРАЩЕНИЯ ЗНАМЕНИТОГО РЕВОЛЮЦИОНЕРА ...	11
Глава вторая. УЧЕНый-ЭНЦИКЛОПЕДИСТ И ЕГО ТРУДЫ	75
Глава третья. ПОЧЕТНЫЙ АКАДЕМИК	136
Глава четвертая. ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА	170
Глава пятая. ПОЭТ, ПИСАТЕЛЬ, МЕМУАРИСТ	196
Глава шестая. ТРЕТЬЯ ЖИЗНЬ Н.А. МОРОЗОВА	239
Указатель имен	276

Предисловие

Герой этой книги добился почти всеобщего признания в советскую эпоху, создавшую мир, параллельный реальности. В этом мире есть гении и злодеи, научные открытия и политические свершения, необыкновенные победы и всепобеждающие мечты. Эта счастливая параллельная реальность продолжает существовать и восприниматься в современной жизни как настоящая история, которую не только надлежит знать и помнить, но помимо этого она непременно должна вызывать уважительное восхищение. Советская история была мало похожа на гармонию, зато, по многочисленным мнениям россиян, она была великой. Безграничная вера в былое величие существует до того времени, пока человек не попробует ознакомиться с другой точкой зрения, т.е., постарается думать самостоятельно. Иногда результатом этого становится свободомыслие. О том, хорошо это или плохо, не перестают спорить.

Некоторые исторические темы будто специально созданы для того, чтобы поразить воображение, и потому роятся и множатся не только в печати, но и в кино и телепередачах. Вольность их создателей в обращении с фактами и произвольность выводов возможны по той простой причине, что большинство волнует не столько достоверность того, что они узнали, сколько острота сюжета и его занимательность. Число людей, ищущих в истории истину, основанную на реальности происходящего, значительно меньше, но их внимание, как мне кажется, более важно.

В этой книге нет беллетристики. Люди, о которых пойдет речь, рассматриваются не в замкнутом эпохой времени, а получают возможность высказаться и быть услышанными и понятыми сегодня благодаря документам и книгам, ныне вполне доступным. Подлинная жизнь чаще всего увлекательнее вымысла. Естественно возникающий вопрос: насколько верно она рекон-

струирована? Ответить на него можно, лишь имея возможность проверить работу автора. Вот почему столько места предоставлено необходимым для думающего и сомневающегося читателя ссылкам на использованные материалы.

В России, где сохраняется так много иллюзий, особо необходимы историческое просвещение и понимание как важные условия, во многом определяющие уровень политической культуры общества. Поэтому в этой книге немало страниц отдано такому историческому феномену, как советская власть. Без ряда объяснений, касающихся ее существования, трудно понять жизнь и поступки живших при ней людей. Надежда на школьные знания многих читателей невелика, и вовсе не потому, что с детства они были бездельниками. Дело в том, что, когда советская власть была могущественной, преподавание истории в школах и вузах было сильно стеснено господствовавшей идеологией и большим объемом закрытой от общества информации. После крушения советского режима сравнительно короткий период свободного постижения научной истории и отсутствия цензуры был прерван очередным идеологическим вмешательством, быстрым результатом которого стало резкое падение уровня исторического образования. К сожалению, общий результат подобного «просвещения» – массовая историческая малограмотность. В сочетании с длительной советской пропагандой, которая не могла не быть действенной, многочисленные мифы укоренились в массовом сознании. Вот почему, публикуя новые материалы, я хотя и надеюсь на сочувствие знающих эпоху читателей, но готов и к неприятию апологетов советской жизни.

Советская эпоха, начавшаяся в 1917 г., завершилась сравнительно недавно – в 1991-м. Однако, несмотря на то что множество людей, проживших при ней большую или меньшую часть жизни еще живы, уже разукрашена всевозможными сказками и с трудом воспринимается – если воспринимается вообще – большинством молодых людей, чья жизнь началась уже после ее конца. Между тем опыт существования в советской реальности, как бы к ней ни относиться, драгоценен.

Частью его стало изучение истории знаменитых тюрем Российской империи – Шлиссельбургской и Петропавловской крепостей. Этим казематам посвящено немало исследовательских и мемуарных страниц. Впоследствии тюрьмы стали музеями и в них побывало множество людей. В 60-х годах XX в. и в веке XXI эти места заключения, разумеется, воспринимались по-разному.

Причина – информация, ставшая общедоступной. Аккуратные, чистые камеры политзаключенных царского времени, в которых узники могли изучать иностранные языки, математику, историю или вести дневники, невозможно было не сравнивать с советскими условиями осужденных по знаменитой 58-й статье, описанными Александром Исаевичем Солженицыным в «Архипелаге ГУЛАГ», или Варламом Тихоновичем Шаламовым в «Колымских рассказах». Хотя и без всяких сравнений, оказавшись в этих крепостях обычным посетителем, можно понять трагизм людей, попавших в эти стены «навечно», и задуматься над их судьбой.

В отличие от заключенных советского времени эти люди были осуждены судом в соответствии с законами, которые они сознательно нарушили. Они были яркими и известными представителями нового вида деятельности – профессиональный революционер. Тот факт, что число их было столь велико – хватило не на одну энциклопедию, – свидетельствует о том, что их появление было обусловлено серьезными причинами, а не являлось случайностью или болезнью сознания. Были ли они правы или нет, но они почти никогда не искали в своей борьбе личную выгоду и готовы были на индивидуальный поступок или коллективную деятельность только после собственного осознания справедливости своего дела. За свои убеждения многие из этих людей заплатили жизнью или многолетним заключением. Они мечтали о будущем обществе справедливости и свободы и боролись за него, не надеясь, что доживут до победы. Но некоторые – вопреки всему и несмотря ни на что – дождались. «Вечные» узники были освобождены.

Советская реальность, в которой оказались старые борцы с «царством беззакония и бесправия» ушедшего в историю времени монархии Романовых, отличалась от былых мечтаний. Я расскажу о необыкновенной, но знаковой судьбе одного из них, Николая Александровича Морозова (1854–1946), который еще сравнительно недавно был феерически знаменит.

Счастливый брак по любви его родителей – богатого помещика, дворянина Петра Алексеевича Щепочкина и освобожденной им крепостной крестьянки, приписанной к мещанскому сословию, Анны Васильевны Морозовой не был узаконен церковью. Поэтому их сын Николай получил фамилию матери, отчество – по крестному отцу, помещику Александру Ивановичу Радожицкому, а по документам числился «мещанином города Мологи». Жизнь этого человека сложилась необыкновенно.

Революционер-народоволец, участвовавший в неудачном покушении на Александра II, лично никого не убивший, но страстно проповедовавший необходимость революционного террора и осужденный на «вечное» заточение. В Петропавловской крепости, а потом в Шлиссельбурге он отсидел двадцать три года. С учетом трех лет предварительного заключения и, напоследок, уже после освобождения, еще года несвободы в Двинской крепости за книгу стихов «Звездные песни» получилось 27 лет тюрьмы. Он сумел справиться со смертельной болезнью, изучил 11 языков, занимался естественными и общественными науками. Его мемуары с интересом читал Лев Николаевич Толстой. Николай Морозов был известным писателем и поэтом, произведения которого не раз переиздавались. После Октября 1917 г. он стал директором научно-исследовательского института, выдающимся советским ученым-орденоносцем, почетным академиком, внесшим свой вклад в химию, физику, математику, астрономию, историю. Он же стал основоположником учения о Новой Хронологии, о которой речь впереди.

О Николае Александровиче Морозове написано немало: от классических советских научных работ и популярных биографий до научных и псевдонаучных статей и книг нашего времени.

Естественно возникающий вопрос: зачем же писать о нем еще одну книгу? Дело в том, что о Морозове – революционере, деятеле «Народной воли», узнике Шлиссельбурга – написано очень много, и я не собираюсь увеличить число подобных текстов. А вот о почетном академике, корифее всех наук, писателе, мемуаристе и переставшем быть, но продолжавшем называться революционером Морозове, жившем в советское время, не только известно немного, но и то, что написано, поражает противоречивыми фактами, очевидным искажением реальности и отсутствием ответов на многие вопросы. Поэтому мне пришлось предпринять собственное исследование.

* * *

Я стоял перед входом в музей. Дверь была заперта на висячий замок. Я читал приколотую ржавой кнопкой бумажку и сначала не верил своим глазам.

Из Москвы я приехал поездом в Ярославль, оттуда на маршрутке в Рыбинск. После ночи в гостинице рано утром сел на поезд до Шестихина, далее автобусом до села Борок, откуда вечером

мне было необходимо возвращаться обратно. До того как я оказался стоящим перед этой запертой дверью, я изучил огромный фонд Николая Александровича Морозова, хранящийся в Архиве Российской академии наук (АРАН), и касающиеся его материалы в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). Прочел множество книг и статей его самого и тех, кто писал о нем. Последнее, что мне хотелось до того, как я начал писать эту книгу, – побывать в его мемориальном музее, увидеть флигель, где он родился и умер, обстановку, в которой он жил и работал. Хотелось также посмотреть хранящуюся здесь его библиотеку, пройтись по окрестностям и поговорить с хранителем и научным сотрудником Татьяной Григорьевной Захаровой. Конечно же, я узнал распорядок работы музея и приехал в рабочее время.

На бумажке было написано: «В четверг 22 мая музей не работает (я в Никульском, потом в Рыбинске в багетной мастерской). Т.Г.».

От местной жительницы я услышал, что музей этот часто бывает закрыт. Так это на самом деле или нет, для меня уже было неважно, и я пошел на могилу Н.А. Морозова и его жены. Памятник работы скульптора, лауреата Сталинской премии первой степени (1950) Георгия Ивановича Мотовилова, установленный в 1954 г. к столетию со дня рождения знаменитого борца за свободу и ученого-энциклопедиста, представляет Морозова с книгой в руке, вдохновенно задумавшимся. С одной стороны пьедестала начертано: «Старейшему революционеру», с другой: «Почетному академику». Запертый музей Морозова оказался знаковым и поразительно совпал с контекстом его биографии.

Уезжая из Борка вечером 22 мая 2014 г. я не жалел об этой поездке.

Глава первая ПРЕВРАЩЕНИЯ ЗНАМЕНИТОГО РЕВОЛЮЦИОНЕРА

Двадцатишестилетний Николай Морозов был уверен: «Не в одном только обуздании существующего русского деспотизма должна заключаться цель террористического движения на нашей родине. Оно должно сделать свой способ борьбы популярным, историческим, традиционным.<...> Идея террористической борьбы, где небольшая горсть людей является выразительницей борьбы целого народа и торжествующей над миллионами врагов такова, что, раз выясненная людям и доказанная на практике, не может уже заглухнуть»¹.

«Существующий русский деспотизм» – это сказано о правлении Александра II, при котором был закрыт Высший цензурный комитет и обсуждение государственных дел стало открытым; объявлена политическая амнистия декабристам, петрашевцам, участникам Польского восстания 1830–1831 гг., отменено крепостное право и проведены реформы: университетская, судебная, печати, военная, введено самоуправление в земствах и городах. И хотя этот государь утверждал, что самодержавие наиболее органичная форма правления в России, назвать его деспотом мог только очень убежденный в своей правоте революционер, каким и являлся Николай Морозов.

Время и размышления иногда сильно меняют даже твердые убеждения. В 1905 г., после 23 лет заключения, он вышел на свободу из Шлиссельбургской крепости, мечтая заниматься наукой, не только не имея ни малейшего желания участвовать в революционной борьбе, но и искренне придя к мысли, что никакой революции России не нужно. Эта уверенность не помешала Николаю Александровичу всю его долгую жизнь, и даже после нее, именоваться революционером, хотя он давным-давно перестал

¹ Морозов Н. Террористическая борьба. Лондон: Русская типография, 1880. С. 12, 13.

им быть. Чтобы убедиться в этом, не нужны никакие архивные изыскания и авторитетные свидетельства. Ясно и недвусмысленно Николай Александрович Морозов сказал об этом сам в революционном донельзя 1917 году.

«При безграмотности или полуграмотности большинства и его духовной малоразвитости, всякий социалистический строй будет иметь непреодолимую готовность вновь выделить из себя все прежние привилегированные классы частновладельческого строя и перейти в него. Одна из величайших и прекраснейших задач современной всенародной интеллигенции – это готовить грядущее царство всеобщего братства, но она никогда не должна забывать, что человечество может достигнуть до него только *эволюционным, а не революционным* путем»¹.

Морозова откровенно раздражает революционная атмосфера, о чем он сообщает своему другу Вере Дмитриевне Лебедевой 15 февраля 1917 г.²: «Я перестал ходить в Государственную думу. Там стало скучно; на митингах, как и следовало ожидать, поджариваются в собственном соку. Уже образовались враждующие партии большевиков и меньшевиков, крайних и умеренных, примиренцев и победимцев. <...> в полемику ни с кем пускаться не буду, уж больно противный тон принимает она всегда у наших публицистов»³.

Впрочем, вовсе не публицисты были в то время властителями дум. Во все времена люди любили получать ясные и простые ответы на сложные вопросы. В то революционное время находилось немало уверенных в своей правоте людей, которые такие простые ответы давали. Как закончить продолжающуюся уже четвертый год мировую войну? – Нет ничего проще: штык в землю и братание. Не хватает земли? – Отобратить ее у помещиков. Низкая заработная плата и тяжелые условия труда? – На заводах и фабриках рабочие сами смогут контролировать производство, и их заработок сразу увеличится. Кто сможет обеспечить интересы народа? – Решить все проблемы в стране в состоянии только подлинно революционное правительство.

¹ Морозов Н.А. Революция и эволюция. Пг., 1917. С. 7. Здесь и далее все выделения в цитатах принадлежат авторам цитат.

² Все даты до 14 февраля 1918 г. даны по старому стилю.

³ АРАН. Ф. 543. Оп. 10. Д. 25. Л. 31, 31 об.

В то время, когда большинство российского населения было увлечено всепобеждающей идеей, отнять несправедливо нажитое богатство у всевозможных «эксплуататоров» и по совести разделить между всеми, после чего начнется счастливое будущее, Николай Александрович примыкает к совершенно непопулярному меньшинству, озабоченному свободным развитием капитализма в союзе с наукой.

Одиннадцатого мая 1917 г. Морозов выступил в Москве на организационном собрании Свободной ассоциации положительных наук с речью, которая была опубликована Конституционно-демократической партией («партией народной Свободы»), впоследствии более известной под названием «кадеты»:

«И пусть я пойду против течения современного момента, но во имя справедливости я помяну здесь добрым словом также и тот являвшийся одинаково необходимым в этом деле торгово-промышленный класс, который, скопив в своих руках большую придаточную стоимость, не растратил на себя ее (как это часто говорят малодумчивые люди), а употребил, как рычаг, на производство великих сооружений современной цивилизации и этим дал возможность нового пышного развития человеческой творческой мысли, без которой мы и до сих пор оставались бы вечно голодными и прозябшими дикарями.

Так положительная и беспристрастная наука своей немолимой логикой заставляет нас воздавать каждому по его делам и, кроме борьбы классов за материальные интересы, видеть в исторической жизни человечества также и их могучее сотрудничество в великом деле перехода общества из первобытного состояния к новой, лучшей жизни. Из прокуроров или адвокатов той или другой общественной партии она делает нас судьями между ними. Воплощаясь в общечеловеческой интеллигенции, единственно международной и междуклассовой по природе, так как весь земной шар служит рынком для ее творений и все общественные классы призываются в нее войти, положительная наука является единственным верным стражем гражданской свободы. Она – единственный компас, который приводит народы к царству братства, давая им возможность узнавать себя друг в друге и совместно трудиться во имя высоких культурных целей. Она – важнейший рычаг, которому суждено поднять

экономическую жизнь будущих поколений на недостижимую для нас высоту. Одно широко применимое изобретение ее техники может более сократить рабочему время его необходимого труда, чем все возможные социальные преобразования. И одно удачное открытие ее последней дочери – органической химии – может лучше обеспечить питание человечества, чем какие угодно переделы земель и какие угодно коллективные или одиночные переселения земледельцев из одних местностей в другие»¹.

Тому очевидному факту, что Морозов больше не думал так, как в своей юности, вовсе не противоречит то, что он написал 13 февраля 1926 г. в Ленинграде в «Автобиографии»:

«В 1917 г., в первые месяцы революции, у меня опять началась борьба между стремлением продолжать свои научные работы и ощущением долга пожертвовать всем дорогим для закрепления достижений революции. Оставив на время научные работы, я участвовал на Московском государственном совещании, созванном в 1917 г., потом был членом Совета республики и участвовал в выборах в Учредительное Собрание. Все это время я был тревожно настроен. Я предвидел уже неизбежность гражданской войны, бедствий голода и разрухи как ее результатов и потому сознательно занял примиряющую позицию среди враждующих между собою партий, но вскоре убедился, что это совершенно бесполезно и что удержать от эксцессов стихийных натиск взволновавшихся народных масс будет так же трудно нашим политическим партиям, как остановить ураган простым маханьем рук»².

Во-первых, даже из сказанного Николаем Александровичем следует, что деятельность его была направлена не на продолжение революции, а на завершение «стихийного натиска народных масс», а *во-вторых*, в этих строчках, написанных уже в советское время, Морозов говорит правду, но далеко не всю правду.

Февральская революция 1917 г. была принята большей частью демократической общественности с восторгом и в первое

¹ Морозов Н.А. Наука и свобода. Пг., 1917. С. 10-11.

² Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. М.: Сов. Энциклопедия, 1989. С. 172-173.

время казалась сбывшейся сказкой. Монархия рухнула, а вместе с ней цензура, жандармский корпус, Департамент полиции. Несколько дней почти бескровной революции в России привели к отречению Николая II и передаче власти Временному правительству, провозгласившему амнистию, свободу совести, важнейшие политические свободы. Власть этого правительства должна была завершиться созывом Учредительного собрания, в полномочия которого входило принятие решения о государственном устройстве России. Однако в обычной жизни оснований для энтузиазма, кроме свободы слова, не наблюдалось. Продолжалась мировая война, росла инфляция. К тому же неперемненными спутниками любой революции являются житейские неудобства: на какое-то время стали частыми перебои с продуктами, трамваи перестали ходить, уличные фонари гореть, а газеты печататься и возникала беспорядочная стрельба со случайными жертвами, – но, несмотря ни на что, для многих ощущение радостного ожидания перемен к лучшему носилось в воздухе.

Астроном Нина Михайловна Субботина 14 марта 1917 г. написала Морозову письмо, уверенная, что адресат разделяет ее чувство: «Дорогой Николай Александрович! Обращаюсь к Вашему содействию: не напишете ли, хотя бы в “Русские Вед[омости]”, предложение срыть Бутырскую тюрьму, эту русскую Бастилию, – кажется, самую древнюю московскую тюрьму – срыть и на ее месте воздвигнуть “Дворец свободного народа” с различными просветительными учреждениями? <...> Как я рада, друг, что и Вы дождались этого времени! Какие неограниченные возможности впереди! Свобода! Равенство, братство!» Но Морозов восторга не разделил, начертав поперек письма: «Не отв[ечать]. глупости»¹. В этих событиях Николай Морозов был не участником, а лишь добросовестным наблюдателем, написав брошюру в 16 страниц и издав ее за свой счет: «Семь дней революции! События в Москве: Дневник очевидца», (М., 1917).

Любопытная деталь. В архиве мне попала машинопись, по всей вероятности, неопубликованной рецензии на это издание – Юрия Васильевича Соболева, впоследствии известного критика, литературоведа и театроведа, написанной в начале 20-х годов. В ней он называет Морозова «наш простодушный автор» или «простодушный обозреватель». Приведя рассказ Морозова о том, как к памятнику генералу Скобелеву привяза-

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1811. Л. 4, 4 об., 5.

ли красные ленточки, он написал: «Теперь, читая этот рассказ о приобщении генерала Скобелева к революции, невольно улыбаешься. Только романтики февральских дней могли в увлечении своем дойти до такой “красной ленты”. Кстати сказать, что Октябрьская революция поступила с этим безобразнейшим московским памятником несколько более трезво: она его снесла: против бывшего генерал-губернаторского дома, ставшего домом Московского Совета, на месте несущегося с обнаженной шашкой лихого генерала высится стройная колонна скульптора Андреева. У колонны гигантская статуя Свободы»¹. Самое недалекое будущее показало, что «простодушным» оказался не Морозов, а автор рецензии.

Ко дню первой октябрьской годовщины был открыт монумент Советской Конституции в виде трехгранного обелиска, основание которого имело небольшой балкон, украшенный советской символикой, сооруженный по проекту архитектора Дмитрия Петровича Осипова. В 1920 г. была установлена предусмотренная проектом статуя Свободы работы скульптора Николая Андреевича Андреева. Перед войной, весной 1941 года, по причине «несоответствия архитектурному облику площади» памятник был взорван. На его месте стоит теперь памятник князю Юрию Долгорукову, вполне соответствующий не только советскому Моссовету, но и нынешней Мэрии Москвы. Ушел в прошлое по причине несоответствия факту и известный московский анекдот: «Почему “Свобода” против Моссовета? Потому что “Моссовет” против свободы».

Пора вернуться в 1917 год. С бытовым «равенством» Морозову пришлось столкнуться достаточно быстро. Склонный к избретательству и поиску нового, Николай Александрович, после того как его обворовали в переполненном трамвае, 19 октября сообщил в письме В.Д. Лебедевой: «Хочу предложить публике через газеты пришивать к карманам (внутри их, но близко к выходу) иголки, чтобы опустив руку в карман, жулик уже не мог бы ее вынуть, попавши на удочку. Или пришивать настоящие удочки. Надо же что-нибудь делать»². Равнодушным к происходящему Морозов не был, так как осознавал, что в условиях военного времени и экономического развала новой российской власти было необходимо обуздать хаос и поскорее направить революционный поток в законные берега.

¹ РГАЛИ. Ф. 860. Оп. 1. Ед. хр. 187. Л. 2.

² АРАН. Ф. 543. Оп. 10. Д. 25. Л. 36 об.

Двадцать шестого апреля 1917 г. Морозов предложил свои услуги министру иностранных дел Временного правительства М.И. Терещенко:

«Глубокоуважаемый Михаил Иванович, сейчас прочел в газетах обращение Временного правительства от 15 апреля с призывом поддержать его и пишу Вам под непосредственным впечатлением.<...> Хотя меня и считают хорошим лектором по научным вопросам, но, как агитатор, я никуда не годен, потому что в политической деятельности я был всегда заговорщиком, для которого молчание – золото. И теперь я мог бы лучше всего пригодиться не на митинговых трибунах, а на каком-нибудь серьезном посту, вроде заведующего какими-нибудь научными или техническими учреждениями (метеорологическими, химическими и т.д.). Мог бы участвовать в комиссиях вроде, например, аграрной (причем стоял бы за сохранение частновладельческого строя как единственно приспособленного к психологии современных поколений).

Из современных партий я не приписался ни к одной, могу лишь сказать, что с тех пор, как Партия народной свободы объявила себя республиканской, я не вижу у себя с ней никаких принципиальных расхождений. В Учредительное собрание я собираюсь баллотироваться от моего родного Мологского уезда Ярославской губ., но предпочел бы сделать это внепартийно, чтоб сохранить за собой также и голоса рабочих, нахлынувших в Мологу для постройки железнодорожного моста.

Если окажется во мне на что-нибудь нужда, сообщите по вышеприведенному адресу.

Сердечно Ваш *Николай Морозов*»¹.

Предложением Морозова Временное правительство не воспользовалось по причине возникших в стране неотложных проблем и потому что время существования этого правительства было уже на исходе. Тем не менее Морозов там, где это было возможно, старался поддержать своим авторитетом разумные действия Временного правительства.

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 2397. Л. 1, 2–2 об.

После циркуляра либерального министра народного просвещения Александра Аполлоновича Мануилова о новом, упрощенном правописании, Морозов выступил в его поддержку: «Вот уже две недели, как газетные полемисты то тут, то там нападают на министра народного просвещения за его злодейские покушения на жизнь августейших особ: фиты, ятя, ера и самого десятиричного *i*. Против А.А. Мануилова, говорят, мобилизуют уже и первый департамент правительствующего сената, умоляя не дать погибнуть этим незыблемым основам русской литературы. Я не знаю, как ответит департамент на эти горячие мольбы и какими именно статьями охранена в своде российских законов наша традиционная орфография. Мне ясно лишь одно. Сделано то, что давно надо было сделать, сделано хорошее, доброе дело, которое вся свободолубивая часть нашей печати должна бы от всего сердца приветствовать, а не вставлять палки в колеса. <...> Освободившаяся Россия неизбежно должна была подумать не об одних материальных интересах взрослой части населения, а также и об облегчении подрастающим поколениям дороги к истинному знанию, устранив для этого необходимость отдавать часть драгоценного времени юности изучению ни на что непригодных условностей. <...> Вот, например, в одной газете победоносно спрашивают А.А. Мануилова: “А как же мы по вашей упрощенной транскрипции будем теперь отличать миръ – вселенную от мира с немцами?”. И совершенно забывают, что А.А. Мануилов с таким же правом мог бы спросить у них самих: а как же вы отличаете свою собственную голову от лошадиной, когда обе пишутся совершенно одинаково?»¹

Вывод статьи Морозова звучит своевременно в условиях продолжающейся мировой войны: он предлагает изъять из типографий ненужные буквы, а сэкономленные деньги пожертвовать «русскому военному министерству для защиты нашей новорожденной республики»².

Морозов участвует и в разъяснении гражданам необходимости их участия в военном займе, чтобы довести войну до победного конца. «Избыток бумажных денег – это самый страшный яд для общественного организма. Он вызывает в нем конвульсии, лихорадку всеобщей неуверенности в завтрашнем дне, ажиотаж, спекуляцию, приостановку работ. Единственным верным противоядием является в этом случае изъятие избытка денег путем распродажи государ-

¹ Морозов. Н. К реформе русской орфографии // Русские ведомости. 1917. 7 июня.

² Там же.

ственных имуществ. Однако можно перевести эту опасную болезнь из острого состояния в более безопасное хроническое и путем процентных займов, обратно возвращающих часть денег в казначейство и избавляющих его от необходимости выпускать новые дозы отравы. У нас теперь по многим причинам невозможно продать государственные имущества и потому нет другого средства избавиться от отравы, как подписаться на заем свободы и этим перенести часть нашей тяготы на будущие поколения.

Подписывайтесь же на заем свободы, чтобы не погибнуть от бумажного яда»¹.

Попытка предотвратить сползание в революционный хаос была предпринята в сентябре 1917 г., когда в Петрограде, в Мариинском театре, открылось Демократическое совещание с эсеровским большинством. Хотя был создан Всероссийский демократический совет (Предпарламент), перед которым правительство должно было нести ответственность до созыва Учредительного собрания – его дни были сочтены. Слабая демократическая власть не могла себя сохранить. Взять эту власть силой уже готовились большевики.

Политический деятель, публицист Иосиф Владимирович Гессен вспоминал: «Мелкими шажками семенит новоиспеченный кадет Н.А. Морозов со сморщенным, как печеное яблоко, лицом, блаженно улыбающимся, и тючками книг под мышками. “Ну как, Николай Александрович, стоило отсидеть двадцать лет в Шлиссельбурге, чтобы такого дня дожждаться?”. Он даже испугался, сложил книги на диванчик у стены и, жестикулируя освобожденными руками, шамкает: “Ой, что вы, что вы. Не грешите. Годика через два мы с удовольствием будем с вами об этом времени вспоминать”. Хочется со злости ударить его или тесно к нему прижаться, не заражусь ли этой детской верой, и тщетно терзаю воображение, чтобы представить себе, каким был этот террорист двадцать лет назад, когда за ним замкнулись тяжелые ворота шлиссельбург[ского] Каземата»².

С удовольствием или без, но «годика через два» у Морозова все сложится очень неплохо. Жизнь Гессена в Берлине, Париже, а затем в Нью-Йорке будет далека от благополучия, однако

¹ Шлиссельбуржец Николай Морозов // Родина в опасности: Призывы в автографах. Пг.: Народная воля, 1917. С. 4–5.

² Гессен И.В. В двух веках: Жизненный отчет // Архив Русской революции. Т. XXII. Берлин, 1937. С. 378.

у него найдется время вспомнить и записать многое, чему он был свидетелем.

Морозов действительно принимал участие в выборах в Учредительное собрание, о чем рассказал в письме одному из своих корреспондентов уже после Октябрьского переворота, 14 ноября 1917 г.: «Я был в Ярославле и два раза в Рыбинске, три раза выступал перед публикой в качестве кандидата в Учредительное собрание с речами. Но среди крестьян такая гражданская темнота и слепота, что руки опускаются. Подачу голоса они называют “припиской к партии”, каждый должен приписаться к какой-нибудь, тогда что-нибудь получит от нее, а то останется ни с чем и все страшно встревожены, как бы не “приписаться неудачно”, т.е. к такой партии, которая окажется “не у власти”, т.е. будет вытеснена другою, которая будет мстить за неприписку к ней»¹. В Учредительное собрание Морозов избран не был, чему был искренне рад. Но что чрезвычайно интересно, так это трогательное единодушие Н.А. Морозова и В. И. Ленина в вопросе о судьбе Учредительного собрания.

Двадцать пятого октября 1917 года в Петрограде на II Всероссийском съезде Советов подавляющее большинство, состоящее из большевиков и левых эсеров, объявило о свержении Временного правительства и взятии власти Советами. Первыми декретами новой, советской власти стали Декрет о мире и о земле. Всем воюющим странам было предложено заключить мир без аннексий и контрибуций, а крестьянам пообещали уравнильное распределение земли в бесплатное пользование. О грядущей, но пока существующей лишь в мечтах «мировой революции» пока не говорилось. О будущей, более чем трехлетней Гражданской войне пока известно не было, как и о том, что все выращенное крестьянами на бесплатной земле безвозмездно потребует себе государство. Съезд отменил смертную казнь и избрал первое советское правительство – Совет Народных Комиссаров, председателем которого стал Владимир Ильич Ленин, иностранными делами ведал Лев Давидович Троцкий, внутренними – Алексей Иванович Рыков, наркомом по делам национальностей стал Иосиф Виссарионович Сталин. И все они подчинялись Съезду Советов и ЦИКу, председателем которого стал Лев Борисович Каменев.

Октябрьский переворот, впоследствии официально превратившийся в Великую Октябрьскую социалистическую рево-

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 6. Д. 349. Л. 3.

люцию, его участниками и современниками оценивался весьма эмоционально.

Ликвидация суда и всей системы правосудия породила явления, о которых с негодованием писал М. Горький в газете «Новая жизнь»:

«За время революции насчитывается уже до 10 тысяч “самосудов”. Вот как судит демократия своих грешников: около Александровского рынка поймали вора, толпа немедленно избилла его и устроила голосование: какой смертью казнить вора: утопить или застрелить? Решили утопить и бросили человека в ледяную воду. Но он кое-как выплыл и вылез на берег, тогда один из толпы подошел к нему и застрелил его. <...> Вот уже почти две недели, каждую ночь толпы людей грабят винные погреба, напиваются, бьют друг друга бутылками по башкам, режут руки осколками стекла и точно свиньи валяются в грязи, в крови. <...> Во время винных погромов людей пристреливают, как бешеных волков, постепенно приучая к спокойному истреблению ближнего. В “Правде” пишут о пьяных погромах, как о “провокации буржуев” – что, конечно, ложь, “красное словцо”, которое может усилить кровопролитие.

Развивается воровство, растут грабежи, бесстыдники упражняются во взяточничестве так же ловко, как делали это чиновники царской власти; темные люди, собравшиеся вокруг Смольного, пытаются шантажировать запуганного обывателя. Грубость представителей “правительства народных комиссаров” вызывает общие нарекания, и они – справедливы. Разная мелкая сошка, наслаждаясь властью, относится к гражданину как к побежденному, т.е. так же, как относилась к нему полиция царя. Орут на всех, орут, как будочники в Конотопе и Чухломе. Все это творится от имени “пролетариата” и во имя “социальной революции”, и все это является торжеством звериного быта, развитием той азиатчины, которая гноит нас¹.

Горькому вторит из Полтавы Владимир Галактионович Короленко дневниковыми записями: 4 ноября 1917 года. «Я получил письмо от ж.-д. служащего из Бендер: каждый день, отправляясь на службу, прощается с семьей, как на смерть. Насилия и грабежи со стороны ... опять-таки солдат. Близ станции – виноградни-

¹ Горький М. Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917-1918 гг.). М.: МСП «Интерконтакт», 1990. С. 92-94.

ки. При остановке поездов солдаты кидались туда и для скорости рвали виноград с плетями! Автор письма пишет с отчаянием, что же ему думать о такой “свободе”? <...> Общество распадается на элементы без общественной связи».

13 ноября 1917 года. «Трагедия России идет своей дорогой. Куда? Большевики победили в Москве и Петрограде. Ленин и Троцкий идут к насаждению социалистического строя посредством штыков и революционных чиновников. <...> Во время борьбы ленинский народ производил отвратительные мрачные жестокости. Арестованных после сдачи оружия юнкеров вели в крепость, но по дороге останавливали, ставили у стен и расстреливали и кидали в воду. Это, к сожалению, точные рассказы очевидцев. С арестованными обращаются с варварской жестокостью»¹.

В ноябре 1917-го будущий знаменитый писатель, поэт и публицист Илья Григорьевич Эренбург сообщал в Коктебель поэту и художнику Максимилиану Александровичу Волошину: «Безысходно как-то. Москва покалеченная, замученная, пустая. Большевики неистовствуют. Я усиленно помышляю о загранице, как только будет возможность, уеду. Делаю это, чтоб спасти для себя Россию, возможность внутреннюю в ней жить. <...> Очень хочется работать – здесь это никак нельзя. Вчера стоял в хвосте, выборы в Учредительное собрание. Рядом агитировали: “Кто против жидов за № 5 (большевики)?”, “Кто за мировую революцию за № 5?”. Проехал патриарх, кропил святой водой. Все сняли шапки. Навстречу ему шла рота солдат и орала “Интернационал”. Где это? Или действительно в аду?»²

Потеря свободы ощущается особенно остро в том случае, если ее отняли у тех, кто совсем недавно ее получил. Автор общепризнанного источника по истории революции 1917 г. Николай Николаевич Суханов сообщает: «На другой же день после победоносного восстания петербуржцы недосчитались нескольких столичных газет. Не вышли 26 октября “День”, “Биржевые ведомости”, “Петроградская газета” и какие-то еще буржуазно-бульварные газеты. Их закрыл Военно-революционный комитет за травлю Советов и тому подобные пре-

¹ Негретов П.И. В.Г. Короленко: Летопись жизни и творчества. 1917–1921 / Под ред. А.В. Храбровицкого. М.: Книга. 1990. С. 35, 37.

² Фрезинский Б. Прекрасная книга // Эренбург И. Лик войны: Воспоминания с фронта. 1919, 1922–1924. Газетные корреспонденции и статьи, 1915–1917 / Изд. подг. Б.Я. Фрезинским. СПб.: Изд-во Европейского университета в С.-Петербурге, 2014. С. 21–22.

ступления. Почтенные Подвойский, Антонов и другие, действовавшие по указке Ленина, не были изобретательны: они заимствовали свои мотивировки из лексикона старой царской полиции. Но в силу своего положения революционеров и социалистов они позволили себе роскошь выражаться более примитивно и менее грамотно. <...> С утра были посланы матросы в экспедицию “Речи” и “Современного слова”. Все наличные номера были конфискованы, вынесены огромной массой на улицу и тут же сожжены. Невидимое доселе аутодафе вызвало большое стечение публики»¹.

Никогда не читавший этих записок Суханов, В.Г. Короленко записывает 7 ноября 1917 г.: «В “Вестнике Полтавского губернского общественного комитета” напечатана статья “Прежде и теперь” о большевистской цензуре: “Выходит так, что если просто закрыть газету ненавистного направления, – то это будет произвол. Но если при этом обругать ее всякими крепкими словами, то это будет свобода...”»²

Известный исследователь Сибири и Центральной Азии Григорий Николаевич Потанин писал Н.А. Морозову 17 декабря 1917 г.: «От переворота я в восторг не пришел. Мне показалось, что нужно было подождать и присмотреться, не рано ли ликовать. И не ошибся. Какие громадные последствия: множество дружественных связей разорвано, яркие знамена побледнели, хорошие репутации покрылись грязью. Мы здесь хотя и далеко от центра, а испытываем такую же тоску по свободе, как и те честные люди, которые живут в столицах. Во всех крупных городах Сибири командуют большевики, безумно растрачивают городские суммы, сажают в тюрьмы, закрывают газеты. Центр думает, что оздоровление России придет из провинции, а мы возлагаем все свои надежды на центр, т.к. чувствуем себя здесь бессильными вступить в борьбу с местной казармой»³.

Выборы в Учредительное собрание состоялись уже после Октябрьского переворота. Н.Н. Суханов цитирует большевистскую газету «Рабочий путь» (одно из названий газеты «Правда»), которая совсем недавно доказывала: «Власть Советов есть не только гарантия Учредительного собрания, но и его *опора*. Во-первых, “капиталисты и помещики могут не только надсмехаться над Учредительным собранием, но и разогнать его, как разогнал царь

¹ Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 3. Кн. 7.. М.: Республика, 1992. С. 346.

² Негретов П.И. В.Г. Короленко: Летопись.... С. 36.

³ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1496. Л. 12–13.

первые две думы". Советы этого не позволят. Во-вторых, Советы будут аппаратом для проведения в жизнь предначертаний Учредительного собрания. "Представьте себе, что 30 ноября оно декретировало конфискацию помещичьих земель. Что могут сделать для действительного проведения в жизнь этого требования городские и земские самоуправления? Почти ничего. А что могут сделать Советы? Всё..."¹.

Советское правительство обязано было сложить свои полномочия перед Учредительным собранием. Однако, не получив на выборах, к слову сказать, самых свободных в истории России, впервые при всеобщем и равном голосовании, – большинства, отнеслось к этому факту спокойно. Один из соратников Ленина – Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич в своих воспоминаниях рассказал, что он услышал накануне открытия Учредительного собрания: «"Если мы сделали такую глупость, что пообещали всем собрать эту говорильню, мы должны ее открыть сегодня, но, когда закроем, об этом пока история умалчивает", – смеясь ответил Владимир Ильич одному из товарищей, который настойчиво вопрошал, когда же, когда будет открыто Учредительное собрание»².

Пятого января 1918 г. Таврический дворец был окружен матросами и красногвардейцами. Безоружная демонстрация в поддержку Учредительного собрания подверглась солдатскому обстрелу и была разогнана. Возмущенный Горький писал в «Новой жизни»: «"Правда" лжет, когда пишет, что манифестация 5 января была организована буржуями, банкирами и т.д., что к Таврическому дворцу шли именно "буржуи", "калединцы". <...> "Правда" знает, что в манифестации принимали участие рабочие Обуховского, Патронного и других заводов, что под красными знаменами Российской с.-д. партии к Таврическому дворцу шли рабочие Василеостровского, Выборгского и других районов. Именно этих рабочих и расстреливали, и, сколько бы ни лгала "Правда", она не скроет позорного факта»³.

Пятого января 1918 г. в Таврическом дворце после открытия Учредительного собрания председатель ВЦИК Яков Михайлович Свердлов сразу же предложил всем депутатам принять «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Декларация провозглашала Россию Республикой Советов и заявляла, что вся

¹ Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 3. Кн. 7. С. 265.

² Бонч-Бруевич В.Д. На боевых постах Февральской и Октябрьской революции. М.: Федерация, 1931. С. 245.

³ Горький М. Несвоевременные мысли... С. 110-111.

власть в стране принадлежит Советам. Если бы депутаты с этим согласились, то после этого Собрание должно бы просто разойтись. Так как за «принятие» проголосовали только большевики, а председателем Учредительного собрания был избран эсер Виктор Михайлович Чернов, большевики покинули Таврический дворец. Первое, и последнее, заседание Учредительного собрания, на котором был принят призыв к союзникам о немедленном заключении мира и отменена частная собственность на землю, закончился в четыре часа утра словами анархиста, матроса Анатолия Григорьевича Железнякова: «Караул устал». Таков был конец российского парламента, который «бабушка русской революции» Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская называла фундаментом, «на котором будет строиться великолепный хрустальный храм Свободной России»¹.

Кстати, в 1917 г., во втором номере издававшегося тогда художественно-литературного еженедельника «Герои дня. Биографические этюды», Морозов опубликовал написанную им биографию этой женщины, которая так восторженно писала об Учредительном собрании, сообщив о ней в частности, и такой факт: «Побывала Екатерина Константиновна и в мятежном Кронштадте. Матросы носили ее на руках, встретив и проводив бурными овациями. Хорошо и прямо говорила с ними бабушка. И казалось, многое запало в матросские и солдатские души. Но, как только уехала, восторжествовали другие влияния...»²

Прошу обратить внимание на дипломатичное многоточие, заменившее Морозову объяснение успеха «иных влияний», и тот бесспорный факт, что тогда надежды на конструктивную деятельность Учредительного собрания вовсе не казались Николаю Александровичу бесосновательными.

А вот что отмечает до и после разгона Учредительного собрания Н.А. Морозов своим корреспондентам. 18 ноября 1917 г. в письме своему давнему другу, участнице революционного движения Вере Дмитриевне Лебедевой: «Очень тревожит нас продовольственное состояние Москвы, судя по газетам, да и по всему, что мы здесь наблюдаем, крестьяне не только не собираются посылать в крупные промышленные центры хлеба в обмен на земельные посулы большевиков, но, наоборот, удерживают у себя и то, что ранее собирались послать. Кроме того, глупое распо-

¹ Брешко-Брешковская Е.К. Что делать в Учредительном Собрании. Пг., 1917. С. 3.

² Морозов Н.А. Е.К. Брешко-Брешковская, бабушка русской революции. Пг., 1917.

ряжение о банках, чтобы не выдавали больше 150 руб. в неделю по текущим счетам, вызвало среди крестьян такую панику, что у нас они чуть не поголовно побежали брать из сберегательных касс в свои кубышки свои хранившиеся там сбережения, в результате, несмотря на огромное количество отпечатанных бумажек в государственном казначействе скоро будет пусто, и нечем будет платить жалованье служащим. Все это заставляет меня так мрачно смотреть на будущее, как еще никогда в жизни. Пока еще не знаю, попаду ли в Учредительное собрание (я стою вторым по списку народной свободы), но, если попаду, придется снова ехать через неделю в Петроград. Очень не хотелось бы мне этого. Опыт в совете республики сильно разочаровал меня в политической деятельности, хотелось бы возвратиться к науке, но в такие тяжелые времена нельзя отказываться от государственной деятельности. Посмотрим, что будет»¹.

Попутно замечу, что после пришедших в Петрограде к власти большевиков переживший в общей сложности 27-летнее заключение Морозов смотрит на будущее так мрачно, «как еще никогда в жизни». И это при условии, что он вовсе не собирается, как многие из известных ему настоящих старых революционеров, бороться с очевидным уродством и несправедливостью устанавливающегося режима.

Своей нежно любимой жене Ксении Алексеевне Морозовой, которая в это время жила в родовой усадьбе Николая Александровича Борок, он сообщает 3 декабря 1917 г.: «За день узнал, что ленинцы арестуют эсеров и предводителей партии народной свободы, объявленных ими "врагами народа". Понятно, что меня не арестуют, я с ними не полемизирую...»²

Морозову не до полемики. Более всего его волнует устройство собственной семьи и возможность существовать в условиях повсеместной разрухи. Именно об этом он пишет в откровенных письмах жене в течение всего 1917 и начала 1918 г., сообщая яркие подробности окружающей его жизни. Вот выдержки лишь из некоторых.

13 января 1917 г. «Здесь в Петрограде невозможно что-нибудь устроить прочное для нашего существования. Чувствуется только, как колышется почва под ногами, как постепенно чахнут лица интеллигентных обитателей. Особое неудобство в том, что нет более зажиточных людей и те, которые казались более

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 10. Д. 25. Л. 40-40 об.

² Там же. Оп. 6. Д. 349. Л. 2.

обеспеченными, теперь в особенно плохом положении. Главная беда в том, что существующее теперь большевистское правительство не признается в интеллигентных слоях, но признается в неинтеллигентных. Пока такое положение существует мне нельзя получить место на государственной службе. Что же касается до профессуры в провинции, то и это очень трудно: все профессора из Петрограда жаждут туда попасть и конкуренция огромная»¹.

28 октября 1917 г. «В Учредительное собрание от Ярославской губернии обозначен только 1 член от нашей партии, и потому я, к радости моей, туда очевидно не попаду. Стараюсь, главным образом, ориентироваться, чтоб устроить личные наши дела, но это страшно трудно при современной разрухе администрации»².

9 декабря 1917 г. «Относительно большевиков не беспокойся, газеты преувеличивают: даже из Центрального Комитета народосвободцев, за исключением Паниной, да Шингарева, да скрывающегося Милюкова, все живут по своим квартирам. Вот только погромы винных складов и магазинов идут ежедневно, и при этом происходит стрельба на улицах по вечерам. Но я по вечерам не выхожу, так как это главное время для писанья»³.

25 декабря 1917 г. «Связного, большого написать пока нельзя, газетного тоже – нет подходящих газет, да и время такое полемическое, что всякая беспристрастная статья звучит диссонансом, как и вообще серьезное слово среди всеобщей ссоры и крика. <...> Дороговизна страшная. <...> Но хуже всего эти бесконечные дежурства в хвостах, для которых теперь держат специальную прислугу все, кто может»⁴.

31 декабря 1917 г. «Я не знаю, получаете ли в Борке газеты (Русские Ведомости еще выходят после перерыва, хотя и из последних сил, остальные все погублены), но если получаете, то ты из них уже знаешь последний декрет правительства комиссаров, отменяющий оплату купонов процентных бумаг, но я не знаю, понимаешь ли ты вполне смысл этого! Это значит, что мы с тобой, а также и мамаша в Борке и все, кто в нашем положении, – отныне нищие. Это все равно, лежат ли бумаги в банке на хранении или на дому. Их никто более не купит, а потому и я, и ты, и Верочка (Вера Александровна Захарова, сестра Морозова. – А.Ш.) имеем для дальнейшей жизни лишь ту физическую

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 6. Д. 349. Л. 10.

² Там же. Л. 19.

³ Там же. Л. 22 об.

⁴ Там же. Л. 30–30 об.

силу, которая сохранилась в наших руках, или те неотъемлемые знания, которые накопились у нас в голове. Но это последнее богатство теперь в загоне и презрении в наших великорусских областях и на время должно храниться в запасе. Единственное средство интеллигентных людей теперь – крепко цепляться друг за друга...<...> К довершению всего от 3 до 6 часов Петроград все время оставался без электрического освещения, прекращавшегося в 12 часов ночи. Понятно, что с тоски бежишь видеть людей, чтоб осведомиться о происходящем и поискать *возможностей* для нашего будущего устройства или бегства в Египет, – цель, которой я не терял из виду ни на минуту»¹.

8 января 1918 г. «Ты уже, верно, знаешь из газет (ведь Русские Ведомости снова выходят), что учредительное собрание развалилось, провозгласив только один закон об отобрании земель у всех собственников без выкупа, что большевики из него ушли, что Шингарева и Кокошкина убили хулиганы в больнице, что на улицах в день открытия учредительного собрания была стрельба с убитыми и ранеными, что все ренты аннулированы (я уже писал тебе об этом).<...>...я и не лезу в общественные деятели и страшно рад, что не попал в учредительное собрание, где мои слова были бы гласом вопиющего в пустыне, хотя все, что я почувствовал в марте теперь сбылось»².

28 мая 1918 г. «А на калоши никому не дали ордера, хотя научный отдел и очень просил об этом совнархоз или петрокомму, как его здесь называют и где заседают все люди, первый раз слышавшие обо мне»³.

Многие новые, но вскоре ставшие обыденными черты советской жизни, сконцентрированные в небольшом временном промежутке: жестокость к людям, преследование и убийства инакомыслящих, цензура, которая, в отличие от самодержавного времени, не имела законодательных основ, всеобщий дефицит всего, ограбление властью собственных граждан, перебои в работе коммунальных служб и необходимость поиска *«возможностей»* вплоть до эмиграции присутствуют в этих письмах.

Слова Морозова о том, что «Шингарева и Кокошкина убили хулиганы в больнице», требуют объяснения.

Когда 28 ноября 1917 г. Совет Народных Комиссаров своим декретом объявил Конституционно-демократическую партию,

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 6. Д. 349. Л. 33–34.

² Там же. Л. 35–35 об., 36 об.

³ Там же. Л. 47.

с которой у Морозова, как помнит читатель, не существовало «никаких принципиальных расхождений», партией «врагов народа», то ее лидеры были поставлены вне закона. Арестованные – врач, публицист, земский деятель и министр земледелия, а затем финансов Временного правительства Андрей Иванович Шингарев и один из основателей кадетской партии, юрист, член Учредительного собрания Федор Федорович Кокошкин были заключены в Петропавловскую крепость и вскоре оказались в Мариинской тюремной больнице. Тем и воспользовались революционные матросы и красногвардейцы, уверенные в своем праве творить самосуд и расправу. Ворвавшись с криками «Убивают министров за 1905 год, довольно им нашу кровь пить!», стали палить из револьверов. Никто из убийц не понес наказания. Решение, принятое Вторым Всероссийским съездом советов 26 октября 1917 г., об отмене смертной казни даже формально существовало недолго. Пятого сентября 1918 г. смертная казнь была официально восстановлена. Хотя для проведения революционного большевистского «красного террора» против всевозможных врагов народа и до этого никакие формальности не были нужны. Как пророчески напишет А.И. Шингарев в своем последнем письме за несколько дней до смерти: «Бедный, несчастный, обманутый народ! Какими страданиями он будет расплачиваться за минутное доверие слепым вождям!»¹

И еще яркая орфографическая деталь: Учредительное собрание, в которое Морозов когда-то баллотировался и на возможность изменений в стране к лучшему с его помощью когда-то надеялся, он пишет с прописной буквы. А ведь в Учредительном собрании, в отличие от Совнархоза, не многим нужно было бы объяснять, кто такой Николай Александрович Морозов. Дальше – больше. В.И. Ленину в июле 1919 г. Морозов напишет: «Так я всегда говорил и говорю теперь, что за разгон учредительного собрания состава 1917 г. современному правительству простится много грехов...»²

В отличие от шлиссельбургского периода у Николая Александровича вовсе не произошла смена убеждений, он просто вынужден был откровенно приспособливаться к новым условиям.

¹ Цит. по: Хрущов А. Андрей Иванович Шингарев, его жизнь и деятельность. М.: Изд. Комитета по увековечиванию памяти Ф.Ф. Кокошкина и А.И. Шингарева, 1918. С. 160.

² АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 2311. Л. 5 об.

Седьмого декабря 1917 г. была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК) во главе с Феликсом Эдмундовичем Дзержинским, уже через два месяца оперативно решавшая вопросы розыска, следствия, суда и исполнения приговора. Ленин указывал: «Сторонники буржуазии, особенно из высших служащих, из банковых чиновников и т.п., саботируют работу, организуют стачки, чтобы подорвать правительство в его мерах, направленных к осуществлению социалистических преобразований»¹. Отсюда первой задачей, поставленной перед Дзержинским, стала борьба с «саботажниками и контрреволюционерами».

Знаменитый прозаик, почетный академик Петербургской академии наук (1909 г.) Иван Алексеевич Бунин уже в эмиграции опубликует свой дневник революционного времени. Категорически не приемля «кровавое безумие» большевистского переворота, он, в частности, обратил внимание и на эту лингвистическую особенность происходящего: «Слухи о каких-то польских легионах, которые тоже будто бы идут спасать нас. Кстати, – почему именно “легион”? Какое обилие новых и все высокопарных слов! Во всем игра, балаган, “высокий” стиль, напыщенная ложь...»²

Новой власти без карнавала слов обойтись было невозможно. Вошедшее в российский обиход исконно русское слово «стачка» и его синоним из итальянского и испанского – «забастовка» вдруг, после взятия большевиками власти, сменило французское слово «саботаж». Очередному синониму старых слов теперь придавался принципиально иной смысл.

Этим негативным термином теперь называли бастующих служащих Петрограда и Москвы и других городов, врачей, учителей, профессуру высших учебных заведений, техническую интеллигенцию (всех, кого Ленин обозначил в процитированном выше указании Дзержинскому как «и т.п.»), пытавшихся таким образом ответить на разгон Учредительного собрания. Тот же термин клеймил и рабочих. Февральская революция дала им увеличение заработной платы и восьмичасовой рабочий день, но после Октября их жизнь резко ухудшилась из-за введения рабочего контроля, национализации банков и промышленных предприятий, монополии внешней торговли. Это о них в мае 1918 г. скажет революционер и профсоюзный деятель Алексей Капитонович Гастев на I съезде совнархозов: «По существу, мы сейчас имеем дело с громадным миллионным саботажем. Мне смешно, когда говорят

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 156.

² Бунин И.А. Окаянные дни. М., 1991. С. 12.

о буржуазном саботаже, когда на испуганного буржуа указывают как на саботажника. Мы имеем саботаж национальный, народный, пролетарский»¹. Обесцененные деньги и отсутствие промышленных товаров привели к тому, что у крестьян стали реквизировать продукты, ничего не давая взамен. Продразверстка и запрещение частной торговли при отсутствии государственной вели к голоду. Задача уничтожения рыночного хозяйства в кратчайшие сроки была выполнена, и наступила эпоха всеобщего дефицита. Число саботажников неуклонно возрастало.

Справиться с многочисленными противниками новой власти могла только диктатура. «Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть»². Диктатура уже родилась, и, хотя она называлось «пролетарской», умные люди поняли, к чему идет дело, еще до Октябрьского переворота. Вот что писал В.Г. Короленко 29 августа 1917 г.: «Еще один урок: не верить в сказку про Иванушку-дурачка, который без наук все науки превзошел и посему женился на принцессе. Мне вспоминается вариант этой сказки, который я слышал на Волге. Женился вахлак на царской дочери, конечно, с помощью волшебства. Обернул ее в кобылу и стал на ней ездить. Так и с революцией: далась она истинно по волшебству и быстро заездил ее вахлак до смерти. Большевики, большевики! Они только по-своему, по-сумасшедшему последовательны. А в сущности почти все – большевики, только без этой твердости лунатиков. Все толкуют: революция, конечно, “буржуазная”, но с тем, чтобы она была социальная. И из этого никак не выскочить. Обида страшная! Урок тяжелый, и надолго, а порой все-таки не хочется верить: все думаешь, откуда же спасение? И опять шевелится в сердце: а может, как-нибудь. Ведь всякая революция немножко чудо. Недавно читал в газете (“Речь”) историческую справку: как раз те же мерзости были во времена Французской революции: и дезертирство, и военная анархия, и трусость. На этом фоне и вырисовываются Наполеоны. Что-то вырисуется у нас?»³

Великая французская революция XVIII в. и революция Октябрьская 1917 г. в России оказались не только столь же значи-

¹ Труды I Всероссийского съезда Советов Народного Хозяйства. М.: ВСНХ, 1918. С. 380.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 383.

³ Негретов П.И. В.Г. Короленко. Летопись... С. 29.

тельны по результатам, но и отличались принципиальной новизной. Если революция во Франции при всех ее нелепостях и жестокостях создавала условия для рождения правового государства и эффективного развития жизнеспособного, несмотря на множество проблем, капитализма, то в России впервые в истории человечества возникли предпосылки для рождения тоталитарного государства. Впервые в мире появилась реальная сила, ставившая своей целью изменение природы людей и уход их из истории в утопию, в отличие от античных или средневековых мечтаний воплотившуюся в жизнь.

«Красный террор», появление заложников, рождение концентрационных лагерей, лишение миллионов людей прав («лишенцы»), произвол властей, равного которому до сих пор не было, «вырисовывали» небывалый общественный порядок.

В 1918 г. из имени Борок, куда Морозов уехал к жене, он сообщает живые подробности об их жизни в Петроград своему другу – издателю, редактору и переводчику Николаю Федоровичу Мертцу: «Относительно условий жизни выяснилось следующее. У крестьян больше ничего нельзя купить, взвинтили цены до невозможности. Денег совсем не берут, а при обмене вещей на продукты просто раздевают догола. <...> При полной невозможности купить яиц, сидим без них, так как кур наших украли всех»¹. Пишет в Москву В.Д. Лебедевой:

10/23 марта 1918 г. «Если крестьяне вместо того, чтобы пахать и сеять предадутся переделу земель или захвату крупных хозяйств, производящих для продажи, конечно, катастрофа будет ужасна и всем деятелям интеллигентского труда придется бежать за границу, чтоб найти где-нибудь в Южной Америке, Австрии, Индо-Китае и т.д. нового отечества. Будем надеяться, однако, что эта горькая чаша не будет выпита нами до дна»².

12 марта 1918 г. «Будущее неясно по-прежнему. Газет не получаем ни петроградских, ни московских, хотя должны бы получать Русские Ведомости и Русское слово. Выходят ли они? <...> Я пока ни за что серьезное не могу приняться. В Петрограде два с половиной месяца жил, как в походе. Ксана тоже сильно поухудела и осунулась, бедняжка, но, в общем, здорова, как и я»³.

20 июля 1918 г. «В Борке произведена циклизация, т.е. крестьяне через свой комитет, отобрали у нас все луга, оставив на

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 2324. Л. 1 об. – 2.

² Там же. Оп. 10. Д. 25. Л. 37 об.

³ Там же. Л. 39.

три семьи только 6 десятин, так что придется продать половину скота осенью из-за невозможности прокормить. В остальном все благополучно»¹.

18 декабря 1918 г. «Дорогой друг Вера Дмитриевна. Получил Ваше письмо вскоре после возвращения в Петроград. Вы, верно, уже знаете, что в деревне у нас был обыск по доносу одной кухарки, будто сестра моя Вера из Мологи перевезла к нам из своего дома оружие для поддержания вспыхнувшего около нас в ноябре крестьянского восстания против “советов”. Ничего не нашли, но сестру в Мологе разгромили, оставили босой и нагой (конечно, в фигуральном смысле). Унесли все шубы, белье, мебель, картины, одним словом все, что можно было вывезти. Я ездил туда протестовать, извинялись, обещали вернуть, но даже и через две недели ничего не сделали, а я в это время ничего там не мог предпринять, так как схватил инфлюэнцу и лежал. Едва начал вставать, как вызвали телеграммой в институт составлять и подавать смету на предстоящий год, выехал еще не вполне здоровый, получил в дороге бронхит и до сих пор уже неделю не выхожу из дому. Однако смету составил и отослал и воспользовался случаем, чтоб подготовить к печати I том “Известия Института”. Ксана осталась в деревне, потому что жить обоим в Петрограде невозможно на 1000 р. в месяц моего жалованья без всяких посторонних заработков вдвоем и с прислугой. Я живу пока рядом со своей квартирой, в комнатке астрономического отделения на паях со своим ассистентом по этому отделению Святским и его женой. Кое-как питаемся...»²

Двадцать шестого апреля 1918 г. Николай Александрович Морозов был назначен директором нового Института имени П.Ф. Лесгафта в Петрограде – должность, которую он сохранил до конца своей жизни.

Во всех книгах и статьях о Морозове говорится, что после Октябрьской революции он совершенно отошел от политики, полностью отдавшись науке. Собственно, еще в царствование Николая II Николай Александрович от политической деятельности практически отошел. Но то, что было возможно до рождения «государства нового типа», стало совершенно невозможным после его появления. По самой природе нового общества жить в нем и не участвовать в его политической жизни, по желанию или без него, человек, кем бы он ни был, уже не мог. Вот почему Морозов

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 10. Д. 25. Л. 38.

² Там же. Л. 44–45.

Н.А. Морозов в Борке
(АРАН Ф. 543. Оп. 2. Д. 656)

упорно продолжал сохранять почетный титул «революционера», обойтись без которого был уже не в состоянии.

Я не стану сейчас говорить о его научной, литературной и административной работе. Об этом речь впереди. Пока остановлюсь на жизни «революционера» Морозова в советской действительности.

* * *

Н.А. Морозов шутливо называл себя «последним помещиком России». Дело в том, что он был единственным в стране бывшим владельцем имения, которому после Октября 1917 г. оно было возвращено в пожизненное пользование «за заслуги перед революцией и наукой».

Но и здесь все оказалось не просто.

В разных книгах о Морозове указывается, что решение это было принято по личному распоряжению В.И. Ленина. Наверное, я бы в этом не усомнился, если бы не даты: по утверждению А.В. Чанцева, это произошло в 1921 г.¹ В.А. Твардовская считает, что Ленин проявил «инициативу» и «предоставил» Морозову Борок 24 января 1923 г.² С.И. Валянский и И.С. Недосекина указывают две даты: 1918 и 1923³. Вряд ли так много внимания мог уделить первый вождь советского государства месту жизни Николая Александровича. Отыскать ответ на этот вопрос оказалось несложным.

¹ См.: *Чанцев А.В.* Морозов Николай Александрович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 4. М.: Большая Российская Энциклопедия. ФИАНИГ, 1999. С. 138.

² См.: *Твардовская В.А.* Н.А. Морозов в русском освободительном движении. М.: Наука, 1983. С. 161.

³ См.: *Валянский С.И., Недосекина И.С.* Четыре встречи. Жизнь и наследие Николая Морозова. М.: АСТ, Хранитель, 2006. С. 605–607.

После революции 1917 г. (не Октябрьской, а Февральской) Морозов обратился с предложением, на определенных условиях, принять его имение в дар, под какое-нибудь культурное учреждение, к тогдашнему министру земледелия Андрею Ивановичу Шингареву (это его потом убьют «хулиганы»). Последний договорился с Ярославским земством о том, что Морозов будет пожизненно пользоваться домом и частью полей, а за остальное получит вместе со своей женой пожизненную пенсию. Но тут подоспел Октябрьский переворот.

В первую же свою поездку в Москву Морозов встретился с наркомом земледелия Семеном Пафнутьевичем Середой и предложил отдать Советскому правительству имение на тех же условиях, что и Временному правительству. Двадцатого июня 1920 г. появился следующий документ с печатью, носящий яркие приметы времени:

«Заведующим Ярославским и Мологским Зем-Отделением.

Уважаемые товарищи, обращаюсь к Вам с товарищеской просьбой оказать всяческое содействие Николаю Александровичу Морозову (о выдающихся заслугах которого перед русской революцией и наукой Вы, конечно, знаете) в его заботах по устройству хозяйства, в котором он живет. Народный Комиссариат Земледелия считает необходимым, сохранить в целостности хозяйство (бывш[ее] имение Н.А. Морозова), в котором он сейчас живет со своей женой, и сделать это хозяйство рассадником сельскохозяйственной культуры и помощи окрестным крестьянам, что полностью отвечает заветным желаниям самого Н.А. Морозова.

С товарищеским приветом *Нарком С. Середя*
*Коллегия Земледелия»*¹.

В начале 20-х годов каждый революционер был не только сам для себя самым большим начальником, но и старался убедить в этом окружающих. Что знали «уважаемые товарищи» в Ярославле и Мологе о революционных, а особенно о научных заслугах Николая Александровича, остается загадкой, но то, что они вовсе не торопились выполнять требование «центра» сделать жизнь Морозова безбедной и не грабить его, как и всех прочих, бесспорный факт. Чтобы унять местную революционную

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 2. Д. 524. Л. 1.

власть, по-своему понимающую, как обращаться с бывшим «помещиком» Морозовым, в январе 1921 г. понадобилось новое письмо-распоряжение из комиссариата земледелия, в котором указывалось, что в имении будет создан сельхозтехникум и чтобы не смели своевольничать по отношению к Морозову. Это письмо было подписано членом Коллегии Наркомзема, партийным деятелем Александром Ивановичем Мураловым. На какое-то время местные революционеры смирились, но конфликты не прекращались.

Тогда появился новый документ под таким заголовком:

«Земля Морозову

Известному шлиссельбуржцу Н.А. Морозову коллегия Наркомзема предоставила в пожизненное пользование совхоз "Борок" (Ярославская губ.)»¹.

Но в этом же номере газеты, на следующей странице, была напечатана такая информация: «Действия и распоряжения правительства» всем губисполкомам и губземотделам подтвердили декрет от 26 октября 1917 года об отмене «навсегда» помещичьей собственности на землю. Однако внесено дополнение: «В виде исключения из этого общего правила, уездным земельным отделам было разрешено циркуляром Наркомзема от 16-го сентября 1918 года, за № 13, оставлять на месте тех бывших помещиков и утверждать отвод им земли по норме, которые своей деятельностью не проявили контр-революционных стремлений и вели свое хозяйство, не прибегая к наемному труду, на отведенной в их пользование земле»². Вот почему пламенные революционеры из Мологи не желали понимать, чем отличается бывший помещик Морозов, «оставленный на месте», от всех прочих. Понадобилось большое письмо Морозова Льву Борисовичу Каменеву, где «бывший шлиссельбуржец» объяснял, что нет и не было в Борке никакого «совхоза» и сам он не «бывший» и не «помещик», потому что никогда не принадлежал к дворянскому сословию³. Именно к Каменеву Морозов обратился вовсе не случайно. Дело было не только в том, что во времена Ленина Каменев являлся одной из центральных фигур в руководстве страны, но и в том, что в среде интеллигенции у него была репутация чело-

¹ Известия. 1922. 16 ноября. С. 5.

² Там же. С. 6.

³ См.: АРАН. Ф. 543. Оп. 2. Д. 524. Л. 37-38 об.

века умного, образованного и внимательного. Один из советских деятелей вспоминал: «Как администратор, Каменев был доступен. Умный и благодушный “барин-либерал”, со склонностью к меценатству, он быстро схватывал суть дела и своим авторитетом пресекал произвол “власти на местах”, устранял “головотяпство” помпадуров и с наслаждением восстанавливал попорченную справедливость»¹.

Лишь после этого письма был опубликован документ, который стоит того, чтобы привести его полностью:

**«Действия и распоряжения правительства
Предоставление имени «Борок» в пожизненное пользование Н.А. Морозова. Постановление Совета Народных Комиссаров.**

Принимая во внимание заслуги перед революцией и наукой шлиссельбуржца *Н.А. Морозова*, Совет Народных Комиссаров постановляет:

Предоставить в пожизненное пользование *Н.А. Морозова* имени “Борок” Рыбинской губернии со всеми постройками, живым и мертвым инвентарем, в нем находящимися.

Передачу имени, равно как и установление границ последнего, возложить на Народный Комиссариат Земледелия.

Освободить имение “Борок” от всех денежных налогов и продналога, приравнять таковое к государственным культурным хозяйствам.

Зам. Председателя Совета Народных Комиссаров

Л. Каменев

Управляющий делами Н. Горбунов

Секретарь Л. Фотиева.

Москва, Кремль, 24 января 1923 г.»².

Итак, до сих пор имени Ленина никто ни разу не упоминал. Его нет ни в одном документе, касающемся передачи Борка Морозову. Откуда и каким образом эта информация стала фактом, кочующим из одной работы в другую? Автор ее – сам Морозов. «На днях директор стационара “Борок” проф. С.А. Северцов показал мне свой доклад Академии Наук СССР по поводу значения

¹ Раскольников Ф. Кремль // Смена. Ленинград. 1988. 4 октября.

² Известия. 1923. 28 января. С.4.

Борка, как научной базы дарвинизма. Я совершенно согласен с его мнением и хочу только напомнить историю Борка.

В 1924 г. Борок, бывшее имение моего отца, где я провел детство, был передан мне Совнаркомом по предложению Ленина, как сказано в декрете, “в пожизненное пользование за научные и революционные заслуги с приравнением к культурным государственным учреждениям и с освобождением от всяких налогов и продналогов”. Я принял эту награду с благодарностью¹. Не мог же «старейший революционер» Морозов 19 февраля 1943 г. объяснять, что имение он получил по распоряжению расстрелянного еще в 1936 г., признавшегося на процессе «Троцкистско-зиновьевского объединенного центра» в терроризме, вредительстве и шпионаже Льва Борисовича Каменева.

До этого случая, и по той же причине, историю о передаче ему имения Борок «по представлению Владимира Ильича» Морозов рассказывал в письме наркому внутренних дел Н.И. Ежову. В 1938 г. он просил у «глубокоуважаемого и дорогого Николая Ивановича» защиты «от угроз скрывающихся где-то поблизости контрреволюционеров-фашистов», требовавших от Морозова револьвер и деньги и угрожавших убить жену и сжечь имение. («Они пишут, что приготовились к контр-революции, благодаря предстоящей войне с Германией и Японией»²).

Представлять себе жизнь Морозова в Петрограде-Ленинграде, Москве или в Борке, занятого исключительно наукой и ничего не знающего, да и не желающего знать, о происходящем вокруг не позволяют факты. У Морозова не было никаких иллюзий обо всем происходящем после Октябрьского переворота.

По причине того что Н.Е. Парамонов, знаменитый владелец издательства «Донская Речь» и крупный предприниматель уже покинул Россию, большое письмо Морозова к нему от 24 января 1918 г. вернулось обратно. Вот некоторые фрагменты из него:

«Дорогой Николай Елпидифорович, как Вы поживаете, как поживает Анна Игнатьевна? Не приуныли ли и Вы, как многие из моих здешних друзей? А я вот ничего, не унываю, хотя тоже выбит из колеи.

Посылаю Вам заказной бандеролькой несколько экземпляров отпечатанной еще месяц назад, но до сих пор не поступившей в продажу маленькой книжки “Эволю-

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 2. Д. 524. Л. 10.

² Там же. Оп. 4. Д. 2266. Л. 1-2.

ционная социология", где, в противовес современному течению, доказываю необходимость свободной частной собственности и капитализма для дальнейшего развития человеческой культуры. Книжка не поступила в продажу, потому что издатель – случайный человек, сочувствующий, не имеющий органа распространения, и книжка в 15.000 экземплярах лежит у него на квартире без публикации и рассылки.

Я живу в Петрограде один, но при первой возможности уеду в Борок (где Ксана). Причина пребывания здесь единственно приискание какого-нибудь обеспечивающего жизнь занятия. Благодаря аннулированию процентных бумаг все мои сбережения на черный день тоже аннулированы, и также аннулированы и сбережения матери и сестер, оставшихся теперь у меня на руках. Приходится бросить литературный и научный труд, как не имеющий более спроса, и искать чисто заработного занятия где-нибудь в конторе или частном предприятии, конечно, на время, так как те из нас, которые не умрут с голода в предстоящее полугодие, увидят лучшие дни, хотя начать их, может быть, и придется под международной опекой, т.е. при оккупации нашей территории войсками цивилизованных государств. <...> Сильно ли Вас задела современная катастрофа?»¹

В конце этого же, несчастного 1918 г., 4 декабря, Морозов пишет деловое письмо известному историку, убежденному противнику большевиков и председателю кооперативного издательства «Задруга» Сергею Петровичу Мельгунову:

«Дорогой Сергей Петрович, почти две недели назад пришлось мне экстренно уехать из Петрограда, так как разгромили мою сестру, и Борок был в опасности. В довершение невзгод, получил нечто вроде испанской болезни, которая теперь почти прошла (через несколько дней надеюсь возвратиться в Петроград); но в первые ее дни, когда думал, что могу от нее умереть, передумал за ночь о многом. Прежде всего, жена моя окажется в случае моей смерти совсем в беспомощном состоянии, особенно благодаря тому, что ее здоровье пошатнулось, доктор обнаружил туберкулез, который поправим лишь при условии хорошего питания

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 2351. Л. 3–3 об., 4 об.

и покоя. Именье же развалилось и близится к конечной катастрофе месяца через два-три, а *завещание, в котором я передаю ей все*, теперь не имеет никакого значения.

Вот почему я, помимо него, хочу предупредить через Вас всех товарищей по “Задруге”, что в случае моей смерти *все без исключения права собственности на мои литературные произведения (как и все остальное материальное и не материальное мое имущество) переходят к ней.*<...> Не подумайте из всего этого, что я себя заживо хороню уже. Думаю, и всеми силами постараюсь, перевалить через бурный период и увидеть вход России и своих – близких людей в спокойную гавань, но нельзя закрывать глаза на катастрофичность современного момента и не принять соответствующих мер заблаговременно.

Крепко жму Вашу руку. Привет всем товарищам по «Задруге». Верю, что моя просьба будет исполнена.

Сердечно Ваш, *Николай Морозов*¹.

Яснее ясного Николай Александрович высказал свою точку зрения на установившийся режим: «современная катастрофа», «катастрофичность современного момента». Подтверждений точности своей оценки происходящего он получал предостаточно.

К примеру, та самая Н.М. Субботина, которая совсем недавно, после Февральской революции, будучи в восторге от неограниченных возможностей впереди, уговаривала Морозова предложить «срыть Бутырскую тюрьму», пишет ему из Сормова:

25 мая / 7 июня 1918 г. «Пусть большевики захватили мою обсерваторию, но ведь я и в Нижнем Новгороде, где мы проводили зиму, из старого объектива и окуляра соорудила картонную трубу и отлично наблюдала звезды с балкона, и никакими декретами большевики не могли бы их конфисковать и запретить на них любоваться!»²

2 апреля 1919 г. «Пока что жить там (деревня Собольки Московской губернии. – А.Ш.) невозможно, т[ак] к[ак] коммуна прямо разбойники и нас туда не пускает, но я твердо убеждена, что нравственное право рано или поздно одолеет грубую силу»³. «Затем маме было предъявлено требование, уплатить

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 2323. Л. 1-1 об.

² Там же. Д. 1811. Л. 8.

³ Там же. Л. 10.

100 000 налога, как помещице и домохозяйке (хотя и Собольки, и дом ее давно конфискованы, а мама жила на моей квартире, из 3-ех комнат с мебелью моей тетки). Платить нам и 3-ех тыс. нечем, т[ак] ч[то] могут посадить кого-ниб[удь] в тюрьму...»¹

14 мая 1919 г. «И ведь искренне думают, что больше человеку ничего и не надо, как только есть, пить и спать, по возможности ничего не делая! Вы не думайте, что я бранюсь, я изучаю с печальным удивлением практику социализма»².

С «практикой социализма» постоянно сталкивается и Морозов. Своей жене он пишет: 7 сентября 1919 г. «На днях произведено много арестов среди профессоров, и притом совершенно без разбора. Ко мне бегут все их родственники с просьбой попросить о их освобождении: отказывать в этих случаях нельзя, и я прошу. В некоторых случаях исполняют мою просьбу, так отпустили тотчас директора Пулковской обсерватории Белопольского, который очень трогательно меня благодарил. В других случаях ничего не помогает»³.

Это лишь начало. Очень скоро к нему будут «бегать» реже, но он будет получать множество писем от людей близких или незнакомых, и мы посмотрим, как будет реагировать на них Николай Александрович.

Он с грустью отмечает происшедшие изменения быта Петрограда: 2 апреля 1921 г. «Всякая общественность в жизни совершенно сметена, нет и помину о прежних собраниях в праздничное время друг у друга за чаем, чтоб поболтать о литературе или обо всем на свете. Все попрятались, как медведи в берлоги, и, выйдя из них, смотрят волками или затравленными зайцами»⁴.

Да и о самом городе рассказывает с той же интонацией: 14 апреля 1921 г. «Петербург теперь, пожалуй, самый нищий город во всей России, никакой другой не развалился и не обеднел материально в такой степени, как он. Часто, идя по его прежним торговым улицам и видя на них зияющие пещеры вместо магазинов, провалы и ямы на мостовых, облезшую штукатурку домов, развалившиеся набережные, остовы судов, торчащие тут и там из воды, и хвосты людей, толпящихся перед продовольственными пунктами, думаешь: воскреснет ли он когда-нибудь? И не веришь»⁵.

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1811. Л. 11 об.

² Там же. Л. 15 об.

³ Там же. Оп. 6. Д. 350. Л. 52 об.

⁴ Там же. Д. 351. Л. 4 об.

⁵ Там же. Л. 7 об.

Морозов пока еще полагает, что он сможет на что-то повлиять кроме своих личных дел: 25 декабря 1920 г. «Завтра поговорю с Кристи и насчет общегосударственного положения со своей точки зрения, и, если почва окажется более или менее подготовленной самой жизнью, буду говорить с Лениным относительно своевременности восстановления частной собственности и свободной торговли, а также и с другими московскими комиссарами. Попутно постараюсь устроить и свою новую книгу, и Борковские дела»¹.

С Михаилом Петровичем Кристи, старым большевиком, искусствоведом, уполномоченным Наркомпроса в Петрограде, затем начальником Главнауки, у Морозова были давние и дружеские отношения. А вот «разговора» с Лениным у Морозова не случится. Собственно, свою точку зрения он высказал Ленину в большом письме еще в 1919 г., к которому мы еще вернемся. А пока лишь небольшая цитата из него: «...и я не хочу от Вас скрывать своего мнения, к которому меня привели беспристрастные наблюдения, что победа “коммунистов” над “мешочниками” и “мелкими спекулянтами”, в каких, благодаря ажиотажу от быстрого падения ценности денег, обратилась основная масса населения, мне представляется сомнительной и даже очень сомнительной»².

Очевидно, что точки зрения Морозова и Ленина на экономическое развитие страны не совпадали и совпасть не могли. Ближайший соратник Ленина Л.Д. Троцкий, об ораторском таланте которого и сегодня вспоминают с восхищением, в своем ярком выступлении на IX съезде РКП(б) в 1920 г. предельно ясно объяснил самую суть социализма: «Если принять за чистую монету старый буржуазный предрассудок или не старый буржуазный предрассудок, а старую буржуазную аксиому, которая стала предрассудком, о том, что принудительный труд непроизводителен, то это относится не только к трудармии, но и к трудовой повинности в целом, к основе нашего хозяйственного строительства, а стало быть, к социалистической организации вообще»³.

Утвержденная вскоре новая экономическая политика (НЭП) вовсе не ставила под сомнение необходимость «социалистической организации вообще». Великий поэт XX в. Борис Леонидович Пастернак не случайно назвал НЭП самым двусмысленным

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 6. Д. 351. Л. 104 об.

² Там же. Оп. 4. Д. 2311. Л. 7 об.

³ Девятый съезд РКП (б): Протоколы. М., 1960. С. 97.

и фальшивым из советских периодов¹. После большевистского эксперимента по уничтожению рыночной экономики, вошедшего в историю под названием «военный коммунизм», страна находилась в голоде и разрухе. Кризис 1921 г., остро проявившийся в крестьянских восстаниях, рабочих забастовках, а главное – в мятеже матросов Кронштадта, требовал немедленного разрешения. Ленин был вынужден признаться: «...мы сделали ту ошибку, что решили произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению. Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам, – и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение»².

Не вышло. На X съезде РКП (б) было принято решение о замене продразверстки твердым налогом. Это была уступка крестьянам: не бойтесь сеять больше, в этом году реквизиций не будет. Продналог был примерно вдвое меньше продразверстки. Согласиться на такие потери властям было тем проще, что пуды зерна продналога существовали только на бумаге и реально не могли быть собраны. Разрешив крестьянам распоряжаться «излишками», Ленин все же попытался сделать так, чтобы вместо ненавистной свободной торговли возник местный, натуральный обмен; именно поэтому оставшиеся после сдачи продналога продукты должно было перевозить на лошадях, а не по железной дороге, при обмене между городом и деревней преимущества предоставлялись кооперативам. Ленину понадобилось время от марта до октября 1921 г., чтобы написать: «С товарообменом ничего не вышло, частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарообмена получилась обыкновенная купля-продажа, торговля»³. В 1922 г. при запрете купли-продажи земли разрешили аренду и использование наемного труда, приняли декрет о кредитной кооперации. Смена порядков стала настолько очевидной, что даже страшный голод 1921–1922 гг., результат как засухи, так и предшествующей политики, не вызвал крестьянских восстаний. В 1922 г. уже был собран хороший урожай.

Изменения не могли не коснуться и промышленности, находившейся в агонии после «красногвардейской атаки на капитал». Мелкие и иногда средние предприятия отдавались в аренду частным лицам, среди которых было немало бывших владельцев,

¹ См.: Пастернак Б.Л. Доктор Живаго. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. С. 535.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 157.

³ Там же. С. 208.

и кооперативам. В результате отказа власти от чрезмерной централизации управления государственные объединения (тресты) и государственная торговля (синдикаты) получили некоторую самостоятельность, право распоряжаться частью своей продукции и переходили на хозрасчет. Закончилась уравниловка в заработной плате. Вместо трудовых мобилизаций стали набирать рабочих на биржах труда. В 1922 г. необходимость в карточной системе почти везде исчезла.

Товарно-рыночные отношения были невозможны без твердой валюты. Денежная реформа 1922–1924 гг. была проведена под руководством молодого (34 года) наркома финансов Григория Яковлевича Сокольникова. Большевик с 1905 г., вернувшийся из эмиграции вместе с Лениным и входивший в Политбюро ЦК для политического руководства Октябрьским переворотом, свободно владевший шестью европейскими языками, окончивший юридический факультет и курс доктората экономических наук в Сорбонне, проявивший себя на практической работе финансиста в Туркестане, он был назначен первым наркомом финансов СССР. Ему удалось привлечь к работе финансовых светил дореволюционной России во главе с Николаем Николаевичем Кутлером, в прошлом директором департамента Министерства финансов, министром земледелия в правительстве Сергея Юльевича Витте, кадетом и членом Государственной думы, а во время НЭПа – членом Правления Госбанка и практическим создателем советского червонца.

Червонец, имевший золотое содержание, равное дореволюционным 10 рублям, постепенно вытеснил обесцененные деньги – «совзнаки» («хлам», по выражению Ленина) и на время (до 1926–1927 гг.) стал стабильной, конвертируемой валютой. Теперь государство получило возможность с помощью основного и прогрессивного налогов регулировать рыночное хозяйство. Необходимость покупки импортных станков, оборудования, машин заставила власть согласиться на закон о концессиях – разрешении иностранным предпринимателям на определенных условиях заниматься добычей полезных ископаемых и эксплуатацией хозяйственных объектов.

Однако в условиях политического всевластия большевиков частная собственность была изначально обречена. То, что было очевидным для современников, стало трактоваться совсем иначе во время «перестройки» М.С. Горбачева. Экономическую политику, временно введенную Лениным под давлением обстоятельств как вынужденное отступление, стали рассматривать как

долгосрочную стратегию развития нового общества. Слова Ленина «всерьез и надолго», выдернутые из контекста, употребляли подчас забавно. Так, они красовались в качестве девиза в банке СБС-АГРО. Чем закончились и банк и НЭП – общеизвестно. Итак, о долгосрочности: 23 декабря 1921 г. Ленин произнес: «...эту политику мы проводим всерьез и надолго, но, конечно, как правильно уже замечено, не навсегда. Она вызвана нашим состоянием нищеты и разорения и величайшим ослаблением нашей крупной промышленности»¹. Уже в 1922 г., на XI съезде РКП (б), Ленин подвел итоги НЭПа: «Мы год отступали. Мы должны теперь сказать от имени партии: достаточно! Та цель, которая отступлением преследовалась, достигнута. Этот период кончается или кончился. Теперь цель выдвигается другая – перегруппировка сил»².

Попытка создания бестоварного социализма с помощью рынка не могла не рождать постоянных и неразрешимых противоречий.

Несбалансированная экономическая политика с приоритетом промышленности над сельским хозяйством привела к неоправданно высоким ценам на дефицитные и плохие промышленные изделия по сравнению с бросовыми ценами на сельскохозяйственную продукцию («ножницы цен»). В 1923 г. крестьяне не желали сдавать государству зерно, а склады и магазины были затоварены заводскими изделиями, в которых так нуждалась деревня. Отсутствие необходимой техники не позволяло поднять урожайность, которая оставалась самой низкой в Европе. А борьба с зажиточными крестьянами вела к дроблению земельных участков и экономической поддержке нерентабельных мелких хозяйств. Крестьяне в поисках выхода больше сеяли технические культуры и занимались разведением скота при сокращении производства зерна, но, стремясь заработать, помнили, что если перейдут известный предел, то могут попасть в число «кулаков» и лишиться всего. К 1926–1927 гг. стало ясно, что экономические меры при существующем политическом строе на крестьян воздействуют не в той мере, как этого хотелось партийному руководству.

Ленин не зря подчеркивал, что «командные высоты» в экономике – банки, крупная промышленность, внешняя торговля остаются в руках государства. Поэтому именно власть определяла условия существования рынка и всегда имела возможность влиять на экономику внеэкономическими методами. Предприниматели,

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 311.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 87.

которых называли нэпманами, не просто не участвовали в управлении государством, они были людьми второго сорта, лишёнными избирательных прав, и прекрасно понимали, что их положение зависит от очередного декрета. Поэтому свои средства они предпочитали вкладывать не в производство, а в торговлю. Быстро полученная прибыль не расширяла дело, а транжирилась в игорных домах и ресторанах, прокатывалась на лихачах и пряталась в драгоценностях. Налоги и отсутствие кредитов лишали «малые предприятия» будущих возможностей. Медленное развитие промышленных предприятий вызвало рост безработицы.

Не получили широкого развития и концессии. Государственные органы жестко ограничивали экономическую свободу. Не имевшие никаких гарантий иностранные предприниматели не хотели рисковать капиталами, поэтому удельный вес концессий в промышленном производстве составлял лишь 1 процент.

Вот что произошло с высокоценимым и конвертируемым червонцем. По причине того что экономика была лишь служанкой политики, в 1921–1923 гг. правительство смогло ликвидировать имевшие хождение деньги союзных республик – там инфляция была даже выше, чем в России. Во время второй деноминации были введены денежные знаки нового государства – СССР. Но сработала старая истина – даже если поменять одни деньги на другие, инфляция не остановится. В 1923 г. выпустили купюры достоинством 500 и 1000 рублей, в ноябре – 10 тысяч, а в декабре уже 25 тысяч рублей. В 1924 г. их стали менять на «государственные казначейские билеты» достоинством, соответственно, в 1, 3 и 5 рублей золотом. Один такой билет был приравнен к 50 тысячам рублей выпуска 1923 г., или к 50 миллиардам доденоминационных. Кризис не был преодолен, товаров производилось мало, инфляция привела к тому, что покупательная способность денег стала разной по местностям и даже магазинам. В 1926–1927 гг. червонец перестал быть конвертируемой валютой. Выпускались все новые и новые виды денег, часто ходившие одновременно. Так, к 1929 г. были выпущены следующие платежные документы: билеты Государственного банка СССР образца 1924 г.; государственные казначейские билеты СССР образца 1925 г.; билеты Государственного банка СССР образца 1926–1928 гг.; государственные казначейские билеты СССР образца 1928 г.; червонцы. В дальнейшем, что ни год, выпускались новые виды казначейских билетов или билетов Госбанка.

Результатом НЭПа стало восстановление хозяйства примерно в том виде, в каком оно существовало до Первой мировой

войны. Но это было лишь необходимым условием для дальнейшей модернизации производства. В декабре 1925 г. на XIV съезде партии был провозглашен курс на индустриализацию. Решить этот вопрос так, как он решался в других странах – накопление средств, развитие легкой промышленности, привлечение иностранных инвестиций и внутренних резервов, – было неприемлемо. Прежде всего средства должны были направляться в те отрасли, «на которые выпадает главная роль в деле обеспечения обороны и хозяйственной устойчивости страны в военное время». Четвертого февраля 1931 г. Сталин заявил: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в 10 лет...»¹ При такой политике даже ущербный советский рынок был не нужен. 1926 год стал началом его конца. Время его существования определялось лишь задачей момента. Заготовительный кризис 1927–1928 гг. был разрешен привычными со времен военного коммунизма мерами: конфискации, запрет на торговлю хлебом, заградотряды. Возмущение крестьян было использовано Сталиным, чтобы в ответ на крестьянское сопротивление («кулацкие мятежи») провозгласить курс на коллективизацию. В декабре 1929 г. Сталин объявил о конце НЭПа и «ликвидации кулачества как класса». Двусмысленный и фальшивый период советской истории был завершен.

Что о происходящем думал Н.А. Морозов, догадаться нетрудно.

«Но в спор с властью Николай Александрович не вступал. Его позицию точнее было бы определить даже не как нейтралитет, а скорее как полное отстранение, отчуждение от политики. Не протестуя против массовых репрессий в 30-е годы, он никогда не выступал и в их поддержку. Подписи Н.А. Морозова – почетного члена Академии наук СССР с 1934 г. (ошибка или опечатка: правильно с 1932 г. – *А.Ш.*) – нет под коллективными письмами ученых и деятелей культуры, требовавших расстрела “врагов народа” и ужесточения карательных мер. В годы советской власти Николай Александрович жил только наукой»².

То, что Морозов перестал быть революционером, читателю уже известно. Поэтому было бы нелогично удивляться тому факту, что заниматься наукой в царствование «деспота» Александра II Морозов никак не мог, но власть Сталина жить «только наукой»

¹ Правда. 1931. 5 февраля.

² Твардовская В.А. Николай Морозов в конце пути: наука против насилия // Миротворчество в России: Церковь, политики, мыслители. М.: Наука, 2003. С. 447.

Николаю Александровичу не мешала. Однако поверить в ученого, настолько увлеченно занятого своим делом, что он не замечал и не участвовал в происходящем вокруг, не получается.

Первого декабря 1934 г. мелкий партийный деятель Леонид Васильевич Николаев сумел войти в особо охраняемый Смольный и застрелить видного партийного деятеля, секретаря ЦК ВКП (б) Сергея Мироновича Кирова. Было ли это убийство организовано НКВД по заданию Сталина или Сталин просто воспользовался создавшейся ситуацией – мнения историков, занимавшихся изучением этого дела, разошлись. Николаева очень скоро расстреляли. Были репрессированы или погибли при невыясненных обстоятельствах люди из охраны Кирова и руководства НКВД в Ленинграде. Но меня сейчас интересует не само это преступление, а то, что случилось после него.

Убийство Кирова послужило поводом для расправы над множеством людей: от уже сидевших до этого убийства в тюрьме белогвардейцев или ни в чем не повинных церковнослужителей до бывших партийных оппонентов. Его гибель была использована для грандиозной партийной «чистки» и создания условий для массовых репрессий, вошедших в историю под названием «Кировский поток». В день убийства Президиум Верховного Совета СССР принял постановление: дела о терроре (а при желании таковым могло стать любое дело) рассматриваются в 10-дневный срок, слушаются без участия сторон, кассационные жалобы, как и ходатайства о помиловании, отменяются, а приговор приводится в исполнение немедленно. В 1935 г. все меры наказания, в том числе и расстрел, уже применяются к гражданам с 12-летнего возраста. В СССР взрослели быстро. В атмосфере всеобщего доноительства главным героем советских детей становится донесший на своего отца 12-летний Павлик Морозов.

Именно в 1935 г. были закрыты такие организации, как Общество старых большевиков и Всесоюзное Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Вот что сообщала о последнем Ксении Морозовой знаменитая революционерка Вера Николаевна Фигнер 26 декабря 1936 г.: «Ликвидация "Общества" очень сильно сказывается здесь на всех. Никакого общения между собой нет. Хоть на собрания я приходила только в перерыв, но могла встречать в этот перерыв всех, кого хотела»¹. Времена измени-

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 6. Д. 515. Л. 24 об.

лись. Встречаться и разговаривать во второй половине 30-х годов нужно было с оглядкой, а то мало ли что...

Советская система с ее всеохватной фальсификацией жизни достигла высочайшего мастерства в умении оперировать фантомами и выдавать желаемое за реальность. Пришедшие к власти большевики для придания революционной обусловленности и легитимности своей власти пропагандировали ленинскую мысль наследования Октябрьской революцией 1917 г. всех революционных идей мировой истории. Вот почему до определенной поры они признавали, хотя и с существенными оговорками, не только заслуги революционеров прошлых эпох, их труды, но и созданные ими общественные организации.

Если до первого ликвидированного Общества Морозову особого дела не было, то Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев не только объединяло революционеров разных политических партий, среди которых были и ветераны «Народной воли», друзья Николая Александровича, но и занималось научной деятельностью. В частности, в издательстве политкаторжан публиковали книги и статьи самого Морозова.

И вот терроризм в СССР превратился в главное государственное преступление. В Музее революции даже портреты царевича 1881 г. убираются в подвал. Как же ведет себя бывший теоретик и практик террора?

В 1935 г., к первой годовщине убийства Кирова, Морозов пишет статью. Она стоит того, чтобы ее прочесть:

«У гроба Кирова.

В траурный день первой годовщины С.М. Кирова с печалью вспоминаю я о его трагическом конце.

Последний раз я видел его, когда вместе со своим товарищем по Народной воле А.В. Прибылевым, приезжал к нему с просьбой о назначении на службу одного из наших товарищей.

Но разговор о товарище продолжался лишь минуту или две: с обычной своей отзывчивостью Киров тотчас же согласился на нашу просьбу, записал в памятную книжку свое распоряжение и начал меня с интересом расспрашивать о нашем Естественно-научном институте имени Лесгафта, с которым он был хорошо знаком еще до революции, как с единственным независимым ученым учреждением в России и о моих научных замыслах и работах.

Все впереди казалось спокойным и ясным, как вдруг, как гром на безоблачном небе, раздался выстрел Николаева, особенно поразивший меня как одного из последних народовольцев.

Вот, думалось мне, мы когда-то боролись с оружием в руках с самодержавием, мотивируя это тем, что против людей, которые беззастенчиво говорят, что властвуют милостью божию, а не народной волею – как мы называли и нашу партию, – всякий сторонник народовластия имеет право поднять оружие.

Мы считали себя правыми, потому что не признавали божью волю, а только народную.

А теперь вдруг тоже самое оружие было поднято и против избранника народа.

Стреляя по коронованным помазанникам, ссылавшимся на волю бога, мы как бы поднимали оружие и на выдуманного клерикалами бога, а теперь, стреляя по народному представителю, убийца этим самым стрелял косвенно и по всему народу, и особенно по тем, кто положил свою жизнь за представительный образ правления.

Все эти мысли приходили мне в голову год тому назад, когда я стоял у гроба в почетном карауле.

Против меня с другого конца платформы стоял пионер, а по другую сторону гроба, рядом со мной стояла одна из старейших деятельниц партии ВКП (б), а против нее – юная пионерка.

И старое и малое стояло у гроба, воздавая почет его народному представителю, а мимо гроба, как волны бесконечного потока, проходили толпы, пришедшие последний раз взглянуть на него.

Тут был весь Ленинград, все его окрестности.

Я смотрел на лицо Кирова – то же самое, как и при нашем последнем свидании.

Пришла смена, и мы печально уступили свои места другим»¹.

Морозов, живущий, по утверждению ученого автора, «только наукой», с неназойливым изяществом сообщает и о «единственном независимом ученом учреждении в России», коим он, Морозов, ныне руководит, и о своих «научных замыслах и рабо-

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 1. Д. 597. Л. 4.

тах», которыми все интересуются. Но главное – Николай Александрович, один из немногих еще живых террористов-народовольцев, ухитряется написать фразу ничуть не хуже тех, которые будет произносить на громких политических процессах лучший прокурор сталинской эпохи Андрей Януарьевич Вышинский. Оказывается, Николаев сумел выстрелить не только в «избранника народа» (где и как народ избирал члена ЦК, Морозов не уточняет), но также и «по всему народу». И даже попал в тех, «кто положил свою жизнь за представительный образ правления», т.е. в настоящих революционеров, которым народ обязан своим сегодняшним счастьем, в том числе и в него – Николая Александровича Морозова. А проходящие мимо гроба «толпы» подтверждают известные слова, произнесенные И.В. Сталиным на XVII съезде ВКП (б): «Все видят, что линия партии победила».

Тот факт, что эта статья не была опубликована (она увидела свет в публикации Г. Мишулиной «Воспоминания о С.М. Кирове» в районной газете «Вперед» Некоузского района Ярославской области только 14 декабря 1989 г., да и то с небольшими сокращениями), ничего в позиции и мыслях Морозова не меняет. Текстов, написанных Николаем Александровичем для печати, но оставшихся в рукописях, предостаточно. Более того, рукопись, не испорченная ни ошибками машинистки, ни редакторскими вставками или сокращениями имеет несоизмеримо большую ценность. Приведенный текст слово в слово написан собственноручно Н.А. Морозовым.

Вообще, Николай Александрович вовсе не был таким литературным чудачком ученым не от мира сего и был всегда в курсе происходящих в стране событий. Своему близкому другу и товарищу по шлиссельбургскому заключению Вере Николаевне Фигнер он сообщал в письме 11 февраля 1937 г.: «Хотя я и слишком углублен в свои занятия, чтобы систематически читать газеты, но Ксана сообщает мне все, что есть интересного, и даже читает вслух все заслуживающее внимания»¹.

Так что письмо Веры Фигнер от 25 июня 1937 г., вовсе не было для него громом среди ясного неба: «Мы кругом потрясены невероятными событиями. Атмосфера самая тяжелая, угнетающая. Полос и Ам[ерика], конечно, восхищают, но не утешают во внутренних несчастьях. История с Плетневым оказалась позорная, но не для него, а для того взрыва негодующих криков, не дождав-

¹ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Ед. хр. 604. Л. 208–208 об.

шихся расследования, а теперь оказалось все шантаж, душевно больной бред. Каминский извинялся перед Плетневым, но удивительно, ч[то] печать молчит. Вы, верно, сами все это знаете и чувствуете»¹.

«Полюс и Америка» – это о первом беспосадочном перелете 18–20 июня 1937 г. советскими летчиками Чкаловым, Байдуковым и Беляковым на самолете АНТ-25 из Москвы через Северный полюс в Ванкувер (штат Вашингтон, США). Но «позорная» история с Плетневым не случайно взволновала Веру Николаевну неосознанно больше.

Дмитрий Дмитриевич Плетнев был замечательным врачом-терапевтом, автором книг «Основы клинической диагностики» и «Болезни сердца», в 1906 г. защитил докторскую диссертацию и работал в знаменитых европейских клиниках. С 1917 г. он – профессор Московского университета, с середины 20-х – основатель и главный редактор журнала «Клиническая медицина», член редколлегий восьми медицинских журналов и первого издания Большой медицинской энциклопедии, консультант Лечебно-санитарного управления Кремля. Среди его высокопоставленных пациентов были В.И. Ленин и Н.К. Крупская. Он являлся Заслуженным деятелем науки РСФСР и председателем Московского терапевтического общества. Однако у этого выдающегося человека были очевидные для некоторых современников недостатки. Например, дворянское происхождение, непереносимое для будущего сталинского прокурора-палача А.Я. Вышинского, которого в 1925 г. назначили ректором 1-го Московского университета, где он занимался своим излюбленным делом – поиском чуждых советской власти элементов. Плетнев имел неосторожность не только противоречить начальству, но и высмеивать его. Дело закончилось в 1929 г. увольнением Плетнева из университета. В терапевтической клинике Московского областного клинического института, где он стал руководителем, никогда не висели на стенах портреты советских вождей. В 1936 г. в своей статье «Памяти Павлова» Плетнев отметил как замечательную такую черту характера академика: «Он никогда, никогда, ни в молодости, ни в старости, не лицемерил, не приспособлялся». Может быть, и сам Дмитрий Дмитриевич, поэтому отказался подписать медицинское заключение, что застрелившаяся жена Сталина Надежда Сергеевна Аллилуева умерла от приступа аппендицита, а застре-

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1967. Л. 18 об. – 19.

лившийся, или застреленный, Серго Орджоникидзе скончался от сердечного приступа. Так что происшедшую с ним, по словам В.Н. Фигнер, «позорную историю» трудно назвать случайной.

Восьмого июня 1937 г. в «Правде» появилась большая и без подписи статья «Профессор-насильник, садист». Оказалось, что три года назад с некоей гражданкой Б. произошла жуткая история, о которой она сообщила лишь сейчас. Стало известно о «зверском насилии над ней», совершенном профессором Плетневым во время приема. Плетнев укусил ее за грудь, после чего она «лишилась трудоспособности, стала инвалидом в результате раны и тяжкого душевного потрясения». О том, что эта гражданка сотрудничала с органами, широкая публика в то время, разумеется, знать не могла, но любому думающему человеку было ясно, что в главной газете страны подобная информация об известном враче появиться случайно не могла. А уже на следующий день в газете, как водится в таких случаях, были опубликованы письма возмущенных советских граждан. Однако 19 июня читатели «Правды», привыкшие к сообщениям о расстрелах и огромных сроках заключения, с удивлением узнали, что «профессор-садист» всего лишь «условно приговорен к двум годам лишения свободы».

Когда Фигнер писала Морозову об этом событии, возмущаясь позорным «взрывом негодующих криков», она еще не могла знать, что факт извинения наркома здравоохранения Григория Наумовича Каминского перед Плетневым принимать во внимание не стоит, потому что самого наркома в феврале 1938 г. расстреляют. А отпущенный Плетнев будет уже через несколько месяцев арестован по обвинению в соучастии убийства М. Горького и В. Куйбышева. На сфабрикованном процессе, на котором будут приговорены к смерти видные деятели Советского государства Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, Н.Н. Крестинский и др., знаменитый врач с 40-летним стажем будет публично (как и все остальные обвиняемые) давать признательные показания прокурору А.Я. Вышинскому. Как были получены эти показания, стало известно после протеста Генерального прокурора СССР по делу правотроцкистского блока в 1989 г. Лишь несколько строк из ставших известными писем Плетнева А.Я. Вышинскому, Л.П. Берии и К.Е. Ворошилову: «Весь обвинительный акт против меня – фальсификация. Насилием и обманом у меня вынуждено было “признание”, допросы по 15–18 часов подряд, вынужденная бессоница, душение за горло, угроза избиением...» Плетне-

ва осудили на процессе «антисоветского правотроцкистского блока» на 25-летнее лишение свободы. Одиннадцатого сентября 1941 г. его расстреляли в числе 157 политзаключенных Орловской тюрьмы¹. О том, что реабилитация Плетнева все же произойдет (5 апреля 1985 г.) в то время можно было только мечтать. Но поверить в справедливость и законность происходящего В.Н. Фигнер и Н.А. Морозов, конечно же, не могли.

В.Н. Фигнер спрашивала в письме Морозова и его жену 19 декабря 1937 г.: «Читали ли книгу: Москва. 1937. Фейхтвангера? Оч[ень] любопытная книжка!?»²

Характерная черточка: вопросительный знак в этом послании Верой Николаевной вычеркнут. У нее вопрос если и появился, то только риторический.

Снискавший всемирную славу писатель Лион Фейхтвангер был не первой и не последней знаменитостью из тех, кто приезжал в СССР, и написал книжку обо всем, что увидел. Но только его книга, изданная в Амстердаме, была уже через несколько месяцев переведена на русский язык и издана тиражом 200 тысяч экземпляров: *Фейхтвангер Л. Москва 1937; Отчет о поездке для моих друзей / Пер. с нем. М.: Государственное издательство Художественная литература, 1937*».

В.Н. Фигнер безусловно права – еще бы не любопытная! Автор этой «объективной правды об СССР» ухитрился в 1937 г. увидеть, как «весь громадный город Москва дышал удовлетворением и согласием и более того – счастьем»; «В многочисленных магазинах можно в любое время и в большом выборе получить продукты питания по ценам, вполне доступным среднему гражданину Союза – рабочему и крестьянину» (с. 9). Он заметил, что «больше всех разницу между беспросветным прошлым и счастливым настоящим чувствуют крестьяне...» (с. 13). И уверял своих читателей, что «социалистическое плановое хозяйство гарантирует каждому гражданину возможность получения в любое время осмысленной работы и беззаботную старость» (с. 14). Сравнивая западную цивилизацию с новым, советским миром, Фейхтвангер признается: «Когда из этой гнетущей атмосферы изолгавшейся демократии и лицемерной гуманности попадаешь в чистый воздух Советского Союза, дышать становится легко» (с. 93). И еще много чего интересного практически на каждой странице этой

¹ См.: *Бородулин В.И., Тополянский В.Д. Дмитрий Дмитриевич Плетнев // Вопросы истории. 1989. № 9. С. 36–54.*

² АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1967. Л. 17 об.

массовой и необыкновенной книги, которая, к слову сказать, тоже очень скоро была изъята из библиотек и оказалась в «спецхране».

Причины этого объяснил известный историк цензуры в СССР Арлен Викторович Блюм: «Фейхтвангер, впрочем, был несколько “смущен” той вакханалией, которая творилась вокруг имени Сталина, рискнув поместить в книге главу “Сто тысяч портретов человека с усами”. И вскоре “Москва 1937” оказалась идеологическим и цензурным инстанциям “нежелательной” для открытого распространения. Во-первых, потому, что даже очень мягко выраженное сомнение в правомерности культа вождя могло вызвать у читателей “неудобные” вопросы. Во-вторых, неоднократное упоминание в книге имен врагов народа – неважно в каком контексте – позднее также было признано вредным для читателя, тем более, что в кратких портретных зарисовках все-таки чувствовалось что-то человеческое. В-третьих, в небольших главках “Причина более строгой цензуры” и “Необходима ли цензура?” Главтик усмотрел нежелательные выпады против своего ведомства...»¹

Человек, даже плохо знающий историю СССР, что-то слышал о том, что в «счастливом» 1937 году начался «Большой террор»: проходили многочисленные аресты «врагов народа», процессы «вредителей», «троцкистов» и т.п. Не обошел эту тему молчанием и Фейхтвангер: «С процессом Зиновьева и Каменева я ознакомился по печати и рассказам очевидцев. На процессе Пятакова и Радека я присутствовал лично» (с. 72). «И мне тоже, до тех пор пока я находился в Европе, обвинения, предъявленные на процессе Зиновьева, казались не заслуживающими доверия. Мне казалось, что истерические признания обвиняемых добываются какими-то таинственными путями. Весь процесс представлялся мне какой-то театральной инсценировкой, поставленной с необычайно жутким, предельным искусством. Но, когда я присутствовал в Москве на втором процессе, когда я увидел и услышал Пятакова, Радека и их друзей, я почувствовал, что мои сомнения растворились, как соль в воде, под влиянием непосредственных впечатлений от того, что говорили подсудимые и как они это говорили. Если все это было вымышлено или подстроено, то я не знаю, что тогда значит правда» (с. 73).

Каким образом мудрый исторический романист и тонкий психолог, автор «Иудейской войны», «Мудрости чудака...»,

¹ Блюм А. Зарубежная литература в спецхране // Иностранная литература. 2009. № 12. С. 135.

«Лже-Нерона», «Еврея Зюсса» и многих других замечательных книг поверил всему, что увидел, – этому существует немало объяснений. Одно из них – очевидно. Эмигрировавший во Францию из нацистской Германии еврей Фейхтвангер, чьи книги публично сжигали в числе прочих неугодных у него на родине, надеялся на СССР, как на страну, которая сможет противостоять Гитлеру, и увидел то, что очень хотел увидеть. Но я рассказываю не о Фейхтвангере. Вот что этот писатель написал по своим впечатлениям, в частности, о Пятакове: «Я никогда не забуду, как Георгий Пятаков, господин среднего роста, средних лет, с небольшой лысиной, с рыжеватой, старомодной, трясущейся острой бородой, стоял пред микрофоном и как он говорил – будто читал лекцию. Спокойно и старательно он повествовал о том, как он вредил в вверенной ему промышленности. Он объяснял, указывал вытянутым пальцем, напоминая преподавателя высшей школы, историка, выступающего с докладом о жизни и деяниях давно умершего человека по имени Пятаков и стремящегося разъяснить все обстоятельства до мельчайших подробностей, охваченный одним желанием, чтобы слушатели и студенты все правильно поняли и усвоили»¹.

О Пятакове оставил воспоминания Иосиф Бергер-Бразилай, деятель Коминтерна, много лет проведенный в советском заключении, но доживший до освобождения: «Незадолго до окончания второй пятилетки Пятакову дали орден Ленина, вынесли горячую благодарность от имени ЦК партии и... арестовали. У него имелся некоторый юридический опыт. В 1922 году он был членом трибунала, судившего эс-эров. Подсудимых тогда приговорили к десяти годам, но выпустили на свободу через два года. С Пятаковым же поступили совершенно иначе.

На суде Пятаков признавался во всем подряд. Следователи, безусловно, его ни в чем не убедили. Но он слишком много знал и понимал, как делаются такие дела. На суде звучала только одна диссонирующая нота. Некоторые из небылиц, которые он рассказывал на суде, слишком легко оказалось проверить и опровергнуть. Так оно и случилось позже, когда его показания были опубликованы и проверены во Франции. Там он якобы встречался с “участниками заговора”, в несуществующих местах или в такое время, когда было известно, что они находятся в совершенно другом месте. Может быть, он позволил себе такую шутку напоследок. Это на него было похоже. А может, пошел на все из страха

¹ Фейхтвангер Л. Москва 1937 / Пер. с нем. М.: Художественная литература. 1937. С. 79.

перед пытками, но он все же оставил после себя небольшой постскрипtum, который и расшифровали историки»¹.

В 1988 г. Пленум Верховного суда СССР отменил приговор Пятакову, как и другим обвиняемым и признал сам этот процесс сфабрикованным.

В отличие от Л. Фейхтвангера, книга которого должна была произвести на Морозова впечатление примерно такое же, как и на В.Н. Фигнер, Николай Александрович был вполне осведомлен о реальном положении дел в Советском Союзе. Тем интереснее читать написанные его рукой строки: «Читая в “Правде”, отчет о процессе “троцкистского центра”, и я не могу не выразить чувства своего отвращения к его руководителям и к его методам. Со времени предательства Азефа я никогда еще не был в таком удрученном состоянии. <...> Шлю самые искренние поздравления своим преемникам в борьбе за лучшее будущее. Лично т. Сталину, Ворошилову и остальным их сотрудникам с избавлением от страшной опасности и не сомневаюсь, что суд исполнит свой долг. *Николай Морозов*»².

Прежде всего отметим для себя, что современных ему руководителей страны (а вовсе не ученых) Морозов называет «своими преемниками в борьбе за лучшее будущее». Как видим, Морозов не «подписывал» коллективные письма, а писал вполне самостоятельно. Что и кому он сообщал еще по этому или сходным поводам, к сожалению, сказать сложно. Ряд документов в Архиве РАН просто закрыт для исследователей. Подобная практика существует не только в этом российском архиве.

Известный историк литературы Борис Яковлевич Фрезинский поделился с читателями своей удачей: «Предпринял я и попытки получить доступ в Президентский архив и в архив КГБ – кое-какие документы оттуда мне показали»³.

Значительно меньше повезло другому историку: «В 2011 г. в Архангельске прошел громкий судебный процесс по делу заведующего кафедрой отечественной истории Поморского государственного университета (ПГУ) Михаила Николаевича Супруна, обвиняемого в незаконных сборе и передаче данных об интер-

¹ Бергер И. Б. Крушение поколения. Воспоминания / Пер. с англ. Я. Бергер. Firenze: Aurora, 1973. С. 116.

² АРАН. Ф. 543. Оп. 1. Д. 599. Л. 1-1 об. Заметка о процессе «Троцкистского центра». 1937. Автограф-черновик.

³ Фрезинский Б. Троцкий. Каменев. Бухарин: Избранные страницы жизни, работы и судьбы. М.: АИРО-XXI. 2015. С. 19.

нированных в Архангельскую область во время и после Великой Отечественной войны пленных. По тому же делу проходил начальник Информационно-аналитического центра Управления внутренних дел по Архангельской области полковник Александр Васильевич Дударев, обвиняемый в превышении служебных полномочий. Согласно обвинительному заключению, М. Супрун при содействии А. Дударева скопировал более пяти тысяч личных дел пленных, причем часть копий оказалась в Германии. Эти действия Супруна, по мнению обвинения, подпадали под часть 1 статьи 137 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающую наказание за незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну. Историк был признан виновным, но за истечением срока давности был освобожден от уголовной ответственности. В то же время Дударева признали виновным в превышении должностных полномочий (ч. 1 ст. 286 УК РФ); суд определил ему мерой наказания год условно. Процесс этот весьма показателен, поскольку наглядно демонстрирует не только ситуацию с доступностью архивных фондов в России и правом распоряжаться собранными в архивных источниках сведениями, но и общие тенденции в государственной идеологии»¹.

Да и сам я читал в архиве ФСБ документы «Дела» моего расстрелянного в 1938 г. деда с закрытыми от меня оберточной бумагой листами, на которой было написано: «Со стр. 49–64 не знакомить»².

Государственные тайны и секреты прошлого века уже несуществующего государства продолжают оставаться таковыми в России во втором десятилетии XXI в.

Не реагировать на происходящее в стране Морозов не мог и как директор Института. Так, в 1940 г. он выступал перед своими коллегами: «Дорогие товарищи по науке! Позвольте, прежде всего, поздравить вас с блестящим окончанием Финляндской войны! Да здравствует наша Красная армия и руководители нашей политической жизни»³.

Хотя Финляндия была вынуждена согласиться на все территориальные требования СССР, говорить о «блестящем» окончании войны не было никаких оснований.

¹ Рамазаивили Г. Кто и зачем ограничивает доступ к архивным фондам? (К итогам одного судебного дела) // Новое литературное обозрение. 2012. № 118. С. 429.

² Цит. по: Шикман А. Почти семейная история // Неприкосновенный запас. 2001. № 2. С. 130–131.

³ АРАН. Ф. 543. Оп. 3. Д. 25. Л. 1.

Двадцать третьего августа 1939 г. Советский союз и Германия подписали пакт о ненападении, о котором стало известно всему миру. А еще и секретные протоколы, существование которых СССР отрицал до 1989 г., в которых договорившиеся стороны разделили сферы влияния в Восточной Европе. Пакт Молотова-Риббентропа и сопутствующие ему протоколы позволили резко расширить зону советского влияния.

В соответствии с ними 28 сентября 1939 г. Советский Союз подписал с Эстонией «договор о взаимопомощи». Через несколько недель подобные договоры были подписаны с Латвией и Литвой. В Прибалтике разместились военные базы, аэродромы и «ограниченный контингент», превышавший численность прибалтийских армий. Правительства этих стран были вынуждены уйти в отставку, а в новые законодательные органы вошли представители прокоммунистических Народных фронтов. Уже летом 1940 г. трудящиеся Прибалтики провозгласили Латвийскую, Литовскую и Эстонскую ССР и обратились с просьбой о принятии этих республик в Советский Союз. Верховный Совет СССР удовлетворил их просьбу. Установление советской власти в Прибалтике, разумеется, не могло обойтись без экспроприации имущества кулаков и буржуазии, без национализации предприятий и репрессий, когда большая часть из 50 тысяч депортированных погибла. Счастливая жизнь строителей социализма в Прибалтике стала явью. Как констатировала в своей передовице «Великий союз шестнадцати республик» главная газета страны: «Сталинская конституция проникает глубоко в сердца рабочих и крестьян. Она пленяет умы лучших представителей интеллигенции»¹.

Двенадцатого октября 1939 г. советское правительство предложило и Финляндии заключить пакт о взаимопомощи, по которому СССР получал в аренду острова в Финском заливе и прилегающий к Хельсинки полуостров Ханко, где разместится советская военная база. Финская оборонительная «линия Маннергейма» с землями Карельского перешейка предлагалась к обмену на большие, хотя и заболоченные территории Карелии. А ограниченный контингент советских войск должен был, как и в Прибалтике, обеспечить независимость, территориальную целостность и безопасность Финляндии. Правительство страны почему-то отвергло столь привлекательные советские предложения.

¹ Правда. 1940. 8 августа

Двадцать девятого ноября 1939 г. финны узнали, что их артиллерия обстреляла советское подразделение пограничного селения Майнилы, где погибли несколько красноармейцев. Правительство Финляндии напрасно доказывало, что не имеет отношения к этой провокации. Тридцатого ноября 1939 г. советские войска перешли границу, разорвав пакт о ненападении с Финляндией, заключенный еще в 1932 г. Если до этой войны говорили о необходимости отодвинуть границу от Ленинграда на 20–25 километров, то тут выяснилось, что финский народ мечтает освободиться от гнета помещиков и капиталистов. Это была не война, а «освободительная миссия» Красной Армии в Финляндии.

Советская пресса известила о создании «народного правительства» Финляндской Демократической Республики во главе с финским видным деятелем Коминтерна и теоретиком марксизма, жившим в Москве, Отто Вилле Куусиненом. Советским гражданам с помощью газет, а особенно радио, с помощью которого весь огромный Союз превращался в самую правильно информированную страну в мире, разъяснили тот бесспорный факт, что в Финляндии идет гражданская война. Именно поэтому по советским калькам «красных» и «белых» в гражданской войне, в России финнов называли «белофиннами», «финской белогвардейщиной», «белофинскими бандитами», а в СССР проходили многочисленные митинги трудящихся против «финских поджигателей войны» в поддержку мер советского правительства. Заголовки советских газет призывали: «Ответить тройным ударом!», «Дать отпор зарвавшимся налетчикам!», «Долой провокаторов войны!», «Уничтожить гнусную банду», «Освободим финский народ от поработителей» и т.п. Ненависть правящих кругов Франции и Англии к СССР проявилась в том, что, несмотря на очевидный для советских граждан характер этой войны, так просто и понятно объясненный нашим людям, Лига Наций исключила из своего состава СССР как агрессора.

Вскоре выяснилось, что финны не только не желают признавать будущее «народное правительство» Куусинена, но и оказывают отчаянное и умелое сопротивление наступающей Красной Армии, имевшей огромное преимущество в артиллерии, авиации, флоте и численности войск.

Первые же дни войны показали неэффективность советского военного командования, плохую подготовленность к современной войне. Советская армия несла тяжелые потери и, не сумев взять штурмом «линию Маннергейма», была вынуждена отложить на-

ступление до февраля 1940 г. Лишь в конце февраля советские войска сумели прорвать финскую оборону и ценой большой крови взять Выборг. Эта короткая, но дорого обошедшаяся СССР война (убитых более 50 тысяч человек и втрое больше раненых) не прибавила славы Красной Армии. «Большие потери советских войск в этой войне объясняются не только особенностями театра боевых действий, упорством финнов в обороне, недостатками в организации боя, но и тем, что Сталин и действовавшее от его имени высшее командование не считались с потерями, которые нередко были неадекватны достигнутым результатам»¹. Финляндия, как было понятно всем еще до начала этой войны, конечно же, потерпела поражение, но никто не мог себе представить, что это будет пиррова победа. Советской Финляндия так и не стала. О внезапно появившемся, а затем исчезнувшем правительстве Куусинена (его глава в будущем станет в СССР Героем Социалистического Труда и членом Политбюро ЦК КПСС) больше никто не говорил. Важно, что результаты этой, по словам А.Т. Твардовского, «незнаменитой войны» не соответствовали людским, материальным и политическим потерям. Не понимать или не знать этого Морозов не мог.

Но, выступая перед сослуживцами в 1940 г., Н.А. Морозову, как и во многих других случаях, было привычнее поддержать официальную точку зрения.

Морозов мог и не знать, что нацистская Германия захватывала европейские страны, получая от СССР нефть, металл, хлеб до июня 1941 г. Но не знать, что в то время, когда в советских газетах клеймили виновников Второй мировой войны – англо-французских империалистов, Красная Армия вместе с нацистской расчленила Польшу в 1939-м, Морозов не мог. Ему было известно и о сокрушительных поражениях советской армии в 1941 и 1942 гг.

Тем замечательнее письмо Николая Александровича Сталину в 1945 г. – апофеоз восторженной преданности:

«Дорогой Иосиф Виссарионович,

Я счастлив, что дожил до дня победы над германским фашизмом, принесшим столько горя нашей Родине и всему культурному человечеству и поставленным на колени исключительно благодаря Вашей мудрой твердости и гениальной прозорливости, проявившихся от начала и до конца нашей Отечественной войны.

¹ Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941. М.: Высшая школа, 1992. С. 169.

Присоединяясь от души к приветствию моих сотрудников по Ленинградскому Гос. Естественно-Научному Институту как его директор, я прилагаю к нему также и свое восхищение, привет и поздравления. День 9 мая останется навсегда для России днем незабываемой славы, связанной с Вашим именем как именем замечательного вождя.

Поч[етный] ак[адемик] *Николай Морозов*
(б[ывший] шлиссельбуржец)»¹.

Но, может быть, Н.А. Морозов не только перестал быть революционером, но и искренне поверил, что советская власть с великим вождем во главе и есть та могучая сила, которая ведет страну и ее граждан в «лучшее будущее»?

* * *

Приятельница Ксении Алексеевны Морозовой – художница и переводчица Любовь Васильевна Шапорина в ноябре 1930 г. записала в свой «Дневник»: «Ездила 28-го в город, чтобы повидать Н.А. Морозова, думала, что он как-нибудь может помочь Е.И. Ему 76 лет. Он свеж и бодр, и глаза так же сияют добротой и теплом, как и 20 лет тому назад. Вот живая реклама царских тюрем! Н.А. сказал мне, что его попросили в ГПУ раз и навсегда ни за кого не хлопотать, “а то идите на наше место”. И он ничего не понимает»².

Формула вежливого отказа, которую услышала Любовь Васильевна, наверняка не раз работала и до, и после этого случая. Хотя справедливости ради надобно сказать, что и до 1930 г., и после этой даты просьбу ГПУ Морозов, бывало, и не выполнял.

Арестованный в 1933 г. и сосланный в Алма-Ату, где вскоре заболел и умер, библиотекарь и библиограф Яков Петрович Гребенщиков, в 20-е годы вынужденный совмещать работу во многих местах, обращался к Морозову с просьбой подарить ему вышедший том «Христа», который он по бедности и невозможности достать иначе получить не может. В этом же письме Гребенщиков вспоминает: «Был я у Вас в Ин-те преподавателем. В 1924 году был арестован. Без каких-либо просьб и упрасиваний Вы обо мне хлопотали. Через 2–3 месяца я был выпущен. И еще раз хочется сказать: не тем дороги были Ваши ходатайства, что в их итоге я получил свободу, а тем (поверьте мне), что проделаны они были Вами и по доверию ко мне (по вере в мою невиновность), и по че-

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 2390. Л. 6–6 об.

² Шапорина Л.В. Дневник. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение. 2011. С. 104.

ловеческому чисто стремлению принести пользу без малейшего расчета получить похвалу или выгоду»¹.

А в 1936 г. Морозов писал Председателю Коллегии ГПУ Вениамину Леонардовичу Герсону, безуспешно хлопоча о муже сестры своей жены инженере-технологе Абраме Матвеевиче Миляеве и заявляя, что «никакой противоправительственной деятельностью он не занимался. Если это нужно, я его беру на поруки и отвечаю за него»².

А уж признание Морозова Л.В. Шапориной в том, что он ничего не понимает, откровенно придуманная отговорка.

С московским адвокатом и литературоведом, дружившим с семьей Л.Н. Толстого, Игорем Владимировичем Ильинским Морозов был знаком близко и давно. Первого ноября 1925 г. он написал его жене Софье Григорьевне письмо, заслуживающее того, чтобы прочесть его полностью:

«Дорогая Софья Григорьевна, только на днях получил Ваше письмо, пересланное мне с кучей других из института с оказией, и потому простите, что запоздал с ответом.

Само собой понятно, что я присоединяюсь ко всякому случаю хлопотать об возвращении Игоря Владимировича. Так что только скажите, что надо делать, и я сделаю, хотя бы это и казалось мне даже простым битьем головы об стену. Даже и это будет мне приятно, чтобы не чувствовать, что мог что-нибудь сделать для него и не сделал.

Ваш попрык, мог дорогой друг, что я к Вам не заходил в последние поездки в Москву, несправедлив.

Дело в том, что мой каждый приезд туда, как только узнают, сопровождается сильным натиском лиц или совершенно незнакомых, или видевших меня у кого-нибудь случайно раз или два и сейчас же посылающих меня в ГПУ хлопотать за совершенно незнакомых мне своих родных. Потом оказывается, что они скрывали от меня сущность дела, и я оказывался в глупом положении, теряя напрасно возможность помочь близким мне людям, так как в ГПУ составилось обо мне, благодаря им, такое мнение: “Морозов человек очень добрый, хлопочет за лиц, которых совсем не знает, по первой просьбе тоже совершенно незнакомых ему родственников, исполнять все его просьбы нет возможности”. То же самое произошло и в Питере.

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 479. Л. 1-2.

² Там же. Д. 2247. Л. 1 об.

Чтобы сохранить за собой хоть некоторое внимание к моим просьбам на такой случай, как Ваш, я стараюсь при необходимых поездках в Москву, проскользнуть там как можно незаметнее, а из Питера при первой возможности удираю заниматься в Борок, причем и письма ко мне, приходящие сотнями (большую частью с теми же просьбами сбегать в ГПУ), пересылают мне пачками с оказией, чтоб не расстраивать меня каждый день¹. Это действительно гарантирует мне возможность спокойной научной работы, но зато я лишаясь своевременной возможности ответить на какое-нибудь письмо или просьбу вроде Вашей, которую очень хочется исполнить.

Стремление проскользнуть как можно скорее сквозь Москву привело к тому, что я теперь останавливаюсь прямо в Наркомпросе у живущего там проф. Иванцова. Так как мои поездки связаны обыкновенно с этим учреждением, то остановка в нем самом чрезвычайно для меня удобна, но он на Сретенском бульваре, очень далеко от Ваших краев: обыкновенно успеваю по вечерам побывать только у Веры Фигнер или у Шебалиных, и уезжаю из Москвы.

Один раз я даже приехал утром, а уехал вечером в тот же день, другие два раза уехал на следующий день, а при поездке с Академией наук на юбилей уехал, не дождавшись его окончания, обратно через два дня, снова благодаря тому же мучению.

Одна совсем незнакомая, но очень энергичная дама умудрялась излавливать меня по четыре или по пять раз в день с просьбами выхлопотать ее мужа, утверждая, что если я захочу, то это по каким-то ее сведениям из “достоверных источников” ничего не стоит, *так* меня ценят в ГПУ. А между тем сразу оказалось, что я не могу ничего сделать для него. А когда явился еще десяток незнакомых просителей с плачем и с такими же утверждениями, что “стоит мне попросить, и все будет сделано”, то мне и не осталось ничего другого, как удрать с академических торжеств обратно в Ленинград, а оттуда куда глаза глядят.

Все это я пишу не для того, чтобы устраняться из-за натиска незнакомых и полужнакомых лиц и от хлопот за друзей и знакомых; ведь я избегаю хлопотать за незнакомых только потому, чтобы сохранить себя не истрепанным

¹ Когда настанет время разбирать мою корреспонденцию за последние 5-6 лет, из таких писем составитя целая энциклопедия. - Прим. Н.А. Морозова.

окончательно для близких мне людей, к каким причисляю и Игоря Владимировича.

Я буду рад принять участие во всем, что делается для него, но только не говорите и Вы, как другие, что “стоит ему захотеть, и для него все сделают в ГПУ”.

Крепко обнимаю всех. Когда будете писать передайте и от меня сердечный привет Игорю Владимировичу и пожелание ему скорейшего возвращения из ссылки.

Сердечно Ваш
Н. Морозов»¹.

Итак, на дворе только 1925 год – не самый страшный год советской власти. Речь идет о безусловной несправедливости по отношению к близкому ему человеку, и тем не менее при полной готовности помочь столь очевидная безнадежность – «хотя бы это и казалось мне даже простым битьем головы об стену». Множество знакомых и незнакомых людей осаждает его в Москве и Ленинграде просьбами хлопотать за своих близких, почему-то оказавшихся в ГПУ. Из писем, дошедших до знаменитого революционера за последние пять–шесть лет можно составить целую энциклопедию – жаль, Морозов не уточнил ее назначения. В последующие годы поток таких писем увеличится.

Что касается дела И.В. Ильинского, то четыре месяца спустя, 5 февраля 1926 г., Николай Александрович послал ему письмо, где, в частности, было сказано: «Пользуюсь случаем, чтоб выразить Вам свое глубокое огорчение по поводу Вашей высылки и надежду, что она скоро окончится. Я уже не раз хлопотал о Вас в ГПУ, но никаких результатов, как Вы сами видите теперь, не было. Будем надеяться, что вскоре положение дел изменится...» А пока Морозов сожалел, что выслать вышедший в свет третий том «Христа» не может, так как кончились авторские экземпляры, и объяснял, что просьбу о деньгах, которые просил Ильинский на дорогу, он получил слишком поздно, поэтому и не смог их привезти в пересыльную тюрьму. Но закончил письмо Морозов оптимистически: «Примите же мой самый сердечный привет и пожелание скорого возвращения. Все на свете кончается, кончится и Ваше невольное пребывание в глуши. Никогда не надо падать духом»².

О подробностях судьбы И.В. Ильинского, вся вина которого состояла в нелюбви к советской власти, можно прочесть в статье

¹ РГАЛИ. Ф. 223. Оп. 1. Ед. хр. 71. Л. 1–4 об.

² Там же. Ед. хр. 23. Л. 3–3 об.

Владимира Чикова и Александра Витковского «Шпион из Ясной Поляны»¹. В 1928 г. по ходатайству первой жены М. Горького и общественной деятельницы Екатерины Павловны Пешковой Ильинский возвратился в Москву и был приглашен дочерью Л.Н. Толстого – Александрой Львовной на должность заместителя директора музея. В 1932 г. его назначили ученым секретарем созданного в Москве Государственного литературного музея. Но ни эти должности, ни написанные им книги его не спасли. В 1937 г. он был арестован и по решению «тройки» как активный участник контрреволюционной группы толстовцев при музее «Ясная Поляна» расстрелян.

С течением времени оснований для оптимизма у Н.А. Морозова становилось все меньше. За строками сохранившихся архивных писем отчетливо видна живая и жуткая картина происходящего в стране.

Степан Петрович Зарубаев был осужден в 1878 г. на ссылку в Сибирь по «Процессу 193-х» – суду над участниками «хождение в народ», по которому отсидел свои три года предварительного заключения и сам Н.А. Морозов. Сын С.П. Зарубаева – Петр Степанович Зарубаев честно проработал всю жизнь. На его иждивении была 72-летняя мать. В 1927 г. в письме из Омска знаменитому революционеру он рассказал, что у него, больного человека, национализировали все сбережения, с работы уволили. Обращаясь к Морозову за «советом и, если возможно, посильным содействием», он хотел, чтобы ему или вернули несправедливо отнятые деньги, или дали ссуду, чтобы он смог прожить садоводством. В конце письма С.П. Зарубаев написал: «...я сам никак не могу разобраться в этой массе противоречий, царящих теперь в жизни, где добро и зло образовали какой-то фантастический клубок, не знаю, можно ли искать справедливости...» На письме – резолюция Морозова: «Ну что я могу сделать??! Целый ряд таких писем, хочется бежать куда глаза глядят»².

Близким и дальним родственникам революционеров, как малоизвестных, вроде С.П. Зарубаева, так и очень известных, после наступления «диктатуры пролетариата» весьма часто приходилось несладко. Так, старым другом Морозова был знаменитый народник Сергей Михайлович Степняк-Кравчинский. В 1878 г. он стал широко известен после того, как среди бела дня в Петербурге убил кинжалом шефа жандармов Н.В. Мезенцова и смог

¹ Парламентская газета. 2002. 13 апреля. С. 5.

² АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 648. Л. 7, 1.

бежать за границу. Живя в Швейцарии, Италии, Англии, он стал известным писателем, книги которого «Подпольная Россия» и «Россия под властью царей» были переведены на многие языки. В 1933 г. Морозов получил письмо от его внучатого племянника. Старательным детским почерком было выведено (орфографию и синтаксис сохраняю. – А.Ш.):

«Товарищ Морозов!

Из ваших книг я узнал что вы любите и ценили Степняка Кравчинского, который был родным дядей моего папы. По этому я обращаюсь к вам с просьбой: напишите мне справедливо ли то что мне пионеру 12 ти лет не дают никакого пайка даже хлеба. После смерти папы я получаю только 16 руб пенсии,

Живу в городе Боровичах на Ул. Льва Толстого д. № 28

*Сергей Кравчинский»*¹.

Никаких помет Морозова на этом письме нет. Да и не о чем ему было писать этому мальчику. Несоизмеримо более страшное происходило вокруг.

Н.А. Надеинская из Мологи в 1931 г. просит Морозова хоть как-то облегчить участь мужа, бывшего священника Павла Петровича Надеинского, которого «по распоряжению Мологского ГПУ взяли в исправительный дом и через 3 месяца осудили на вольную высылку в Архангельскую губернию». Он вынужден трудиться на лесопильном заводе, на непосильной для его возраста и здоровья работе, а живет в общем бараке в жутких условиях, где спят на «общих нарах человек около ста». Надпись Морозова на письме: «Ничего нельзя сделать»². Этот священник был добрым знакомым семьи Морозовых и в 1916 г., отправляя из Мологи посылку с медом в Петроград, писал: «Успокойте Вашу супругу: без меда она не останется. Хотя бы у меня ни фунта не было, для Вас и супруги Вашей найду его в потребном для Вас количестве»³.

Николай Александрович вовсе не был человеком злым, или равнодушным к судьбам других людей. Просто, в отличие от многих современников, он прекрасно понимал, в какой стране живет. Крестница Морозова – Сусанна Сауль в письме от 31 марта 1930 г. из города Пернов (Пярну. – А.Ш.) лишь хотела получить

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 915. Л. 1.

² Там же. Д. 1272. Л. 1.

³ Там же. Д. 1273. Л. 1.

от него «благословение» на свою свадьбу в Эстонии. Его резолюция: «Не отвечено из осторожности: за заграничной перепиской неумеренно следят, еще подумают, что тут конспирация»¹. Умения предвидеть возможные опасности у старого революционера-террориста не отнять.

Александра Васильевна Соболева, учительница из Мологи, просит за своего сына, обвиненного в контрреволюционной деятельности по 58-й статье и сосланного на Соловки: «...если не помиловать моего сына, то, по крайней мере, изменить и облегчить меру наказания. Ему 30 л[ет], он женат, имеет троих детей и меня на своем иждивении; без него семья не имеет абсолютно никаких средств к существованию. Он очень слабого здоровья, имеет порок сердца и в юности своей пролежал почти три года в гипсе, имея туберкулез позвоночника. Клянусь Вам всем чем угодно, что он ни в чем не виноват; вся его вина в том, что он глубоко верующий человек – баптист». На этом письме три надписи Морозова. Две одинаковые на первой и последней страницах письма: «Ну что я могу сделать?!» И еще одна с признанием: «Ведь кроме этого письма ко мне чуть не ежедневно приходят с тем же»².

В 1935 г. Морозов получил письмо от административно высланной из Ленинграда в Казахстан Екатерины Николаевны Украинцевой: «В местных школах учителя выделяют детей адм[инистративно] высл[анных] и говорят другим детям, что те лишены прав. В общем, создают классовость и враждебность. А я-то! всю жизнь – с 1908 г. – учила детей, что все дети равны! Я – была или нет права? У меня ум за разум зашел». Надпись Морозова: «Что я могу сделать??»³

А вот письмо, присланное анонимно и без даты. Но из текста которого ясно, что оно написано в 1929 г.:

«Глубокоуважаемый товарищ Морозов!

Зная Вас – по Вашей жизни и ученым трудам – как человека глубоко честного, обращаюсь к Вам за разрешением мучительных сомнений и недоумений по поводу современной тактики Р.К.П.

Я одна из скромных “сочувствующих” революции, отдала ей все, что имела, т.е. отпустила еще в 18-м году в Красную армию своих молодых сыновей. Я думаю, что такой по-

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1646. Л. 1.

² Там же. Д. 1722. Л. 2, 1, 3.

³ Там же. Д. 1915. Л. 1 об.

ступок матери свидетельствует о ее преданности данному мировоззрению.

Ни ужасы разрухи, ни военный коммунизм – ничто не разочаровало меня.

Но теперь, объясните мне, что делается теперь? Люди, вышедшие из подполья, страдавшие за марксистскую “идею”, гонят, преследуют, буквально со свету сживают – всех “инако-мыслящих”? Но это – 20 век или мрачное средневековье с его кострами и инквизицией?

Наука – не свободна, она должна быть марксистской. Вы – ученый, Вы знаете, что всякая теория, в конце концов, есть не более как рабочая гипотеза, что жизнь человеческого общества, как и жизнь природы, не может быть уловлена одной какой-нибудь схемой, хотя и гениальной для данного времени. <...>

И вот талантливому юноше, если он сын “попа” или помещика, – закрыта дорога к знанию, хотя бы он был будущий Дарвин или Эйнштейн? Как может делать такие гадости партия, восставшая против всякого угнетения? Не понимаю. Объясните мне про новое избиение младенцев и обезправлении (так в оригинале. – А.Ш.) русской мысли. <...> А теперь бывших людей за границу не пускают? Почему? Со службы гонят, и не только стариков, кот[орые] все и без того скоро умрут, но и *детей*, даже невинных в том, что в России была 12 лет тому назад – монархия.

Отвечает ли сын за грех отца? Где, в какой цивилизованной стране нашли вы такое *варварское* воззрение?

И почему вы, соль земли, ученые, Академия, университеты – почему Вы молчите? Не протестуете во имя свободы мысли и слова, во имя ваших учеников и продолжений Вашей работы?

Я, маленький человек, старая учительница, – я писала об этом и Ярославскому, и в газеты, но что значит мнение человека без имени? Мои письма читали грубые безграмотные комсомольцы, секретари редакции и, конечно, равнодушно бросали их в корзину. Вы – честный. Редкость в России. Ответьте мне. Я тоже – честный человек, хотя и

Старушка.

Видите, до чего нас довели, боюсь за детей своих, ведь и их посадят за меня. Адрес: До востребования. Белорусско-Балтийской жел. д. дер. Ст. Жаворонки.

Арина Родионовна».

На письме – помета Морозова: «Что ей ответить?»¹

Письмо, написанное в 1933 г. с просьбой о помощи от А. Калинина: «Я решением Областного Суда Ивановской области от 10/VIII 33 г. (дело № 2727): приговорен к 10 летн[ему] заключению в концлагере; плюс поражение в правах после отбытия наказания на 5 лет. В основу такого сурового приговора легли указания на социальное происхождение и отношение мое к Советской власти с первых дней революции до сего времени». Резолюция Морозова: «Не помню его»².

А вот письмо старой знакомой, астронома Нины Михайловны Субботиной. Если читатель еще помнит, это она обращалась к Морозову в марте 1917 г. с просьбой поддержать ее предложение скрыть Бутырскую тюрьму в преддверии свободы и всеобщего равенства, а в мае 1919-го «с печальным удивлением» изучала практику социализма. В июле 1935 г., она уже ничему не удивлялась и обращалась к Морозову как к последней надежде. На этот раз дело шло не столько о живых, сколько о близких ей мертвых.

В 30-е годы было задумано грандиозное действо: знаменитое Тихвинское кладбище бывшей Александро-Невской лавры Санкт-Петербурга решено было превратить в великолепный музей – Некрополь мастеров искусств, где посетители смогут увидеть могилы знаменитых деятелей искусства, литературы и науки. С этой целью на кладбище перевезли великий прах замечательных предков и их памятники, а захоронения всех, кто не попадал в силу любых причин в музейный комплекс, решено было попросту снести или перезахоронить где-то в другом месте. В одной из могил, подлежащих сносу, был похоронен горный инженер М.Г. Субботин, скончавшийся в 1909 г., а до того друживший с Н.А. Морозовым, и его жена. В попытке сохранить дорогую могилу и обратилась Н.М. Субботина к Морозову 3 июля 1935 г.:

«Я поспешила уехать из “Узкого” для хлопот, но в Москве никого не застала, Бонч-Бруевич болен и не бывает в музее, а Горький, к[ото]рый задумал этот Пантеон, не отвечал мне на письмо: я предлагала ему отвести на кладбище уголок для ИТР – прежних работников. Здесь тоже все в отъезде!

Ваше доброе отношение и сочувствие тем более нас порадовало. Спасибо Вам, дорогой, дорогой друг!

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 2207. Л. 10–11.

² Там же. Д. 758. Л. 1.

Здесь, в Музейном Отделе Ленсовета, тоже все в отпуску, и поэтому уничтожено еще мало могил, но хотят перевезти на Волково даже Тарханова, а из старинных могил даже Сперанского.

В общем, гораздо рациональнее было бы устроить Пантеон в Лаврском саду (бывшем митрополита), а не разрывать 900 могил – большинство столетней давности (со времен холеры в 40-ых годах).

Я очень опечалена и расстроена. <...> Собираюсь в Пулково, как только выяснится наше дело с могилами родителей. Так хочется их сохранить! Ведь техника и теперь такое важное и нужное дело, и мама с папой оба принадлежали к семье “интеллигентных разночинцев”, и еще мамин прадед был писатель – конца XVIII в., сотрудник Новикова, дед – профессор МГУ. Бабушка видала в детстве Пушкина, потом Белинского, Гоголя, принимала у себя Грановского, Кудрявцева, Рулье и др[угих] тов[арищей]ее отца. Была очень культурная. Папа вырос на идеях Чернышевского и так же воспитал нас. Ни тени принуждения – это был наш друг и руководитель и друг всей учащейся молодежи»¹.

Несмотря на «доброе отношение и сочувствие» Морозова и никем не оспариваемое утверждение, что «техника и теперь такое важное и нужное дело», могила, разумеется, была снесена. Было бы странно, если бы отношения властей к живым, при создании нового замечательного общества, принципиально отличались от отношения той же власти к памяти мертвых.

Без каких-либо помет Морозова хранится с 1939 г. в его архиве это письмо Федора Федоровича Ковальского из Умани – племянника революционера Ивана Мартиновича Ковальского, о котором незадолго до этого Морозов вспоминал в своей статье в «Известиях»: «Сейчас у меня очень большое горе, год уже миновал, как сын мой Александр Федорович Ковальский, работавший старшим инженером в дорожно-эксплуатационном участке гор. Проскурова Каменец-Подольской области, арестован и выслан из Каменецкой тюрьмы, никак не могу добиться, в чем он обвиняется, где он и жив ли он. Писал просьбы т.т. Вышинскому, Хрущеву и даже великому н[ашему] Вождю т. Сталину, но ответа не получал, я не уверен, что ходатайства мои дошли по назначению. Блеснула у меня мысль обратиться к Вам с просьбой

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1811. Л. 19–20.

дать мне свой совет и помочь узнать истину о сыне моем, если он жив, каким образом дать возможность ему оправдаться. Сына своего я очень хорошо знаю, врагом народа он никогда не был и не будет. <...> Жена его передавала мне, что следователь, ведущий дело моего сына, сказал ей, что при допросах сын мой плохо ведет себя, т.е. что только ни дадут – все подписывает. Из многих последних судебных процессов зная, каким образом некоторые представители власти заставляли подсудимых подписывать обвинительные акты, а на суде за это сами садились на скамью подсудимых и были высланы, я вполне уверен, что сын мой тоже стал жертвой подобных приемов<...>¹

Письмо с просьбой о помощи от Нины Александровны Румянцевой. Рядовая история. Отца арестовали и осудили, а ее сослали без суда в областной город Киров, не разрешив закончить последний курс Театрального училища. Помета Морозова: «Получено в феврале 1939. Что я могу сделать, когда за самим следят?»²

О своем времени Морозов знал очень много. Будучи человеком далеко не глупым и талантливым, верить газетным сообщением о наступившей счастливой эре победы строительства социализма он не мог. И не в его возможностях было воплощать в жизнь «полное отстранение, отчуждение от политики», как считает историк В.А. Твардовская. Все оказывается если и не проще, то обиднее.

К Морозову и другим известным революционерам не случайно обращалось с последней надеждой множество знакомых и незнакомых людей. Причину этого объяснила Вера Николаевна Фигнер в своем давнем к Морозову письме от 18 января 1911 г.: «Но меня занимает еще вопрос: несмотря на разрушительный характер наших револ[юционных] деяний и стремлений, разве не были мы в то же время созидателями? Разве мы не производили нравственные ценности, не созидали характеры и духовные облики? Ведь теперь мы на каждом шагу встречаем людей, которым мы дороги и близки!»³

Седьмого октября 1939 г. после вручения ему Михаилом Ивановичем Калининным ордена Трудового Красного Знамени в связи с 85-летием со дня рождения Морозов, принося советскому правительству благодарность, произнес: «Высокая награда, которой я удостоен, показывает, что моя жизнь не была бесплод-

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 831. Л. 1 об. – 2 об.

² Там же. Д. 1610. Л. 1.

³ Там же. Д. 1965. Л. 62 об. – 63.

ной. При старом режиме у меня были идеи, которые никак в то время не могли быть реализованы и которые я мог осуществить только при Советской власти. И вот теперь, в этот памятный для меня день, я радуюсь, что дожил и живу в период величайшего торжества нашей Советской власти, громадным успехам которой будет еще дивиться весь мир»¹.

Мир дивился уже тогда. Как раз в 1939 г. во Франции появилось «Открытое письмо Сталину» военного деятеля, журналиста и дипломата Федора Федоровича Раскольниковца, объявленного в СССР «врагом народа», ставшего невозвращенцем и умершего при невыясненных обстоятельствах. Обвинив советского вождя в многочисленных преступлениях против собственного народа, он, в частности, написал и о знаменитом ученом: «Вам не поможет, если награжденный орденом, уважаемый революционер-народоволец Н.А. Морозов подтвердит, что именно за такой “социализм” он провел 20 лет своей жизни под сводами Шлис-сельбургской крепости»².

Советская власть могла существовать только при условии появления нового типа личности: не придающего значения собственному достоинству, на все готового и со всем согласного советского гражданина. Морозов перестал быть не только героем-революционером, самозабвенно борющимся с самодержавной властью, но и просто честным перед самим собой, свободным человеком, выбирающим, хотя бы для самого себя, жизнь без политической угодливости. Как и любой другой вынужденный Советским государством приноравливаться к обстоятельствам изуверского времени, которые он не может изменить, он старался отстраниться от того, что конкретно его не касалось, и находить оправдание даже для бесспорного зла. Но, отчетливо сознавая общепризнанность своих былых революционных заслуг и будучи искренне убежден в своем высоком научном предназначении, он мог приспособливаться к политическому режиму не более, чем это было необходимо для защиты от него.

Николай Александрович поступил иначе. Он превратился в одного из успешных советских функционеров-обывателей. Морозов понял, что показательные процессы и бесчеловечная политическая система совсем не обязательно должны быть помехой его собственному счастью. Его он и пытался сохранить, несмотря ни на что и вопреки всему, оправдывая себя ответственностью

¹ Правда. 1939. 8 октября.

² Раскольников Ф. Открытое письмо Сталину // Неделя. 1988. № 26. С. 6.

перед близкими людьми и служением науке. Вот почему Морозов больше не был создателем нравственных ценностей.

И именно поэтому о нем писали так: «Несгибаемый борец за свободу против тирании и угнетения», «В его облике мы видим живое олицетворение несокрушимого духа и непреклонного стремления русского народа к свободе»¹.

¹ Вестник Академии Наук СССР. М., 1944. № 7 / 8. С. 36.

Глава вторая УЧЕНЫЙ-ЭНЦИКЛОПЕДИСТ И ЕГО ТРУДЫ

«Г-н Н. Морозов замечателен четырьмя вещами: 1) тем, что он 20 лет просидел в Шлиссельбургской крепости, 2) тем, что, выйдя из нее, он немедленно женился, о чем говорил весь Петербург, 3) что он нелепо объяснил Апокалипсис и 4) что Репин написал с него изумительный портрет, но сбоку, так что *глаз* не видно, “*глаза*” портрета ничего не говорят... Этими четырьмя поступками он составил себе быструю репутацию колеблющегося смысла, но настолько громкую, что, куда бы ни появился, что бы ни написал, все бегут смотреть или спешат читать: “А, да ведь это Н. Морозов”, “который 20 лет просидел в одиночке, вышел и женился”. Признаюсь, репутация его мне не нравилась, и в особенности казалась нескромною явная претенциозность в науке, которую он хотел “переворотить и обновить”... Он о чем-то совещался и что-то оспаривал и у Д.И. Менделеева насчет его периодического закона элементов, и тоже “не соглашаясь”, “опровергая” и “открывая новое”»¹.

Эта едкая характеристика дана Николаю Александровичу Морозову известным литературным критиком, публицистом и философом Василием Васильевичем Розановым. Она интересна началом зарождения той громкой славы знаменитого ученого-энциклопедиста и почетного академика, которой будут посвящены тысячи восторженных, негодующих или удивленных страниц.

Любой ученый начинается с ученика. Вот что рассказал о своем ученичестве сам Морозов: «Найдя в библиотеке отца два курса астрономии, я очень заинтересовался этим предметом и прочел обе книги, хотя и не понял их математической части. Найдя “Курс кораблестроительного искусства”, я заучил всю

¹ Розанов В.В. Новый Робинзон // Новое время. 1910. 13 апреля.

морскую терминологию и начал строить модельки кораблей, которые пускал плавать по лужам и в медных тазах, наблюдая действие парусов при их различных положениях. Поступив затем во 2-й класс Московской классической гимназии, я и там продолжал внеклассные занятия естественными науками, купив на толкучке много научных книг, и основал “Тайное общество естествоиспытателей-гимназистов”, так как явные занятия этим предметом тогда преследовались в гимназиях. <...> Я начал, кроме естественно-научных книг, читать также и имевшиеся в то время истории революционных движений, которые доставал, где только мог. Но все же я не оставлял при этом и своих постоянных естественно-научных занятий, для которых я уже с пятого класса начал бегать в Московский университет заниматься по праздникам в зоологическом и геологическом музеях, а также бегал на лекции, заменяя свою гимназическую форму обыкновенной одеждой тогдашних студентов. Я мечтал все время сделаться доктором, или ученым исследователем, открывающим новые горизонты в науке, или великим путешественником, исследующим с опасностью для своей жизни неведомые тогда еще страны центральной Африки, внутренней Австралии, Тибета и полярные страны, и серьезно готовился к последнему намерению, перечитывая все путешествия, какие мог достать»¹.

Не окончив пятого класса гимназии, и еще не успев «открыть новые горизонты в науке», Николай Морозов стал профессиональным революционером, активно действовавшим в России и за границей. И лишь в 1875 г., оказавшись запертым в Доме предварительного заключения в Петербурге, он получил возможность продолжить свое образование: «Я тотчас же принялся за изучение английского, потом итальянского и, наконец, испанского языков, которые мне дались очень легко благодаря тому, что со времени гимназии и жизни за границей я знал довольно хорошо французский, немецкий и латинский. Потом я закончил то, чего мне недоставало по среднему образованию, и, думая, что более мне уже не придется быть, как я мечтал, естествоиспытателем, принялся за изучение политической экономии, социологии, этнографии и первобытной культуры. Они возбудили во мне ряд мыслей, и я написал десятка полтора статей, которые, однако, потом все пропали»².

Ценность сочинения после самостоятельного изучения материала гимназистом не стоит преувеличивать, хотя для его ав-

¹ Морозов Н.А. Автобиография // Деятели СССР... С. 167.

² Там же. С. 169.

тора эта работа почти никогда не бывает бесполезной. Так что, может быть, и не стоит особо сокрушаться о пропавших статьях Николая Морозова, тем более что он еще успеет поделиться с читателями не одним «рядом мыслей» из тех, которые придут ему в голову. Два года до суда Морозов проводит «в непрестанных занятиях математикой, физикой, механикой и другими науками»¹.

Однако, выпущенный сразу после осуждения суда (Морозову зачли трехлетний срок предварительного заключения в качестве наказания), он сразу же скрылся от властей и продолжил революционную работу, как практическую (участие в покушении на Александра II), так и теоретическую (обоснование террористической практики брошюрой «Террористическая борьба»). Революционная деятельность Морозова завершилась – как читателю уже известно, навсегда – после осуждения на «пожизненное заключение».

Если считать неоконченную гимназию и самообразование в условиях заключения в качестве ученичества, то Шлиссельбург стал его университетом по широте и глубине охвата материала и местом создания научных работ, ценность и количество которых поразят современников и потомков лишь после его выхода на свободу.

* * *

Одна из первых биографов Н.А. Морозова так рассказывает о внезапном появлении неизвестного доселе великого ученого: «Когда, по выходе Морозова из крепости, книга “Откровение в грозе и буре” увидела свет, то вызвала целый переполох среди духовенства и ученых. Появилось много возражений, на которые Н.А. ответил в фельетоне газеты “Русь” 21 апреля 1907 г. Но множество ученых и астрономов в России и за границей приветствовали книгу как ценный вклад в науку и называли выводы Н.А. – гениальными»².

Эта информация, мягко говоря, не совсем точна. За год до выхода данной книги в свет, 6 марта 1906 г., Морозов объяснял Вере Фигнер, почему он вынужден издавать ее за свой счет: «Все издатели говорят, что мои литературные работы готовы печатать на каких угодно условиях, но научные труды, как мои, так и самых

¹ Морозов Н.А. Автобиография. // Деятели СССР... С. 169.

² Круковская Л.Я. Морозов: Очерк жизни и деятельности. М.: Кн-во К.Ф. Некрасова, 1912. С. 63.

знаменитых ученых, теперь совсем не разойдутся: все заняты политикой и научных произведений никто не покупает. Но все равно я должен их издать и издам. Так, осмеянное Лопатиным мое сочинение об Апокалипсисе производит настоящий фурор у всех астрономов, которым я его показывал, и будет напечатано первым...»¹.

Итак, по информации самого Морозова, пока книга существовала в рукописи, успех она имела только у не названных по имени «астрономов». Названный по имени известный человек, революционер Герман Александрович Лопатин, который, как и Морозов, был узником Шлиссельбурга в течение 18 лет, но, в отличие от Морозова, успел окончить физико-математический факультет Петербургского университета и получить степень кандидата наук, почему-то ее и «осмеял». А вот что случилось потом.

Книга Морозова; Откровение в грозе и буре. История возникновения Апокалипсиса. СПб.: Ред. журнала «Былое», 1907. 304 с. – выдержала до революции три издания (2-е изд. – М.: В.М. Саблин, 1907; 3-е изд. испр. и доп. – М.: В.М. Саблин, 1910) и была переведена на польский, эстонский и немецкий языки. Однако сказать, что книга произвела «переполох среди духовенства и ученых», никак нельзя. Достаточно вспомнить насмешливые слова В.В. Розанова о Н.А. Морозове, что «он нелепо объяснил Апокалипсис». «Нелепость» рождает совсем другие эмоции и чувства, которые никак не назовешь «переполохом».

В чем же суть этой работы Морозова? Знаменитая библейская книга Апокалипсис рассказывает о видениях апостола Иоанна, долженствующих «показать – чему надлежит быть вскоре» и предшествующих Второму пришествию Иисуса Христа на землю. В числе прочего Иоанн видел разноцветных коней и всадников. Морозова еще в Шлиссельбурге озарило: кони – это планеты, всадники – созвездия, в которых эти планеты находятся. С помощью астрономических таблиц Морозов вычислил, что такое расположение планет можно было наблюдать с острова Патмос в ночь на 30 сентября 395 г. Отсюда ошеломительный по новизне вывод: Апокалипсис создан не в I в., как до сих пор считали ученые, а в IV-м. Следовательно, его автором не мог быть евангелист Иоанн (Иоанн Богослов), им являлся знаменитый проповедник Иоанн Златоуст. Да и сам Иисус Христос на самом деле был Василием Великим, архиепископом Кесарийским, современником Иоанна Златоуста, и был распят 20 марта 368 г...

¹ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Ед. хр. 604. Л. 20–20 об.

Никакого «переполоха» не было. С редким среди ученых единодушием книга Морозова была разобрана и оценена. Можно лишь удивляться спокойному терпению аргументации авторов. Лишь один, Николай Петрович Аксаков, не смог сдержаться, уже в заглавии указав: «Беспредельность невежества и Апокалипсис (Краткий ответ на книгу Н.А. Морозова)» (СПб., 1908).

Философ Владимир Францевич Эрн смог показать ценность открытого Морозовым метода:

«Вся доказательность всех утверждений Н. Морозова заключается в ответе на этот вопрос. Итак: говорится ли в Апокалипсисе об “одновременном пребывании Сатурна в Скорпионе и Юпитера в Стрельце”? Раскроем 6-ую главу Апокалипсиса и прочтем стих 8-ой и стих 2-ой, которые указываются Н. Морозовым.

Вот слова Откровения:

“И я взглянул, и вот конь бледный, и на нем всадник, которому имя смерть; и ад следовал за ним, и дана ему власть над четвертой частью земли умерщвлять мечом и голодом, и мором, и зверями земными” (VI гл., ст. 8).

“И я взглянул, и вот конь белый, и на нем всадник, имеющий лук, и дан был ему венец, и вышел он, как победоносный, и чтобы победить” (VI гл., ст. 2).

Согласитесь, что нужно иметь какое-то особое зрение, чтобы в этих словах, не имеющих в себе даже слабого намека, вычитать “одновременное пребывание Сатурна в Скорпионе и Юпитера в Стрельце”. Это чудовищно непонятно! Ведь такую же манипуляцию можно проделать с кем угодно и с чем угодно.

Известно, напр[имер], что Пушкин свою “Полтаву” написал в 1828 году. Но ведь подобно Н. Морозову, можно эту дату подвергнуть сомнению и заявить: “Полтава написана в 40-м г., и не Пушкиным, а Лермонтовым, ибо в Полтаве есть стихи:

Кто при звездах, кто при луне
Так поздно едет на коне”.

Эти стихи обозначают пребывание Марса в Козероге, а так как такое пребывание, по данным астрономии, могло наблюдаться в России только в сентябре 1840 года – то, значит, с полной несомненностью и, главное, с астрономической точностью годом написания “Полтавы” нужно считать не 1828, а 1840-ой!..

Н. Морозову кажется, что, с одной стороны конь бледный обозначает Сатурна, а всадник, имя которому смерть – Скорпиона, а с другой, конь белый обозначает Юпитера, а всадник, имеющий лук, – это созвездие Стрельца; но спрашивается, мало ли что людям может казаться? Где основания? Где хотя бы слабая тень какого-нибудь доказательства? Н. Морозов в своем (чересчур!) вольном переводе Апокалипсиса так и переводит коня бледного Сатурном и коня белого Юпитером – но ведь бывают переводы еще смелее. У нас в классе один вызванный ученик Romae – перевел “в Крыме” потому что ему подсказывали “в Риме”, а ему послышалось “в Крыме”. Но за такой перевод он получил *единицу*. Н. Морозов же заведомо ложный и ни на чем не основанный перевод *кладет в основу всего своего исследования!* Можно теперь оценить по достоинству объективную доказательность рассуждений Н. Морозова. Все построения его зиждутся на этой странной ошибке. Если “конь бледный” не означает Сатурна, а “конь белый” Юпитера (а это так и есть), то уж нужно распрощаться и с 395-м годом, и с авторством Иоанна Златоуста, и с теми 10-ью основаниями, которые авторство это подтверждают.

Может быть, скажут: “Хорошо, пусть нет никаких *положительных* оснований понимать под конем бледным Сатурна, а под конем белым Юпитера, но ведь нет и оснований *против* такого понимания. В таком случае книга Н. Морозова, будучи совершенно необоснованной объективно, остается тем не менее гениальной догадкой, может быть, справедливой и верной”. Нет! Основания *против* есть.

Если бледный конь – Сатурн, а белый – Юпитер, тогда за Апокалипсисом придется совершенно отрицать характер *видения*. Перед Иоанном неслись не кони, о которых говорит он с такой живописной ясностью, а мерцали тихим цветом, никуда не двигаясь, планеты. И раз так, то не глазами своими в них видел он то, что писал в своей книге, а рассудочным вычислением соображал, что значит то расположение планет, которое он видел. Так Н. Морозов в своем “переводe” и представляет дело:

“Я *сообразил* (положение звезд), и вот в том самом и находится (по астрологическому расчету) ярко-белый конь (Юпитер)...”

В подлиннике же сказано:

“И *взглянул*, и вот, конь белый” ...

Это уже не ложное толкование текста — это произвольное искажение *контекста*. Очевидно, контекст говорит даже против возможности Морозовского толкования, если его приходится *переделять*. В контексте никаким астрономическим расчетам места нет»¹.

Обоснованный вывод Эрнэ таков: «Откровение в грозе и буре» обнаружило с полной несомненностью фантастичность основной идеи Н. Морозова, ненаучность его рассуждений, не критичность его методов»².

Но как тогда объяснить три издания этой книги и всеобщий к ней интерес? Ответом на этот вопрос Эрнэ заканчивает свою рецензию:

«Н. Морозов неправильно понимает сочувствие общества к его произведению. Общество чтит в нем страдальца, борца за идею. Отсюда понятен необыкновенный интерес к его книге. Но от сочувствия к человеку, которому выпал исключительный жребий оставшегося в живых мученика, до научного признания высказанных им мыслей — целая пропасть.

Сочувствие это необходимо. И горе тому обществу, которое не сумело бы чтить таких людей, как Н. Морозов. Но вместе с тем: горе тому обществу, которое может серьезно признавать такие незрелые плоды мысли, как “Откровение в грозе и буре”! Этим признанием оно выносит себе приговор в умственном несовершенности»³.

Правовед и общественный деятель Павел Иванович Астров нашел свои аргументы для оценки книги Н.А. Морозова:

«Называя разбираемую книгу *историей* возникновения Апокалипсиса, Морозов признает себя историком, — признает на первой же заглавной ее странице, сам, быть может, своего признания не замечая.

При современном состоянии исторических знаний не так легко делать экскурсии в область истории. Апокалипсис знают, о нем пишут целые книги, начиная с первых веков христианства. Колоссальна работа человеческой мысли и вдохновения, которая вызвана этой книгой и ей посвящена.

¹ Эрнэ В. Откровение в грозе и буре. Сергиев Посад, 1907. С. 15–18.

² Там же. С. 31.

³ Там же. С. 31–32.

Для Морозова, кажется, этой работы не существует, а свидетельства об Апокалипсисе, дошедшие до нас еще от II, III и IV веков, когда Апокалипсис был предметом оживленных обсуждений и споров, он просто объявляет подложными, – потому что они противоречат его “открытию”. Мало, однако, сказать, нужно и доказать, но этого Морозов не делает, и сделать это, конечно, невозможно.

Утверждать, что Апокалипсис написан Иоанном Златоустом, – это почти все равно, что сказать, что Шиллер написал “Гамлета” или, что “Война и Мир” принадлежит Достоевскому или Державину. Так далеко стоит Откровение Иоанна Богослова от произведений Иоанна Златоуста и по духу, и по стилю, и по языку. Известно, что Апокалипсис написан на греческом языке *нелитературном, с большим количеством еврейских оборотов речи*, между тем как Иоанн Златоуст, природный грек, который был одним из образованнейших людей своего времени, писал на *чисто греческом литературном языке*. Документально известно и то, что в жизни Златоуста совсем не было тех событий, о которых рассказывает Морозов»¹.

Вывод Астрова о рецензируемой работе: «Книга Морозова – не *научное* исследование. Исторические выводы его не соответствуют действительности. Говорить же об *астрономической точности* книги – это значит делать грубую методологическую ошибку и ненаучно скреплять авторитетом астрономии то, что не имеет с нею ничего общего»².

Историк Николай Михайлович Никольский так проиллюстрировал филологические познания Морозова: «Он считает необходимым объяснить своим читателям имя Иисус Христос(!). Не приводя курьезных рассуждений Морозова о различных формах собственно имени Иисус в разных европейских языках (стр. 40), укажем на его этимологию слова Христос. “Христос же есть простое прилагательное, которое в обычном греческом языке означает: окрашенный, вымазанный, а в переносном смысле: посвященный в религиозный сан, в религиозные тайны, путем символического помазания маслом при принятии”. О святая простота! Даже семинарист среднего класса, и тот мог бы сказать Морозову, что Христос есть вовсе не “простое прилагательное”,

¹ Астров П. По поводу книги Н. Морозова «Откровение в грозе и буре». М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1908. С. 13–14.

² Там же. С. 16.

a terminus technicus: это буквальный перевод еврейского *maschi-ah* (Мессия), помазанник, имя, которое специально обозначало в эпоху Иисуса ожидаемого царя из рода Давидова, искупителя и освободителя, который будет судить все народы и воздаст Израилю награду за все его страдания. Иисус считал себя Мессией; таким же считали его и ученики, и поэтому, после его смерти, со времени Павла, к его собственному имени постоянно прибавляется и имя его функции – Христос»¹.

Вывод историка однозначен: «Наука не поэзия, она есть продукт холодного разума, а не горячего чувства. В книге Морозова много поэзии, много непосредственного чувства. Его образ Златоуста, образ не исторический, а чисто поэтический – родная душа для Морозова. Больше того, это он сам, Морозов, олицетворен в идеальном Златоусте. Революционер, он сделал и из Златоуста революционера; и вся горячая любовь к свободе и ненависть к деспотам заставила его видеть в Апокалипсисе то, чего там нет. Психологически книга Морозова понятна и ценна, и русский читатель поймет ее и даже увлечется ею. Но для того, чтобы быть научным исследованием, ей недостает самого главного: изучения предмета и научного метода»².

Продолжать приводить цитаты ученых о книге Морозова можно долго. Однако мне так и не попались указанные Л.Я. Круковской – к сожалению, без ссылок на них – работы, включенные в «множество» тех, которые «приветствовали книгу как ценный вклад в науку и называли выводы Н.А. – гениальными». Впрочем, одно исключение есть. О нем гордо сообщил Морозов в своем письме врачу Борису Владимировичу Дмитриеву 10 октября 1912 г.: «Немецкий перевод Откровения поступил в продажу в Германии только в начале нашего сентября. Во *Franfurter Zeitung* появилась о нем недавно длинная статья проф[ессора] древней истории Дрекса, в Карлсруэ известного своими исследованиями о первых веках христианства, где он утверждает, что моя книга является новой эрой разработки древней истории, так как обнаруживает подложность нескольких тысяч документов, приписывавшихся первым трем векам христианства, так что историю первых веков христианства придется теперь писать совсем иначе. В справедливости же моих выводов он нимало не сомневается»³.

¹ Никольский Н. Спор исторической критики с астрономией. По поводу книги Морозова «Откровение в грозе и буре». М., 1908. С. 27.

² Там же. С. 32.

³ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 2263. Л. 2.

Немецкий философ Артур Дреус отрицал историческое существование Иисуса Христа. Его работы были подвергнуты жесткой и обоснованной критике многими исследователями, среди которых Альберт Швейцер и Николай Александрович Бердяев. В 1913 г. книга А. Дреуса «О личности Христа» с предисловием Николая Морозова (нет, не случайно они хвалили друг друга) была опубликована в Москве. Сочинения Дреуса (хотя и с купюрами) с удовольствием издавали в СССР в 20-е годы для антирелигиозной пропаганды. В отличие от работ Морозова, о судьбе которых в наше время я еще расскажу, сочинения Дреуса совершенно забыты.

Воспользовавшись информацией С.Я. Круковской, я с большим интересом прочел ответ Морозова тем ученым, которые еще не осознали его «гениальность». «В моей книге об Апокалипсисе употреблен для решения вопроса о его времени новый метод, не применявшийся к нему до сих пор, и этот новый метод, как бывает часто, привел к новым результатам». Все ссылки на исторические труды и исторические источники, опровергающие его утверждения, Морозов отмечает таким «убедительным» заявлением: «Приводить их против моих выводов – это значит поступать, как тот священник, который, услышав слова одного атеиста, что “Бога нет”, расхохотался и победоносно воскликнул: “А кого же в таком случае прославляют серафимы?!” Морозов использует замечательный способ полемики: не опровергая аргументов противников, и вообще их не замечая, он просто заявляет то, что ему хочется: «... мое определение времени Апокалипсиса и мое утверждение, что кони – планеты (даже если б мы и не имели фактического изображения их в этой самой форме на древних монетах и документах), совершенно достоверно и не допускает никаких сомнений»¹.

Переводчик и педагог Ф.Ф. Фидлер 26 марта 1911 г. записал в дневник слова писателя Леонида Андреева о Н.А. Морозове: «Его душа – это *tabula rasa*², на которой ни разу не был начертан грех. Он никогда не сомневался, а потому никогда не бился и не ошибался, и вернулся из Шлиссельбурга таким здоровым – и физически, и духовно. Его спасла оптимистическая вера в окончательную победу его дела. Беседы с ним для меня бесполезны»³.

¹ Морозов Н. Апокалипсические звери (ответ моим критикам) // Русь. 1907. 21 апреля.

² *Tabula rasa* – Чистая доска (лат.)

³ Фидлер Ф.Ф. Из мира литераторов: характеры и суждения. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 554.

Хотите – верьте, хотите – нет. И «научный метод» Морозова, и приемы его «полемики» уже в советское время не раз привлекают внимание читателей.

А пока отметим, что задолго до «Великой Октябрьской социалистической революции» ученый-энциклопедист не только совершал ошеломляющие исторические открытия, но и многократно знакомил с ними читающую публику. Так что приведенный Морозовым в 1944 г. в частном письме академику Семену Исааковичу Вольфовичу факт своей научной биографии при царском режиме не соответствует действительности: «А революция отвлекла меня в область историологии, так как проверка всех летописей по описанным в них солнечным и лунным затмениям показала мне в них огромные сдвиги хронологии, а разрабатывать это при старом режиме было невозможно ввиду противоречия получаемых результатов со “священной историей старого и нового заветов” и с тогдашним богословием вообще»¹. Ни «тогдашнее богословие», ни «царский режим», ни сменившая его советская власть, ни, как мы узнаем далее, ее крушение не смогли помешать появлению тех или иных «историологических» трудов Морозова.

Если ученый-историк Н.А. Морозов дебютировал своей книгой хотя и шумно, но неудачно, то Н.А. Морозов – ученый-химик выступил столь успешно, что и в наши дни повторяют восторженные слова о его необыкновенных трудах, и слова эти продолжают неутомимо цитировать. В этих цитатах есть смысл разобраться хотя бы для того, чтобы их понять.

Наблюдением того, как технический прогресс меняет к лучшему окружающий мир, Морозов поделился с многолетним товарищем по заключению Верой Фигнер 16 ноября 1906 г.: «Сейчас еще новое удовольствие: получил 21 и 22 листы корректуры моих “Периодических систем строения вещества”, т.е. отпечатаны уже 352 страницы и осталось печатать не более 30. Просто удивительно, как хорош стал мир после нашего отсутствия»². Замечание любопытное, подтверждающее мысль Морозова, возникшую у него после окончания революционного жара, о том, что мир становится хорош, когда самые пламенные революционеры сидят в тюрьме и не мешают нормальному развитию экономики и неотделимого от нее технического прогресса. Но эта книга Морозова уже посвящена только науке.

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 2238. Л. 12 об.

² РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Ед. хр. 604. Л. 46.

Значение этой работы: *Морозов Н.А.* Периодические системы строения вещества. Теория образования химических элементов. М.: тов. И.Д. Сытина, 1907 – сам автор оценил так: «Я теоретически вывел существование еще неизвестных тогда гелия и его аналогов, а также и изотопов и установил периодическую систему углеводородных радикалов, как основу органической жизни»¹. Я точно знаю, что умер Николай Александрович не от скромности. Оставим эту рецензию на собственную книгу до поры до времени без комментариев.

Вот что писал об этой работе академик С.И. Вольфович: «Д.И. Менделеев, с которым Н.А. Морозов встретился незадолго до его смерти, с одобрением отозвался о труде “Периодические системы строения вещества” и по его представлению за этот труд в 1906 г. Н.А. Морозову была присуждена, без защиты диссертации, ученая степень доктора наук. Но письменного отзыва на этот труд Морозова Д.И. Менделеев дать не успел»².

Письменного отзыва Менделеева нет, а ученая степень у Морозова «по представлению» Менделеева есть. Откуда вообще известно, что Менделеев отнесся к труду Морозова «с одобрением», а последний был удостоен ученой степени доктора наук? Источник информации С.И. Вольфовича несложно найти.: «Но смерть унесла в могилу мнение Менделеева о теории Н.А. Перед смертью знаменитый химик исходатайствовал для Морозова звание доктора химии *honoris causa*»³.

Отбывавший миниатюрный для него и последний в его жизни срок (всего год) в Двинской крепости за изданный сборник стихов «Звездные песни», Морозов отложил в сторону материалы для изучения древнееврейского языка и полученную им книгу, чтобы написать Людмиле Яковлевне Круковской это письмо:

«4 ноября 1912. Двинская крепость

Милая, дорогая Людмила Яковлевна!

Только что прочел Вашу книжку обо мне и страшно растроган Вашей оценкой меня как человека и деятеля. От каждой строчки веет нежным заботливым отношением истинного друга.

¹ *Морозов Н.А.* Автобиография // Деятели СССР... С. 172.

² *Вольфович С.И.* Краткий очерк научной, революционной и общественной деятельности // Николай Александрович Морозов (1854–1946). М.: Наука, 1981. С. 11.

³ *Круковская Л.* Н.А. Морозов: Очерк жизни и деятельности. С. 71.

Нашел две-три неважных неточности, без которых трудно обойтись в биографиях, не просмотренных в окончательном виде самими их объектами. Так Менделеев перед смертью не “исходатайствовал” мне звание доктора химии, а только говорил кому-то из близких себе профессоров, что хочет сделать это, а тот рассказал репортерам, тут же и тиснувшим во все газеты, а Менделеев через две недели после этого умер, не успев ничего сделать...»¹

С неназванного профессора спрос невелик. История про лихих репортеров, «тут же и тиснувших во все газеты», сильное преувеличение. Была лишь одна петербургская вечерняя газета, в которой появилась эта (неподписанная) информация и где, кстати, ничего не сказано о докторской степени:

«За ученые заслуги

В совет петербургского университета поступило предложение известного ученого Менделеева почтить Н.А. Морозова, пробывшего более 20 лет в Шлиссельбургской крепости, званием почетного химика»².

Что же касается биографической книги, то и неточность у Круковской «неважная», и замечена она Морозовым лишь в частном письме, поэтому и продолжает беспрепятственно повторяться в научных и популярных текстах.

Кстати, в 1920 г. книга Л. Круковской: «Н.А. Морозов: Очерк жизни и деятельности» была переиздана в Госиздате Петрограда. На с. 63 можно прочесть все ту же байку о Менделееве и Морозове, без изменения. Морозову и эта книжка была известна. Седьмого апреля 1920 г. он написал автору: «Милая и дорогая Людмила Яковлевна, с большим умилением в душе прочел Вашу книжку обо мне и умилился, конечно, не за себя, а за Вас, за Ваше отношение ко мне: ведь во всякой книжке виден, прежде всего, сам автор и только потом предмет, о котором он пишет»³.

И уже никаких указаний на «неточности». «Предмет» был всем доволен до такой степени, что в 1933 г. рекомендовал эту книжку для переиздания издательству политкаторжан, но там решили ее «не переиздавать»⁴.

¹ РГАЛИ. Ф. 255. Оп. 1. Д. 11. Л. 26.

² Сегодня. 1906. 13 октября. С. 2.

³ РГАЛИ. Ф. 255. Оп. 1. Д. 11. Л. 37.

⁴ См.: АРАН. Ф. 543. Оп. 3. Д. 163. Л. 24.

Не знаю, было ли известно об этом Николаю Александровичу, но Д.И. Менделеев о трудах, подобных морозовскому, высказался вполне однозначно, и мы с этим высказыванием скоро познакомимся.

Но сначала посмотрим, как в советскую эпоху создавалась научная биография Н.А. Морозова, продолжающая цитироваться и тиражироваться в наше время. Итак: «Одним из первых Морозов разработал теорию о сложном строении атома, объяснил явления изотопии и радиоактивности, обосновал теорию синтеза и взаимопревращаемости атомов. Предварив ряд открытий XX в., шлиссельбургский узник явился одним из основоположников современной атомистики. Диапазон научных занятий Морозова в тюрьме был широк: он работал в области естествознания, математики, химии, физики, минералогии, геологии, астрономии, политической экономии, истории и ряда других наук. Освобожденный из тюрьмы революцией 1905 г., Морозов вынес на волю 26 томов рукописей. Не все в них было равноценно (сказывалась тюремная изоляция ученого), но многое явилось подлинным вкладом в науку»¹. Эти слова историка В.А. Твардовской заканчиваются двумя ссылками.

Первая ссылка: *Курчатов И.В.* О монографии Н.А. Морозова «Периодические системы строения вещества» // АРАН. Ф.543. Оп. 3. Д. 355.

Если мы посмотрим этот документ, то узнаем, что в ссылке ошибка или опечатка. Опись должна быть не третья, а четвертая. К тому же не существует никакой статьи Курчатова о монографии Морозова. Есть частное письмо С.И. Вольфовича к Н.А. Морозову, в котором он цитирует отзыв И.В. Курчатова о работе Морозова, высказанный ему в частном же письме Курчатова.

Вторая ссылка: *Вольфович С.И.* Краткий очерк научной, революционной и общественной деятельности Н.А. Морозова // Николай Александрович Морозов (1854–1946). М.: Наука, 1981. С. 16.

В указанном сочинении на с. 20 читаем: «По словам академика И.В. Курчатова, «современная физика полностью подтвердила утверждение о сложном строении атомов и взаимопревращаемости всех химических элементов, разобранный в свое время Н.А. Морозовым в монографии «Периодические системы строе-

¹ *Твардовская В.А.* Николай Морозов: от революционера-террориста к ученому-эволюционисту // Отечественная история. 2003. № 2. С. 58.

ния вещества”». Далее следует ссылка на книгу: Морозова К. Николай Александрович Морозов. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1944. С. 27.

Откроем эту страницу и прочтем: «По словам академика И.В. Курчатова, в письме зам. академика-секретаря Отделения химических наук Академии Наук С.И. Вольфковича к Морозову, «современная физика полностью подтвердила утверждение о сложном строении атомов и взаимопревращаемости всех химических элементов, разобранные в свое время Н.А. Морозовым в монографии “Периодические системы строения вещества”».

Итак, Вольфкович ссылается на К. Морозову, которая ссылается на Вольфковича. Оба они цитируют слова И.В. Курчатова. Но дело в том, что в архивном письме, откуда эти слова приводятся, после цитированных слов написано: «Сейчас существует уже большая литература по “ядерной химии” и дан список из семи книг»¹.

Морозов совсем не первый и не единственный. В своей теории строения атомов Морозов опирался на результаты спектральных наблюдений и обобщения английского астрофизика Джозефа Нормана Локьера: «...Морозов использовал все три первичных праэлемента Локьера, оставляя даже их названия: протоводород (масса 1), протогелий (масса 2) и небулёзий, или архоний (масса 4)»².

Не могу пропустить одну забавную деталь, которая имеет прямое отношение к рассматриваемому сюжету. Когда в декабре 1880 г., Морозов готовился к нелегальному возвращению из-за границы в Россию, он получил деньги и документы от состоятельного соотечественника, учившегося в Женевском университете. Деньги как деньги, а вот документ у Морозова явно свидетельствовал о неутоленной жажде стать великим ученым: «Переходить границу ему предстояло под именем Петра Александровича Лакиера, 28 лет»³.

Помимо Локьера сходные идеи высказал и французский химик Жан-Батист Дюма; об использовании идей и того и другого Морозов «забывает» сообщить. Но если даже не обращать на это внимания, то все равно «подлинного вклада в науку» никак не получается. Академик Пауль (Павел Иванович) Вальден, при

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 355. Л. 6.

² Кривомазов А.Н. Идеи о «неорганической эволюции» Дж. Н. Локьера и атомистические представления Н.А. Морозова // Николай Александрович Морозов – ученый-энциклопедист. М.: Наука, 1982. С. 69.

³ Твардовская В.А. Н.А. Морозов в русском освободительном движении. С. 130.

всем своим уважением к Морозову, его работу оценил так: «Вполне оригинальную теорию образования химических элементов дал Н. Морозов в своем обширном труде: “Периодические системы строения вещества” (Москва, 1907). Эта теория интересна по внешним условиям возникновения и замечательна по самостоятельности и смелости изложения, но нуждается в экспериментальной разработке и проверке»¹.

Я обещал дать отзыв Д.И. Менделеева на труды, подобные морозовскому. Вот он:

«Англичанин Мауow (в 1666) за целое столетие раньше Лавуазье понял правильно некоторые явления окисления, но не умел ни развить своего взгляда с ясностью, ни сделать учение свое общим достоянием, ни выразить его в поучительных опытах, а потому и не может быть считаем за основателя современных химических сведений, как Лавуазье.

Наука есть достояние общее, а потому справедливость требует не тому отдать наибольшую научную славу, кто первый высказал известную истину, а тому, кто умел убедить в ней других, показал ее достоверность и сделал ее применимою в науке»².

Таким ученым Морозов не был.

В предисловии к своей книге Б.М. Кедров и Д.Н. Трифонов отметили: «В историко-научной литературе до сих пор еще не предпринималось попыток составления более или менее подробного хронологического перечня открытий, которые в той или иной степени способствовали дальнейшему развитию закона периодичности и системы элементов, углублению и уточнению наших представлений о них»³. Авторами была составлена «Краткая хронология событий за сто лет»⁴. В этом перечне имени Н.А. Морозова просто нет.

Впрочем, в послевоенный период советской истории, широко известный «борьбой с космополитизмом», пропагандой «русского научно-технического первенства» и борьбой «за приоритет отечественной науки», до которых Морозов дожить не успел, вера

¹ Вальден П.И. Очерки истории химии в России // Ладенбург А. Лекции по истории развития химии от Лавуазье до нашего времени / Пер. с нем. Одесса, 1917. С. 568.

² Менделеев Д.И. Периодический закон / Ред., ст. и примеч. Б.М. Кедрова. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 593.

³ Кедров Б.М., Трифонов Д.Н. Закон периодичности и химические элементы: Открытия и хронология. М.: Наука, 1969. С. 16.

⁴ См. там же. С. 128–178

Николая Александровича в свое научное первенство не могла быть не поддержана¹.

Двадцать лет спустя сталинское время уже успело немного подзабыться, но не менее восторженно продолжают цитироваться со ссылками на источники – или без таковых – многократно процитированные слова Курчатова, хотя справедливости ради все же отмечается: «Схема Морозова, разумеется, далека от современных представлений о строении атома. В его модели отсутствует атомное ядро, нет никаких указаний на характер движения элементарных частиц. Его структурные формулы выглядят примитивно. Путь, которым шел Морозов, кажется сейчас наивным. Но прозрения его удивительны»².

Николай Александрович был хорошим преподавателем, талантливым популяризатором. Его увлекательная книга «В поисках философского камня» (СПб., 1909) о том, как долгие поиски способа превращать металлы в золото и алхимические опыты привели не к изготовлению золотых слитков, а к рождению замечательной науки – химии, пользовалась большим успехом.

В неподписанной рецензии на эту книгу Морозова автор отметил:

«Новая книга Морозова представляет собой обзор химических теорий, начиная с первых шагов химии и кончая знаменитыми опытами Рамзая.

Замечательно, что в сказках, в которых воплотились мечты людей о самых несбыточных вещах, можно всегда найти нечто отвечающее действительности, которую осуществляет наука. Так, кузнец, который выковал из металла голосок, воплотился в наше время в Эдисоне и Юзе, изобретших фонограф и граммофон, зеркальце, в которое можно видеть все, что делается на другом конце света, тоже уже функционирует. В настоящее время можно по телефону не только разговаривать, но и видеться друг с другом за несколько сот верст. Существует даже ковер-самолет, и разве автомобиль не напоминает той ступы, на которой мчалась когда-то баба-яга? <...> Обозрению эволюционных теорий, которые развивались и развиваются современными химиками, Морозов посвятил вторую часть своей книги. Справедливость требует сказать, что его личные взгляды, к которым он пришел

¹ См.: *Борисов И.Н.* Н.А.Морозов о строении вещества (К вопросу о приоритете русских химиков) // *Химия в школе: Метод. сборник. Вып. IV.* М.: Учпедгиз. 1950. С. 153 - 159.

² *Файбусович Г.* 26 тетрадей Морозова // *Химия и жизнь.* 1971. № 8. С. 30.

в Шлиссельбургской крепости, во многом подвинули бы новую химию, если бы своевременно были опубликованы. Впрочем, они и теперь не утратили своего интереса и в особенности обращают на себя внимание после того, как понятие об атоме претерпело у современных химиков такое радикальное изменение, благодаря открытиям Кюри, Беккереля, Складовской, Крукса и Рамзая»¹.

Однако, как только Морозов пытался оспорить чужое научное открытие, или совершить открытие собственное, все завершалось нелепицей и конфузом, что не мешало как ни в чем не бывало писать о его разнообразных ученых заслугах, например так: «Н.А. Морозов много работал над вопросами теории относительности»². Звучит, конечно, весомо, если не знать, о чем идет речь.

Семнадцатого апреля 1919 г. Морозов с гордостью сообщил своему биографу Л.Я. Круковской: «Я только что закончил большую и важную работу по теоретической физике. Доказал неправильность принципа относительности Эйнштейна, грозившего ниспровергнуть все основы современной физики и механики и так нашумевшего в верхах ученых сфер за последние семь лет. Оказалось, что в обосновании теории Эйнштейна забыто Максвелловское световое давление, хотя и очень малое, но приводящее световые волны как раз к тем скоростям, наличие которых казалась совершенно не соответствующей основам современной механики. Придется делать целый ряд докладов в ученых обществах»³.

Результатом этой «работы», о которой столь гордо сообщают С.И. Вольфкович и Н.А. Морозов, стала книга, в «Прологе» которой автор объяснил свои намерения: «Мне стало жалко прежнего, ясного света знания, и я начал думать, нельзя ли как-нибудь спасти нашу физику и механику. Результатом этой попытки и явилось настоящее исследование. Насколько удалось оно мне, пусть судит сам читатель. Но мне не хотелось бы, чтоб кто-нибудь подумал при чтении этой книжки, что, отвергая естественно-научную основу за принципом относительности Эйнштейна, я не считаю этого ученого за крупную величину в области отвлеченного мышления, в том же смысле, в каком я это мог бы сказать об Иоанне Богослове, Канте или Гартмане»⁴.

¹ Новое слово. 1909. № 7. С. 151–153.

² Вольфкович С.И. Краткий очерк... // Николай Александрович Морозов (1854–1946). С. 12.

³ РГАЛИ. Ф. 255. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 30–30 об.

⁴ Морозов Н. Принцип относительности и абсолютное: Этюд из области проявления волнообразного движения. Пг.: Госиздат, 1920. С. VII.

Все же спаситель нашей физики и механики Морозов признал крупной величиной Эйнштейна. Вероятно, поэтому и согласился принять дружеское участие в знакомстве советского читателя с его книгой¹. Гений все-таки сумел разглядеть талант большого ученого. Если бы Эйнштейн об этом узнал, то наверное, был бы счастлив.

Математические выкладки Морозова, бывало, вызывали удивление даже у людей, далеких от математики. Так, одна известная художница вспоминала: «Однажды я как-то спросила Николая Александровича, что поддерживало в нем уверенность во время заточения, что он не будет сидеть в крепости всю жизнь согласно приговору. Он мне ответил: “Математический расчет. Девяносто девять шансов из ста были за то, что я умру в заточении, и только один из ста был за благополучный исход. Так вот на этот счастливый шанс я и рассчитывал. И мой расчет оказался верен. Я остался жив и был освобожден”»².

Что же касается печатных работ Николая Александровича по математике, то их действительно интересно посмотреть: Начала векториальной алгебры в их генезисе из чистой математики. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1909; Функция. Наглядное изложение дифференциального и интегрального исчисления и некоторых его приложений к естествознанию и геометрии: Руководство к самостоятельному изучению высшего математического анализа. СПб; Киев: Сотрудник, 1912.

Вот какую характеристику дает последней книге автор рецензии, не позабыв отметить, что «она будет чрезвычайно полезна при известных особенно неблагоприятных условиях для занятий вроде тех, в каких жил много лет в Шлиссельбурге сам автор: “Написана она для тех, кто хотел бы познакомиться с математикой в объеме, необходимом и достаточном для естествовика. Поэтому она мало места уделяет обосновывающим теоремам, но направляет главное усилие на дидактическое уяснение метода обоих исчислений и добытых результатов. В последнем отношении автор сделал очень много, и при этом с большой любовью. Книга, несмотря на большой объем – следствие поставленной дидактической задачи, – читается очень легко и быстро

¹ См.: *Эйнштейн А.* Специальная и общая теория относительности / Пер. с 10-го нем. изд. Л.Я. и В.А. Круковских; под ред. Н.А. Морозова и Б.С. Бычковского. Пг.: Госиздат, 1922.

² *Остроумова-Лебедева А.П.* Автобиографические записки. Т. 3. М.: Изобр. иск., 1974. С. 193.

и почти не оставляет в мысли читателя неразрешенных вопросов и недоумений»¹.

Намного любопытнее более поздняя оценка работы Морозова по математике в явно апологетической книге о великом ученом-энциклопедисте. Исследователь Борис Абрамович Розенфельд обосновал свою точку зрения на вклад Морозова в эту древнюю дисциплину, рассмотрев его математические труды. Сначала о книге «Начала векториальной алгебры...»:

«Н.А. Морозов ставит вопрос о том, когда мы имеем право складывать величины различной природы, или, по его терминологии, “различные именованные величины”. В современной математике такого вопроса нет: современный математик может складывать или объединять в одно множество элементы самой различной природы. Но подход Морозова к математике был подходом не математика, а естествоиспытателя, поэтому он ставит этот вопрос...» Приводя слова Морозова: «Алгебра – вовсе не наука об *отвлеченных*, а только об *обобщенных* величинах», ученый замечает: «Здесь опять Н.А. Морозов выступает не как математик, а как естествоиспытатель, и в то же время характерный для него дух новаторства, преобразующего все, с чем он сталкивается, приводит его к попытке реформировать определение алгебры!»²

«В “Функции”, в отличие от “Начал векториальной алгебры”, язык автора значительно ближе к языку, применяемому в математической литературе...», но и здесь Морозов «подходит к излагаемому им материалу как естествоиспытатель»³.

«Теории вероятностей Н.А. Морозов не посвятил специальных сочинений, но эта математическая теория занимает значительное место в его небольшом историческом сочинении “Христос или Рамзес?” (М.; Пг., 1924), являющемся своего рода эскизом к его многотомному сочинению “Христос” (кн. 1–7, М.; Л., 1924–1932). Как известно, “Христос” посвящен весьма оригинальной трактовке фактов древней и средневековой истории многих стран Средиземноморья. Доказательства суждений Н.А. Морозова, в большинстве случаев опровергнутых историками, занимающимися историей античности и средних веков, основаны на астрономических расчетах расположения планет в тех или иных созвездиях,

¹ Корень Б. Рецензия на кн.: Морозов Н. Функция // Заветы. 1913. № 7. С. 188.

² Розенфельд Б.А. Математика в трудах Н.А. Морозова // Николай Александрович Морозов – ученый-энциклопедист. С. 130, 131.

³ Там же. С. 136, 137.

которые он находил в различных древних сочинениях или изображениях звездного неба. Эти суждения зависели от истолкования того, с какой планетой или звездой следует отождествлять тот или иной образ сочинения или символ изображения, и от применения теоретико-вероятностных рассуждений. Последние рассуждения, как правило, были основаны на том, что Морозов подсчитывал вероятность тех или иных совпадений и, найдя, что эта вероятность чрезвычайно мала, делал вывод о невозможности этих совпадений. Такого рода рассуждения совершенно неправомерны, так как теория вероятностей является наукой о массовых, а не о единичных явлениях, и фактически могут происходить события, вероятность которых сколь угодно близка к нулю»¹.

Вывод автора этого обзора предельно ясен: «Н.А. Морозов интересовался многими разделами математики – от дифференциального и интегрального исчисления и алгебры комплексных чисел до векторов и проективной геометрии, а также теорией вероятностей. Интерес его к этим вопросам был тесно связан с применением этих математических дисциплин к естествознанию и истории человеческого общества; не всеми из этих дисциплин Морозов овладел полностью, но всюду, где он брался излагать эти вопросы для широких кругов читающей публики, он делал это с присущим ему духом новаторства, и всегда его изложение было оригинально»².

Новаторства и оригинальности в дилетантских трудах Морозова более чем достаточно. Среди его работ есть неплохие учебники и справочные пособия, но никаких открытий в них нет. Бывало, что и хорошего изложения уже известного тоже не получалось. Приведем лишь одно письмо от 3 января 1916 г. из одесской редакции «Вестника опытной физики и элементарной математики»:

«Глубокоуважаемый Николай Александрович.

Я очень внимательно прочитал Вашу статью – “Разно-системный анализ”. Идея изучения периодических дробей при основании, отличном от общепринятого, конечно, отнюдь не нова, и я не думаю, чтобы и Вы считали ее новой. При всем том, я был бы склонен поместить об этом статью в “Вестнике”, но я нахожу, что приводимые Вами рассужде-

¹ Розенфельд Б.А. Математика в трудах Н.А. Морозова // Николай Александрович Морозов – ученый-энциклопедист. С. 137.

² Там же. С. 138.

ния, с одной стороны, недостаточно просты, с другой стороны – недостаточно доказательны. Вы пользуетесь своим приемом для суммирования ряда

$$1/n + 2/n_2 + 3/n_3 \text{ и т.д.}$$

Если Вы представите его в виде двойного ряда

$$1/n + 1/n_2 + 1/n_3 + 1/n_4 \text{ и т.д.}$$

$$+ 1/n_2 + 1/n_3 + 1/n_4 \dots$$

$$+ 1/n_3 + 1/n_4 \dots$$

$$+ 1/n_4 \dots$$

то окажется, что каждый из составляющих рядов представляет собой нисходящую геометрическую прогрессию, с знаменателем $1/n$. Вместе с тем, суммы отдельных рядов равны:

$$1/n-1, 1/n(n-1), 1/n_2(n-1), \dots,$$

Поэтому вся сумма равна

$$(1/n-1)(1+1/n+1/n_2+\dots) = n/(n-1)_2$$

Таково простое выражение для суммы нашего ряда, между тем как Вы, применяя свой прием к двум простейшим частным случаям, затрачиваете большие усилия на его выяснение.

Я вынужден поэтому воздержаться от печатания Вашей статьи и полагаю, что Вы не поставите мне этого в вину... »¹

Но для упрочения славы Николая Александровича Морозова в самодержавные времена никаких открытий ему делать было и не нужно. ореол мученика-шлиссельбуржца привлекал массовое внимание и сочувствие несоизмеримо больший, чем какой угодно научный авторитет: «Естественный факультет “Вольной Высшей Школы” избрал меня приват-доцентом по кафедре химии тотчас после выхода моих “Периодических систем строения вещества”, а потом меня выбрали профессором аналитической химии, которую я и преподавал в Высшей Вольной Школе вплоть до ее закрытия правительством. Вместе с тем меня стали приглашать и для чтения публичных лекций почти все крупные города России, и я объездил ее, таким образом, почти всю»².

Известный анатом, педагог и общественный деятель Петр Францевич Лесгафт в 1893 г. на средства, пожертвованные одним из своих учеников, организовал Биологическую лабораторию, занимавшуюся научными исследованиями в области анатомии,

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 3. Д. 168. Л. 60–60 об.

² Морозов Н.А. Автобиография. // Деятели СССР... С. 167.

физиологии, зоологии, химии и других наук. После революции 1905 г., Лесгафт создал Вольную высшую школу, а при ней вечерние курсы для рабочих. Человек свободомыслящий и оппозиционный правительству, он подбирал для себя преподавателей ярких, известных и близких ему по духу, даже и не имевших права преподавать в казенном учебном заведении. Не было нужды Морозову представлять отзыв Д.И. Менделеева или защищенную диссертацию. Он просто с большим успехом начал читать свой курс химии. С тем же успехом он читал курс лекций по мировой химии «в качестве необязательного предмета» на естественно-историческом факультете Психоневрологического института. И с еще большим успехом выступал по всей стране с публичными лекциями, где из-за толпы желающих его послушать яблоку упасть было некуда.

«Все, кто имел случай видеть Н.А. по выходе его из Шлиссельбурга, единодушно удивляются, насколько он сохранил бодрость и живость, а его мягкость и умное, кроткое лицо очаровывают всякого, кто приходит с ним в соприкосновение»¹. Как не очароваться?! Настоящий русский граф Монте-Кристо, переживший многолетнее заключение и вернувшийся с обретенным им сокровищем – наукой, к тому же так увлекательно и страстно рассказывающий о своих исследованиях. Его хотели сгноить в одиночном каземате, а он, назло врагам, непобежденный и счастливый, недавно женившийся на молодой девушке, полон одушевления и творческих планов. Не говоря уже о том, что слушать этого знаменитого противника деспотии уже было немножечко Поступком, приобщением к будущей победоносной революции, выражением оппозиционности правительству и монархическому образу правления. Его засыпали письмами с приглашениями прочитать лекцию и просьбами об автографах и фотографических карточках.

Вот лишь одно из таких писем, отправленных Морозову из города Горький кандидатом естественных наук Федором Васильевичем Богоявленским уже в 1939 г. все с той же просьбой прислать свою фотокарточку на память:

«Более 25 лет тому назад Вы приезжали в г. Ковно, в котором я жил, и читали лекцию по химии в гражданском клубе, который, кажется, тогда назывался клубом интеллигентских профессий.

¹ *Фигнер В.* Шлиссельбургские узники. Н.А. Морозов // Полн. собр. соч. В 7 т. М.: Изд-во Всесоюз. об-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1932. Т. 4. С. 156.

Морозов читает публичную лекцию (1909–1910).
(АРАН Ф. 543. Оп. 2. Д. 636)

Хоть много времени прошло с тех пор, но на всю жизнь осталось свежо живое воспоминание о встрече с Вами, так как никто в моей жизни, а мне уже 67 лет, не произвел на меня такого сильного впечатления, как Вы, дорогой Николай Александрович. До сих пор перед моими глазами Ваш образ кристально чистого человека, сверкающего яркими лучами высшего душевного благородства. Видеть пожилого человека с юношески молодой душой, жизнерадостного, с кипучей энергией после многолетнего одиночного заключения – было так необычно, что я не мог удержаться от слез умиления. Хоть я по профессии химик, но я не мог внимательно слушать лекцию от волнения и восторга, вспоминая весь пройденный Вами жизненный путь»¹.

Если профессионалу химика «волнение и восторг» мешали слушать, что же говорить о тех, кто пришел на лекцию, не имея о химии никакого представления. Николай Александрович мог

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 185. Л. 1 об. – 2.

«бодро и живо» рассказывать что угодно. Успех любых его лекций был предопределен и беспорен.

Морозов продолжил ниспровержение авторитетов. Его очередная книга: Пророки. История возникновения библейских пророчеств, их литературное изложение и характеристика. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1914. – где с помощью астрономии он, не мудрствуя лукаво, все с той же, что и в истории с Апокалипсисом, популярной и занимательной нелепостью создал новую датировку книг пророков Иеремии, Захарии и др., была на этот раз почти никем, кроме специалистов, не замечена.

Впрочем, на одну рецензию стоит обратить внимание прежде всего потому, что ее автором был астроном Даниил Святский, тот самый сотрудник Морозова, с которым он жил вместе в Петрограде и «кое-как питался» в холодном и голодном 1918 году. Цель «Пророков» рецензент определил так: «В ней автор пытается при помощи того же астрономического метода доказать, что библейские пророки жили и действовали в пятом веке нашей эры, а не до начала ея. Разумеется, чтобы доказать такое положение, нужно буквально перевернуть на изнанку всю историческую науку, и потому не удивительно, что новая книга встретила отповедь со стороны исследователей всех лагерей и всех направлений»¹. Приведя примеры рассмотрения астрономами видения Иезикииля до Морозова, Святский приходит к выводу, что дата, полученная Морозовым, – «фикция», и показывает, каким фокусническим образом Морозов ее создает: «...здесь не только астрономическая картина определяет дату, а по предвзятой мысли определяется астрономическая картина и затем уже желаемая дата. Но таким путем можно, конечно, отнести комету Иеремии к какой угодно эпохе»². Вывод Святского, который убежден, что исследовать Библию с точки зрения астрономии вполне допустимо, любопытен: «Морозов в своей книге совершенно игнорирует всю литературу о пророках, существовавшую до него. Он не только не останавливается на богословской литературе, он игнорирует историю астрономии. <...> ...он, по долгу ученого, обязан был предпослать своему исследованию критический разбор существовавших мнений и показать их несостоятельность. Но он этого не сделал и даже бравирует нежеланием этого делать. Тем хуже для его ис-

¹ Святский Д. «Пророки» Николая Морозова перед судом истории астрономии // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни, 1914. № 6. С. 146.

² Там же. С. 149.

следования, с которым после этого уже нельзя считаться как с научным исследованием»¹.

Будто мало было тех, кто доказывал ненаучность морозовских сочинений! Отвечать им всем жизни не хватит, а времени и так в обрез. Николай Александрович являлся деятельным членом многочисленных научных обществ, и каких только работ он не писал! Эта, по мнению Морозова, повествует о средстве отличать плагиат от подлинного произведения известного автора. На нее обратил внимание академик Андрей Андреевич Марков: «В XX-м томе “Известий Отделения Русского Языка и Словесности” помещена интересная статья Н.А. Морозова “Лингвистические спектры”, посвященная вопросу о применении статистического метода к исследованию речи различных писателей. Подобное исследование, образец которого приведен в моей заметке “Применение статистического исследования” (ИАН. 1913 г.), может иметь большое значение, но только при условии, что постоянство итогов, другими словами – устойчивость их, не принимается на веру, а устанавливается в самом исследовании, причем должен быть выяснен и размер колебаний. Ссылки же на постоянство других итогов, если бы даже они были совершенно верными, и на общий закон больших чисел нисколько не доказывают устойчивости рассматриваемых итогов.

На указанное условие в статье “Лингвистические спектры” не обращено надлежащего внимания; в ней нет и попытки доказать, что приведенные итоги характерны для русских писателей, а не относятся только к тем немногим отрывкам (по тысяче слов в каждом), которые были подвергнуты подсчету».

После ряда примеров А.А. Марков делает обоснованный вывод: «Итак, подсчеты немногих тысяч последовательных слов в произведениях различных писателей, подобные приведенным в таблице XVI статьи “Лингвистические спектры”, представляют шаткое основание для заключений об особенностях речи каждого из этих писателей; замена одних тысяч слов другими может превращать такие заключения в противоположные, что и указывает на сомнительность их»².

¹ *Святский Д.* «Пророки» Николая Морозова перед судом истории астрономии // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни, 1914. № 6. С. 150.

² *Марков А.А.* Об одном применении статистического метода // Известия Императорской Академии Наук. Отделение Русского Языка и Словесности. 1916. Т. 10. № 4. С. 239, 241.

Много лет спустя об этой работе Морозова, уже расширившейся до книги, высказал свое мнение другой ученый: «Применению математической статистики к другой гуманитарной проблеме посвящена книга Н.А. Морозова "Лингвистические спектры. Средство для отличения плагиатов от истинных произведений того или иного известного автора" (Пг., 1916). Здесь Морозов выдвигает интересную идею о том, что каждый писатель обладает индивидуальными, свойственными только ему, закономерностями в употреблении тех или иных предлогов, союзов и других частиц и составляет для различных сочинений известных русских писателей статистические таблицы встречаемости тех или иных частиц. Н.А. Морозов называет их "лингвистическими спектрами". Эта идея в несколько иной форме впоследствии успешно применялась к решению той же задачи ведущим советским ученым в области теории вероятностей А.Н. Колмогоровым. Однако Н.А. Морозов, по-видимому, потому, что он не владел теорией вероятностей и математической статистикой профессионально, приходит в этой книге к некоторым выводам, с которыми не согласна современная историческая наука, – например к тому, что основные сочинения Платона написаны не одним человеком, а целой школой с индивидуальными особенностями языка каждого из членов этой школы»¹.

Между тем Морозову было мало земли, и он штурмовал небо. «Мало кому, к сожалению, известно, что воздухоплавание и авиация были предметом особого увлечения, заботы и любви старейшего революционера. Он не сделал фундаментальных открытий в этой, близкой ему сфере наук, но был горячим пропагандистом воздухоплавания и авиации»².

Если доклады Морозова о наблюдении им на аэроплане солнечного затмения или состоянии физиологического состояния организма на высоте на заседаниях Русского астрономического или Русского физико-химического общества были известны лишь специалистам, то брошюра в 16 страниц «Полет в Шлис-сельбург над местами заточения» (Пг.: Тип. акц. об-ва изд. дела «Копейка», 1917) покорила массовое воображение.

Но поразить специалистов научными открытиями было сложнее.

¹ Розенфельд Б.А. Математика в трудах Н.А. Морозова // Николай Александрович Морозов – ученый-энциклопедист. С. 137–138.

² Царев П. Его большая жизнь. В доме-музее Н.А. Морозова // Авиация и космонавтика. 1963. № 10. С. 81.

Где только ученый-энциклопедист не успел оставить свой след! В том числе и в метеорологии. Эта статья была напечатана впервые в 1954 г.¹ Почти 30 лет спустя ее перепечатали лишь с мелкими стилистическими поправками: «Как метеоролог Н.А. Морозов практически неизвестен кругу специалистов, хотя он посвятил много времени изучению атмосферных явлений, высказав при этом ряд теоретических предположений и дав объяснения многим атмосферным процессам. Морозов был одним из первых организаторов исследования свободной атмосферы на аэростатах и самолетах и деятельно пропагандировал эти исследования. К сожалению, имя Морозова не упоминается в существующих курсах метеорологии и в литературе по истории этой науки»². Знакомые по смыслу и тональности высказывания. Морозов – один из первых, но открытый не сделал и поэтому в науке никому не известен.

Однако популярность в либеральных и студенческих кругах Морозова-ученого во времена самодержавия и сравниться не могла с той славой, которая пришла к нему после упрочения советской власти, приход которой Николай Александрович поначалу принял за «катастрофу».

* * *

Все попытки Морозова найти оплачиваемое место работы поначалу кончались неудачей. Оно и неудивительно. Дело не только в том, что после Октябрьского переворота даже либерально мыслящая интеллигенция не могла не задаваться вопросом, а стоило ли Морозову, и ему подобным, десятилетия сидеть в тюрьме ради того, чтобы дожидаться торжества нынешней «свободы». Еще более важен был тот факт, что научные достижения Николая Александровича не давали никаких оснований для сурового к нему отношения.

В письме Морозова в Петроградский университет с предложением занять профессорскую кафедру он, конечно, не мог не сообщить: «Свое высшее образование я был должен закончить самостоятельным трудом». И почему-то не написал ни слова о полученной им докторской степени. Однако просил принять в расчет, что он не только обладал большим опытом лектора, но

¹ См.: Природа. 1954. № 10. С. 79–82.

² Новожилов Н.И. Работы Н.А. Морозова в области метеорологии // Николай Александрович Морозов – ученый-энциклопедист. С. 139.

и что созданные им еще в Шлиссельбургской крепости работы были «только в самые последние годы» подтверждены экспериментально. Свое послание Морозов завершил так: «В области астрономии мои исследования относятся, прежде всего, к астрономическому исследованию библейских (Апокалипсис и “Пророки”) и других древних книг, причем выработаны методы определения их времени и составлены таблицы. По астрофизике и астрономии ряд теоретических соображений о строении вселенной и о эволюции вещества на небесных светилах. По чистой математике – “Векториальная алгебра” и “Функция”, где даны наглядные методы изложения. 18 января 1918. Николай Морозов»¹.

Как читателям уже известно, серьезные ученые относились к его на шумевшим работам совсем иначе, чем широкая публика. Поэтому рассылаемые им предложения не встречали взаимности.

Место Морозову нашлось там, где ему поначалу и в голову не пришло его искать. В феврале 1918 г. он сообщал жене: «Теперь мне пришлось спасать Биологическую Лабораторию от городской думы, которая постановила передать ее случайным жильцам нашего дома. Бегал в министерство Луначарского по поручению совета Лаборатории и уладил дело»².

Созданная покойным П.Ф. Лесгафтом и существовавшая на пожертвования меценатов Биологическая лаборатория не только была спасена Морозовым от уничтожения, но и передана в ведение Народного комиссариата просвещения. Первым его наркомом был Анатолий Васильевич Луначарский, с которым Морозов был хорошо знаком. Лаборатория была преобразована, разумеется самим Морозовым, в Петроградский научный институт им. П.Ф. Лесгафта, директором которого назначили Николая Александровича. Хотя материальное содержание поначалу было весьма скудным, в тех условиях и оно было благом.

Вскоре над недавно созданным научным учреждением и его директором нависла нешуточная угроза. Институт Морозова хотели объединить со 2-м Педагогическим институтом, где директорствовал известный историк и общественный деятель Николай Александрович Рожков, с которым у Морозова ничего общего быть не могло, кроме одинакового имени и отчества. И тогда в июле 1919 г. Морозов написал письмо Ленину, то самое, где он уверял вождя, что «за разгон учредительного собрания» прави-

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 3. Д. 87. Л. 3 об. – 4.

² Там же. Оп. 6. Д. 349. Л. 38.

тельству «простится много грехов», и к которому я обещал еще вернуться. На копии первой страницы этого большого письма¹ Морозов крупными буквами написал: «Отстоял институт».

Не простое это дело – писать письма вождям. Но у Морозова получалось неплохо. Рассказав о своем личном участии в истории этого научно-исследовательского учреждения, Морозов сообщил, что в созданном им институте девять естественно-научных отделений, «в том числе астрономическое по такой специальности, по какой еще нет учреждений в других странах: разработка памятников древности и определения их времени по заключающимся в них астрономическим фактам, что <...> обещает сделать полный переворот в истории древности и особенно религий»². Он не просто недоумевает, зачем соединять научно-исследовательский институт с институтом учебным, но и высказывает предположения, подкрепленные ценной информацией о себе: «В чем же дело? Может быть, тут замешалась политика? Эта мысль, прежде всего, приходит мне в голову, может быть, потому, что я уже так много терпел от нее в своей научной деятельности при старом режиме»³.

Тут, конечно, присутствует небольшая неясность: то ли «старый режим» виноват то, что научная деятельность Морозова проходила в заключении, то ли в том, что при нем беспрепятственно смели критиковать гениальные труды Николая Александровича. Но вывод был очевиден: и в том и другом случае новый режим не должен повторять старых ошибок.

«А относительно современного состава верховного правительства всегда говорил и в частных разговорах, и при случайных публичных собеседованиях, что этот состав и по умственным. и по моральным качествам является выдающимся...»⁴.

Наконец-то пришло время в России для правительства не только умного, но и озабоченного вопросами морали. Кому же, как не Морозову, сказать об этом прямо его главе, с присущей Николаю Александровичу смелостью и прямотой профессионального революционера, выдающегося ученого-руководителя.

«Заключение Брестского мира, при котором Россия признала себя побежденной накануне победы, я не ставлю ни в плюс, ни в минус современному правительству или пацифизму».

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 2311. Л. 1.

² Там же. Л. 1 об.

³ Там же. Л. 5.

⁴ Там же.

стам всевозможных оттенков, к одному из которых принадлежу и сам»¹.

Хотя Морозову кошмар мировой войны был известен не понаслышке, он все же принадлежал к числу тех, кто полагал необходимым довести ее до победного конца. Но так он считал когда-то раньше, а вспоминать об этом в письме было бы ни к чему. Тем более, что вопрос о войне был уже решен и относился к прошлому, а сейчас уместнее аккуратно коснуться настоящего. К примеру, Морозов некоторые действия «современного правительства» считает «губительными главным образом для него же самого», но и их Николай Александрович рассматривает «как человек науки, а не как прокурор или адвокат»².

Короче, Николай Александрович очень убедительно сумел подвести Ленина к той мысли, что Морозову «как директору, которому члены этого учреждения верили его судьбу, нельзя равнодушно отнестись к лишению его самостоятельности»³, а поэтому он закончил свое послание глубоко личной просьбой: «Очень прошу Вас уладить как-нибудь все это. Сердечно Ваш. *Николай Морозов*»⁴. Тот факт, что Владимир Ильич этого письма не читал, потому что Морозов его не отправил (с решением проблемы удалось справиться А.В. Луначарскому без вмешательства вождя), ничего в его смысле и содержании не меняет.

Бывший шлиссельбуржец не только сохранил официальный научный и административный статус, но и получил возможность продолжить начатую им череду гениальных открытий.

* * *

Если верить Николаю Александровичу, то свой знаменитый семитомный труд «История человеческой культуры в естественно-научном освещении», получивший по предложению издательства название «Христос» (Кн. 1–7. Л.: Государственное издательство, 1924–1932), он написал благодаря настойчивым просьбам двух выдающихся советских деятелей. В 1931 г. Морозов вспоминал об этом так: «В 1907 г. вышла в свет моя книга “Откровение в грозе и буре, история Апокалипсиса”. <...> Мою книгу сильно читали товарищи, сидевшие тогда в тюрьмах и ссылке,

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 2311. Л. 6.

² Там же. Л. 7.

³ Там же. Л. 7 об.

⁴ Там же. Л. 8 об.

и очень увлекались ею, в том числе и Ленин и Дзержинский. То же почти было и потом, когда вышла моя книга “Пророки”, где я доказывал такими же астрономическими вычислениями (по указываемым там часто положениям планет на небе), что библейские пророки написаны уже позднее Апокалипсиса. Когда произошла революция, ряд товарищей, в том числе и Ленин и Дзержинский, настаивали на том, что я непременно должен закончить эту свою работу, приложив свои методы и ко всем областям древней истории. В 1921 году все основные мои выводы были закончены, и я сообщил об этом Владимиру Ильичу...»¹

О том, что произошло дальше, мы можем судить не только по воспоминаниям Морозова.

А.В. Луначарский получил это письмо от 11 апреля 1921 г.:

«Сообщаю Вам выписку из письма шлиссельбуржца Николая Морозова к т. Ленину:

“Я очень просил бы Вас посодействовать мне скорейшим напечатанием в Петербургском книгоиздательстве книги “Христос”, о которой я Вам уже писал. Нужно только несколько Ваших слов, тогда я буду чувствовать себя совсем свободным для новых дел. С сердечным приветом *Николай Морозов*”.

Первое письмо Морозова не нашлось. По наведенным справкам выясняется, но не с полной еще достоверностью, что книга “Христос” написана Морозовым в Шлиссельбурге и представляет собой научное исследование, которое разрушает миф о Христе как о божестве.

Владимир Ильич просит Вас поручить ответственной редакционной коллегии выяснить, что это за книга и следует ли ее печатать, и если окажется положительный результат, то пойти всячески навстречу Морозову.

Управдел СНК *Н. Горбунов*».

Ответ Ленину был готов 13 апреля 1921 г.: «Мною получен за подписью тов. Горбунова Ваш запрос относительно книги Морозова “Христос”. Я с удовольствием поручу ответственной редакционной коллегии узнать, что это за книга.

Лично я с книгой знаком. Это совершенно сумасбродная вещь, доказывающая на основании нелепой выкладки, к какому числу могут быть отнесены затмения Солнца и Луны, указанные

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 1. Д. 494. Морозов Н.А. Возникновение работы «Христос». Л. 1.

в Евангелии, как сопровождавшие распятие Христа, произошедшее, по Евангелию, в пятницу, что Христос жил не в первом веке, а в V, отрицающая на этом основании в качестве мифов таких лиц, как Цезаря, который почему-то оказывается Юлианом Отступником, как Августа и т.д. как относящихся на самом деле к Средним векам, и т.д. и т.п.

Я очень люблю и уважаю Морозова, но книга эта до того курьезная, что издание ее несомненно принесет известный ущерб имени автора и Гос[ударственному] издат[ельству].

Если серьезная наука с большим сомнением отнеслась к выкладке Морозова относительно Апокалипсиса, то книга "Христос" является уж окончательным абсурдом на почве той же научной односторонности.

Если этот мой отзыв не кажется Вам достаточно компетентным, то я с удовольствием передам книгу на рассмотрение специалистам.

Нарком А. Луначарский».

Ответ из СНК Луначарскому был написан 23 апреля 1921 г.:

«Владимир Ильич просит Вас представить о книге Морозова "Христос" кроме Вашего отзыва еще одного ученого, хорошо знакомого с трактуемым вопросом (можно и буржуазного). Этих двух отзывов будет достаточно.

Управляющий делами СНК Горбунов»¹.

Представить отзыв «еще одного ученого» Луначарский не мог потому, что текста книги у него не было, и он сообщил Горбунову, что свое мнение об этом ученом труде он высказал после двухчасовой беседы с самим Морозовым, изложившим ему свои основные идеи. Переписка по поискам рукописи закончилась ничем.

Между тем Морозов 11 августа 1921 г. обратился к Ленину еще с одним письмом. В нем он сообщил о своей работе «по приложению астрономии к истории», ниспровергающей «всю древнюю хронологию, особенно теологическую», не забыв подчеркнуть, что, кроме него, по этой теме «в России нет специалистов», и просил помочь «спешности» ее издания.

Помимо этого, вероятно мечтая отблагодарить Ленина за отеческую заботу, Морозов счел необходимым представить вождю

¹ Литературное наследство. Т. 80. В.И. Ленин и А.В. Луначарский: Переписка, доклады, документы. М.: Наука, 1971. С. 269, 271–272, 279.

еще одну свою ошеломительную идею. Это был «проект нового упрощения русской орфографии, в основе которой лежит замена точки более бросающимся в глаза значком вроде звездочки (которая уже и теперь является значком Республики), и соответственно уничтожения заглавных букв, становящихся излишними, что сокращает типографские кассы и пишущие машины вдвое, а собственные имена взамен заглавных букв можно писать с обязательным ударением, что сразу устранило бы неправильное чтение иностранных фамилий и других собственных имен». Будучи в Москве проездом, Морозов просил о встрече «на четверть часа для разговора». Неудивительно, что на конверте письма Ленин написал: «Фотиевой. Ответьте ему письмом, что меня в Москве не было, что я болен. Прочел его письмо и попрошу Луначарского повидаться с ним»¹.

Почему Луначарский переменял свое мнение о труде Морозова на противоположное своему же, я не знаю. Но абсолютно точно не потому, что был поражен доказательностью историко-хронологических построений Морозова. В жизни наркома было достаточно случаев, когда он «забывал» то, о чем говорил. Так, после предложения Луначарского В.Г. Короленко сотрудничать с советской властью Владимир Галактионович объяснил, что может работать как писатель, а журнал, где он печатался, закрыт. Тогда Луначарский предложил написать ему откровенные письма о современности, с обещанием напечатать их в «Известиях», со своими дополнениями или ответами. Разумеется, ни одно из шести писем Короленко опубликовано в «Известиях» не было, как не было и ни одного ответа на них Анатолия Васильевича. Луначарский вообще был плохим администратором – как по недостатку опыта, так и по тяготению к собственной литературной работе. Написал он немало, но его стихи и пьесы бездарны и смогли увидеть свет лишь благодаря высокой должности автора. Так или иначе, но Анатолию Васильевичу пришлось выполнять просьбу Морозова.

Двенадцатого августа Луначарский написал в Госиздат письмо с копией Ленину:

«Хотя я и не смог ознакомиться с самой рукописью большого труда тов. Морозова “Христос и его время”, но после устного доклада автора о ее содержании с демонстрацией некоторых таблиц нахожу *чрезвычайно желательным и даже необходимым* всемерно ускорить выпуск этой книги в свет.

¹ Литературное наследство. Т. 80. С. 280–281.

Так как труд велик (3 тома, 50 листов в общем) и мы все еще не вышли из острого бумажного кризиса, предложил бы Петербургскому отделению Госиздата, во избежание задержки выхода в свет этой книги, лучше сократить количество экземпляров, хотя бы в количестве 4000.

*Нарком по просвещению Луначарский
Секретарь Флаксерман».*

Это письмо Луначарского пришло к Ленину вместе с еще одним письмом Морозова:

«Дорогой и глубокоуважаемый Владимир Ильич,
Сейчас тов. Теодорович сообщил мне о своем разговоре с Вами.

Моя книга ни в какой мере не “богоискательская”, а совершенно определенно атеистическая в научном смысле этого слова.

Ее основа – колебание всех ветхозаветных и новозаветных религиозных сообщений, основанное на определении времени этих событий астрономическим способом, причем оказывается полное несогласие хронологии и естественное объяснение всякой мистики.

Прилагаю отзыв Луначарского.

Ввиду мистических настроений современного момента, мне кажется исключительно своевременным выпуск моей книги, и потому надеюсь, что Вы укажете Госиздату на необходимость самого спешного печатания моей работы.

С сердечным пожеланием полного успеха в Вашей тяжелой государственной работе.

*Ваш Николай Морозов
Москва, 18 авг. 1921 г.».*

На обороте отзыва Луначарского, приложенного к этому письму, была сделана надпись Ленина секретарю Фотиевой:

«19/VIII

Лидия Александровна!

Это не то. Я просил найти *старый* другой отзыв.

Найдите и пришлите это еще раз вместе со старым отзывом (Покровского? Не помню, чей был этот отзыв)»¹.

«Старый отзыв», имя автора которого запомнил Владимир Ильич, принадлежал А.В. Луначарскому. Сравнивал ли Ленин

¹ Литературное наследство. Т. 80. С. 308–310.

«старый» и «новый» отзывы наркома, я не знаю. Но никаких иных распоряжений по поводу монументального труда Морозова «Христос» вождь так и не сделал. Впрочем, это не помешало Ленину, по утверждению Николая Александровича в 1931 г., не только «настаивать» на том, что Морозов «неприменно должен закончить эту свою работу, приложив свои методы и ко всем областям древней истории», но еще и «оказать содействие» в напечатании этого труда. Да и имение Борок, как помнят читатели, было передано Морозову «по предложению Владимира Ильича»...

В реальности в 1921 г. рукопись Морозова лежала в Госиздате, и там не знали, каким образом от нее избавиться. О происходящем Николай Александрович писал жене: «...вместо печатанья моего Христа решено принять ее к печатанью, выдать мне авансом за нее 3 миллиона рублей, но печатанье отложить на неопределенное время»¹.

Это предложение через несколько лет забавным образом отразилось в письме известного шлиссельбургского узника Михаила Федоровича Фроленко к революционерке, мемуаристке и одной из создательниц литературного музея В.Г. Короленко – Прасковье Семеновне Ивановской от 5 января 1926 г.: «Что же касается Морозова, то тут дело пропащее. Он такого высокого мнения о себе и своих изысканиях, что и соваться к нему не стоит. К тому же он почему-то и сильно гоняется за материальными выгодами. Я, напр[имер], слышал, знаю, что Ленин, когда ему Морозка показал свои писания, дал ему очень крупную сумму денег. Лишь бы он не печатал ее – тем не менее, Мороз теперь напечатал, спекулируя на ходячий товар. Что все это хлам и белиберда, которую скоро все забудут»².

Однако мир не без добрых людей. После просьбы Морозова, обращенной к Ф.Э. Дзержинскому, он получил от него деловой ответ от 14 августа 1924 г.: «Я готов оказать всяческое содействие по вопросу о напечатании Вашей работы – напишите мне только, что именно я должен сделать, какие трудности устранить и с кем по этому вопросу переговорить»³. Вероятно, Феликс Эдмундович получил исчерпывающие инструкции, и с 1924 г. толстые тома морозовского труда стали почти ежегодно выходить к восторгу дилетантов, но подвергались хотя и редкой, но уничтожающей критике ученых.

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 6. Д. 351. Л. 33-33 об.

² РГАЛИ. Ф. 234. Оп. 5. Ед. хр. 267. Л. 7.

³ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 546. Л. 1 об.

Морозову не было нужды тратить время на суетную ученую полемику. Достаточно было при случае напомнить, что его труд появился на свет не случайно. Так, в 1931 г. он сообщал в президиум Федерации Объединений Советских Писателей (ФОСП): «Дорогие товарищи, в настоящее время у меня огромная работа: заканчиваю книгу “Христос” завещанную еще Владимиром Ильичем и начатую печатанием при содействии Ф.Э. Дзержинского»¹.

* * *

Вице-президент Академии наук, математик Владимир Андреевич Стеклов заявил на одном из заседаний, что «науки делятся на естественные и противоестественные», на что получил в ответ от академика-историка Сергея Федоровича Платонова: «Нет, милостивый государь, на общественные и антиобщественные». Эта пикировка мнений, происходившая в 20-е годы XX века, на самом деле была совсем не нова.

В 1893 г. знаменитый историк Василий Осипович Ключевский не без ядовитости записал в дневнике свое возражение на известное высказывание: «История, говорят не учившиеся истории, а только философствующие о ней и потому ею пренебрегающие – Гегель, никого ничему не научила. Если это даже и правда, истории несколько не касается как науки: не цветы виноваты в том, что слепой их не видит. Но это и неправда: история учит даже тех, кто у нее не учится; она их проучивает за невежество и пренебрежение»².

Сам факт пренебрежения гуманитарной наукой свидетельствует прежде всего о том, что пренебрегающий судит о ней весьма поверхностно, как дилетант, с чисто ученической точки зрения.

Вот характерный пример этого:

«Кроме того, вся древняя и средневековая история казалась мне совсем неубедительной.

В естествознании, думал я, читая их, ты сам можешь проверить все, что угодно, в случае сомнения. Там благодаря этому истинное знание, а здесь больше вера, чем знание.

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 2431. Л. 3.

² Ключевский В.О. Дневники и дневниковые записи // Соч.: В 9 т. М.: Мысль, 1990. Т. 9. Материалы разных лет. С. 307.

Я должен верить тому, что говорит первоисточник, большей частью какой-нибудь очень ограниченный и односторонний автор, имеющийся лишь в рукописях эпохи Возрождения или исключительно в изданиях нашей печатной эры и проверяемый по таким же сомнительным авторам. А кто поручится, что этот первоисточник и его подтверждения написаны не перед самым печатанием? Тысячи имен различных монархов, полководцев и епископов приводятся в истории без всяких характеристик, а что такое собственное имя без характеристики, как не пустой звук? Разве два Ивана всегда больше похожи друг на друга, чем на двух Петров? Да и все вообще характеристики разве не всегда характеризуют больше характеризующего, чем характеризуемого? Разве мизантроп не даст совершенно другого изображения тех же самых лиц, чем добродушный человек? А ведь историк не машина, а тоже человек, да еще вдобавок никогда не знавший лично характеризуемых им лиц! Чего же стоят его характеристики!

Месяца четыре продолжался у меня период сплошных исторических занятий, но если читатель примет во внимание, что я читал часов по двенадцать в сутки, да и остальное время ни о чем другом не думал, то он не удивится, когда я скажу, что приравниваю это время не менее как к двум годам обычных занятий на свободе, когда человек постоянно отвлекается от своих главных работ и размышлений окружающими людьми или своей посторонней деятельностью.

Всего Шлоссера я прочел от доски до доски, кажется, дней в десять и затем прочел более внимательно второй раз. На чтение всего Соловьева пошло, кажется, две недели, и он был тоже повторен вновь. Так я читал и каждую другую книгу. Первый раз для общего ознакомления, второй раз для отметки деталей. Начав один предмет, как в данном случае историю, я уже не уклонялся от него ни в какой другой, пока не чувствовал, что осилил все. <...>

Итак, сухая политическая история мало удовлетворила меня сначала в моем заточении, не показав мне никаких общих законов, и я сам стал отыскивать их»¹.

Морозов совершенно серьезно полагал, что после того, как он прочел два раза 18 томов «Всемирной истории» немецкого ученого Фридриха Кристофа Шлоссера и 29 томов «Истории России

¹ Морозов Н.А. Повести моей жизни: Мемуары. Т. 2. М.: Наука, 1965. С. 102-103.

с древнейших времен» Сергея Михайловича Соловьева, он стал профессионалом, заметившим и убедительно доказавшим необоснованность исторической науки и ее мифический характер. Более того, он почувствовал себя способным самостоятельно отыскать ее «общие законы».

Василий Осипович Ключевский со знанием дела написал: «Ученики – больше рассуждают, чем понимают, и больше толкуют, чем могут растолковать. В выносимых ими впечатлениях (из уроков истории) больше самоуверенности, чем самосознания. Из этого и складывается мираж *исторического понимания*»¹.

Серьезное образование, в отличие от случайного чтения, дает системность мышления. Если бы Морозов это образование получил, то он мог бы знать, что его сетования на предполагаемую им недостоверность прочитанных историй, в которые можно только «верить», означает, что должен существовать какой-то критерий, позволяющий судить об истинности или ложности дошедших до нас сведений. Этот критерий еще в XVII–XVIII вв. позволил историкам разработать свои профессиональные критические принципы: нельзя верить авторитету, если собственный опыт свидетельствует, что это невозможно. Верить источнику можно только тогда, когда он не противоречит другому, независимому от него свидетельству. Письменные документы необходимо проверять неписьменными (вот когда надписи на могильных памятниках и монетах, старинные документы и оружие, остатки скульптур и многое другое стали ценнейшим дополнением к сочинениям древних авторов и приобрели коллекционную ценность). Само греческое слово «история» значит «исследование». Оказалось, что исследование – реконструкция любого исторического события – основана не на памяти (зачем исследовать то, что помнишь?) и поэтому не зависит от непрерывной традиции. Возможности узнать о том, что происходило тысячелетия назад, постоянно увеличиваются. Не стоит думать, что древние люди знали о своей жизни больше, чем историки, эту жизнь изучающие. Вот почему можно не только критически оценить полученную историческую информацию, но и открыть то, что раньше вообще никому не было известно.

Но образования Морозов не получил. Сетую на невозможность в истории, как в естествознании, поставить эксперимент, он представлял историю точно такой же наукой, как химия или

¹ Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. М.: Мысль, 1990. Т. 9. Афоризмы и мысли об истории. С. 424.

ботаника. Поэтому методика изучения истории, как он ее понимал, должна была включать в себя, *во-первых*, установление фактов, причем с помощью какой-нибудь точной науки, вроде астрономии, и, *во-вторых*, их обобщение с целью разработки законов.

Разумеется, Морозов был далеко не единственным, чей подход к историческим фактам был точно таким же, с каким рассматривают факты, полученные опытным путем, в естественных науках. С помощью комбинаций из установленных «фактов» не так трудно сложить очередную историческую формулу, которую при желании можно назвать историческим законом.

Так, теоретик славянофильства Алексей Степанович Хомяков предсказывал либеральный курс Александра II по вычисленной им же формуле: «В России хорошие и дурные правители чередуются через одного: Петр III плохой, Екатерина II хорошая, Павел I плохой, Александр I хороший, Николай I плохой, этот будет хорошим!»¹ Но суть в том, что «факт» в истории принципиально отличается от факта, полученного путем опыта. Дело не только в том, что факт истории не дается нам в чувственном восприятии. Даже в том случае, когда мы можем свидетельство из прошлого подержать в руках, вовсе не обязательно, что оно окажется тем, что мы о нем думаем, т.е. историческим фактом.

Археологи в Новгороде, Киеве, Пскове, Смоленске и во многих иных местах не раз находили стержни, сделанные из дерева, металла или кости с острием на одном конце и лопаточкой на другом. Как только не называли их в музейных описях: булава, инструмент для обработки кожи, ложечка для причастия, обломок браслета. И только летом 1951 г., после находки в Новгороде первых берестяных грамот, стало понятно, что найденные стержни не что иное, как «писала», которыми делались прорези на бересте.

«Факт» в истории существует только после логического вывода, сделанного на основании интерпретации, т.е. объяснения имеющихся данных. Мы утверждаем, что А. написал Б. письмо, хотя это письмо до нас не дошло. Но наш вывод верен, потому что существует ответ Б. на письмо А. Когда естествоиспытатель ставит эксперимент, позволяющий ему установить «факт», историк вынужден задаваться вопросом: как познать факт, о котором никто не помнит и который нельзя воспроизвести с помощью органов чувств? Или по-другому: исторический факт нужно вырабатывать в процессе поиска ответа на поставленный вопрос, потому

¹ Эйдельман Н. «Революция сверху» в России. М.: Книга, 1989. С. 114.

что в готовом виде его не существует. В том и заключается ремесло историка: отыскать в источнике необходимую информацию, суметь заставить источник раскрыть то, чего на первый взгляд в нем не содержится. Лучший способ понять работу историка – это сравнить ее с деятельностью детектива. Как предлагал знаменитый сыщик Шерлок Холмс своему другу доктору Ватсону: «Обследуйте палку и попробуйте воссоздать по ней ее владельца, а я вас послушаю».

Только история способна раскрыть логику жизненного калейдоскопа. И главным вопросом при ее изучении является не вопрос, истинно ли какое-то свидетельство или ложно, а *что* это свидетельство означает. Только так возможно отыскать то, что было всеми забыто, или то, чего вообще никто не знал. Но Николай Александрович решил наконец-то внести в эту древнюю и сложную дисциплину естественно-научную ясность.

Ученый-энциклопедист Н.А. Морозов с 1924 по 1932 г. опубликовал семь томов под общим названием «Христос», где на 5819 страницах совершил ошеломляющие исторические открытия.

Оказывается, вся история Афин, Спарты, Рима, Иудеи и других древних стран всего лишь миф – грандиозная мистификация, совершенная в Средневековье и в эпоху Возрождения. От греческих и римских классиков не осталось рукописей (так, во всяком случае, безапелляционно утверждал Морозов, несмотря на множество подлинников, сохранившихся в Лувре, Британском музее, Эрмитаже, библиотеках Ватикана, Венеции, Флоренции и иных хранилищах), а есть только печатные издания, созданные в иную эпоху. Гуманисты эпохи Возрождения изготовили так называемые античные памятники, и на основании этих искусных подделок появилась та недостоверная история и мифическая хронология, которую печатают в своих книгах и преподносят учащимся профессиональные историки. Никогда не существовало таких государственных деятелей и полководцев, как Гней Помпей и Юлий Цезарь, римских императоров Тиберия и Октавиана Августа, не было персидского царя Дария и создателя мировой державы Александра Македонского, оратора Демосфена и философа Платона...

Замечательный историк-востоковед, специалист по семитским языкам и клинописи, знаток библейских текстов и истории церкви, профессор Белорусского государственного университета Николай Михайлович Никольский (если читатель не забыл, он еще в 1908 г. высмеял филологические познания автора «Открове-

ния в грозе и буре») высказал свое мнение о труде Н.А. Морозова: «Отсюда, — вся всемирная история принимает совершенно новый и, с точки зрения Морозова, “закономерный и последовательный” вид. Отпадает странное деление на время до Р.Х. и после Р.Х.; есть только одна эра, которую мы называем христианской, а Морозов — александрийской (от основания Александрии, имевшего место, по хронологии Морозова, в I веке нашей эры). Нет пестроты народов, языков, царств и культур; все едино; все начинается в I веке (как всякий математический ряд с единицы?), происходит в одном месте и развивается единым процессом. На все эпохи доисторической культуры кладется по веку: I век — каменный век, II век — бронзовый век, III век — железный век <...>. IV век — первый расцвет письменности, “столбование Иисуса-Василия”, появление Откровения, начало христианства и т.д. С V века историки несколько успокаиваются — начинают мелькать факты, к которым привыкла историческая наука; но и тут есть большие исправления; V век — начало библейской пророческой литературы; Прокопий Кесарийский — вероятный автор библейской книги “Цари”... В XIV веке возникновение так называемой классической поэзии, философии и драмы и также “древней истории” и “древней науки”. В XX веке (есть и XXI век...) мы читаем торжество марксизма и падение средневековой теологии; из скромности Морозов умолчал о перевороте в исторической науке вследствие торжества астрономического метода...»¹ В своей рецензии на первую книгу этого труда, после подробного разбора его многочисленных ошибок, натяжек и сознательных искажений фактов, профессиональный историк подвел итог: «К сожалению “чудесные” открытия самого Морозова при помощи астрономического и других методов существуют также лишь в его фантазии и для серьезного историка интереса не представляют»².

Но Морозов, как всегда, ощущает себя непогрешимым: «Мое всегдашнее правило было: не отвечать на полемические статьи против моих научных выводов, если в этих статьях нет указаний на такие недочеты в моих работах, с которыми я мог бы согласиться и взять назад тот или иной вывод, чтобы не вводить в заблуждение своих читателей. Отвечать на все, что пишется обо мне, по моему мнению, значило бы разменять свое время на мелочи и в результате не сделать ничего серьезного

¹ Никольский Н.М. Астрономический переворот в исторической науке. По поводу книги Н.А. Морозова «Христос», Ленинград, 1924 // Новый мир. 1925. № 1. С. 159.

² Там же. С. 175.

в науке». В объяснениях он использует, как ему представляется, бесспорные доводы:

«Причины этого несогласия лучших исследователей Библии с приводимыми Н.М. Никольским датами я поясню (для обычного читателя) таким наглядным примером.

Существует анекдот, что одна дама, Вера Ивановна, сказала раз другой, Марье Петровне:

– Вашего сына только что призвали на военную службу. Значит, ему 20 лет, а вы его могли родить не ранее 18-летнего возраста. Значит, вам теперь не менее 38 лет, а как же вы говорите, что вам только 28 лет?

– Мне и есть 28 лет, – отвечала Марья Петровна, – если вы будете считать, как я, точным прямым счетом. А когда вы начинаете употреблять какие-то косвенные способы со сложениями и вычитаниями, то, конечно, можете доказать, что мне и 200 лет.

И вот, представьте себе: то же самое случилось и с библейской хронологией...»

Уверенный, что наголову разгромил противника, Морозов убежден: «Н.М. Никольский напрасно иронизирует, говоря, что я только из скромности не ввел в лестницу человеческой культуры и своего “астрономического переворота в исторической науке”. Этот переворот, несомненно, произойдет и без меня, и не по вине одной астрономии, а и всего естествознания. Падение клерикализма в XX веке неизбежно приведет и к падению созданной им ортодоксальной древней истории. Новая история останется, конечно, как была, а средневековая сильно обогатится за счет обломков псевдодревней и осветится ими, как нечто закономерное, возможное для теоретической обработки»¹.

Отчетливо осознавая, что опровергать Морозова – значит пытаться вычерпать наперстком море, еще один настоящий ученый, Абрам Борисович Ранович, все же не смог удержаться, чтобы не показать анекдотическую суть его «открытий»:

«Совершенно игнорируя грандиозную по своим размерам и скрупулезной тщательности работу по изучению античности, проделанную в течение двух тысяч лет историками, филологами, археологами и социологами, руководствуясь

¹ Морозов Н. Астрономический переворот в исторической науке (По поводу статьи проф. Н.М. Никольского) // Новый мир. 1925. № 4. С. 133, 134, 142-143.

лишь своей фантазией, Н.А. Морозов пытается ниспровергнуть все обычные наши представления о ходе исторического процесса и о смене общественных формаций.

Совершенно естественно, что, развивая свою теорию об античности, Н.А. Морозов отвергает все авторитеты... <...> Вместо этого Н.А. Морозов в IV томе своей книги устанавливает правило, что знать можно только то, что видишь собственными глазами, что можно проверить грубо эмпирическим путем. Вот пример такой “эмпирической” проверки исторического обстоятельства.

“В описании боев древняя история заставляла скакать по полям царей и полководцев на паре лошадей в одноколках с дышлом, которые на первом крутом повороте... непременно перевернулись бы вверх колесами, как это случилось раз со мной, когда я, будучи в гостях у моего хорошего знакомого В.Ф. Мейендорфа, круто повернул рысью в экипаже подобного типа, и притом даже по шоссеиной дороге. Лежа на земле с ним рядом с полувывихнутой ногой и с растяжением сухожилия в колене, я невольно прежде всего спросил: ‘А как же древние полководцы скакали взад и вперед в таких же экипажах на неровных полях сражений?’... И вот я говорю всякому, который будет защищать от моих нападок достоверность ‘древних боевых колесниц’: попробуйте-ка сами сделать на такой упряжке несколько поворотов по полю, и, сломав себе кости, вы перестанете возражать мне!”

Такого рода аргументация настолько наивна, что автор, очевидно, и сам это чувствует и пользуется этим аргументом редко. Но и остальные его методы доказательства не лучше.

Основное положение, которое Н.А. Морозов пытается доказать, сводится к тому, что вся древняя история – сплошной вымысел, что вся древняя литература сфабрикована несколькими ловкими аферистами в эпоху Возрождения, что все археологические памятники – жупнические подделки, что Рим, Афины, Иерусалим, Карфаген, Вавилон и т.д. никогда не существовали в древности, что римляне – сказка, что греки – славяне, что история фактически начинается примерно с единственного признаваемого Н.А. Морозовым исторического лица – Иисуса, «столбованного», правда, не в 33, а в 368 г. Доказывает он эту свою теорию двумя основными аргументами – фантастическим толкованием собственных имен и оригинальными астрономическими манипуляциями.

Возьмем несколько образчиков. Н.А. Морозов *мимоходом* заявляет (хотите верьте, хотите нет), что латинский язык произошел от итальянского. Почему от итальянского, а не от румынского, французского или древнееврейского? Последнее было бы далее лучше всего, ибо это вполне согласуется с библейской теорией, по которой бог заговорил с Адамом на древнееврейском языке. И действительно, имена римских царей Н.А. Морозов выводит, где это ему удобно, из несуществовавшего, по его мнению, латинского языка, а иные из древнееврейского. При этом он совершенно не стесняется – ни грамматика, ни литература, ни история языка его не интересуют. У Морозова Нума Помпилий означает Нума – “Утешитель” (по-евр.), Помпилий – “Трубный” (по-лат.), Анк Марций – “Мартовский” (по-лат.), “Освященный” (по-евр.) и т.д. Правда, ни один человек, мало-мальски знакомый с еврейским языком, не поймет, на каком основании он установил связь между Ancus и еврейским словом *chanak* или почему Сервий Туллий означает по-еврейски “Пламень высоты господней”. Но автору так нравится, и, следовательно, это должно, по его мнению, читателя убедить.

Установив таким путем, что имена семи римских царей – еврейского происхождения, Н.А. Морозов делает отсюда вывод, что “древнеримское государство было государством египетским и что официальным языком его был еврейский”. Как все просто и хорошо!

Самым сокрушительным аргументом у Н.А. Морозова является перевод имен на русский язык. Вы думаете, что Цицерон был римским консулом и писателем. Но ведь “цицеро” значит по латыни (на какой латыни? ведь такого языка, по Н.А. Морозову, не было) “горох”. Ясно, что Цицерон – миф. Вы думаете, что “Тит Ливий” – это имя и фамилия. Оказывается, нет. Тит Ливий, по толкованию Н.А. Морозова, означает “почтенный ливиец”; ясно, что он раньше XV в. не мог жить. И т.д. Убедительно, просто и логично. Общий вывод: все лица, имена которых Н.А. Морозов может перевести на русский язык, мифичны. Если у вас есть знакомый Андрей Фортунатов, забудьте о нем, он – миф, ибо его имя означает “храбрый счастливец”. <...> Обратимся к его основной аргументации, где автор стоит как будто на твердой почве несокрушимой науки – астрономии.

Возможно, что астрономические таблицы, занимающие в книгах Н.А. Морозова сотни страниц, представляют

некоторый интерес для специалиста-астронома, но способ их использования Н.А. Морозовым противоречит элементарным требованиям научной добросовестности.

Основной прием Н.А. Морозова заключается в следующем. Допустим, “старожил” рассказывает, что во время русско-турецкой войны он наблюдал в Пошехонье солнечное затмение. По справкам оказывается, однако, что в то время в Пошехонье солнечное затмение не наблюдалось, но такое затмение было в 1910 г. Какой отсюда вывод с точки зрения здравого смысла?

Очевидно, что “старожил” наврал или напутал. А с точки зрения Н.А. Морозова вывод будет ошеломляющий: *русско-турецкая война происходила не в 1877–1878 гг., а 1910 г.* Напрасно станете утверждать, что это не соответствует действительности, что в 1910 г. никакой войны не было; Н.А. Морозов с презрением заметит вам, что астрономия не ошибается, что раз описанное старожилом затмение происходило в 1910 г, то, следовательно, в том же 1910 году происходила и русско-турецкая война»¹.

Историк античности, профессор МГУ, главный редактор журнала «Вестник древней истории» Александр Васильевич Мишулин взял к своей статье эпиграф из «Похвалы глупости» Эразма Роттердамского: «Ближайшую категорию помешанных представляют те, что погружены в поисках пятой стихии и каких-то там новых и таинственных знаний, при помощи которых они замышляют ни более ни менее, как перевернуть вверх дном весь существующий порядок вещей. В сладкой надежде на свои великие открытия они не щадят ни трудов, ни средств». Разобрав многочисленные нелепости вышедших томов «Христа», Мишулин отметил: «Таким образом, в результате такой методологии получается, что не история творит хорошую или плохую астрономию, а всегда хорошая астрономия – ту или иную историю. Неудивительно поэтому, что разобранный выше априорный план исторического развития скорее осуществляется астрономией, нежели людьми. Причем всякое встречающееся противоречие между людьми и астрономией разрешается не в пользу людей. Это выражается в целом ряде сногшибательных положений»².

¹ Ранович А. Методология Н.А. Морозова в истории античности // Антирелигиозник. 1933. № 1. С. 28, 29.

² Мишулин М. История с астрономией, или Астрономия против истории (Н.А. Морозов. Христос) // Революция и культура. 1930. № 23. С. 69, 78.

Читатели, которые были не в состоянии разобраться в псевдонаучных построениях Морозова, все же чувствовали что-то неубедительное. В 1926 г. некий А.М. Петров из Ленинграда, о котором мне известно лишь то, что он был автором таких стихов:

А сколько раз, когда мальчишкой был,
Пытался улететь в заоблачную сферу!
Но рок судьбы желания убил
И засосал меня в другую атмосферу,

не мог не высказать Морозову своего недоумения: «Ведь если, благодаря астрономии, Вам удалось с такой точностью определить целый ряд событий, до этого времени относимых к другим столетиям, то, естественно, все события, описываемые историей и археологией, должны принять совершенно иной вид и другие времена. Казалось бы, что вокруг Вашей книги должны разгореться споры, должна возникнуть большая полемика, должны образоваться кружки и приверженцев Вашего открытия и противников его. Почему же этого нет?»¹.

Потому что профессионалам было просто не о чем с Морозовым спорить. Ценность «астрономического метода» в исторических открытиях Николая Александровича уже много лет воспринимается исследователями как курьез:

«Предлагаю разобраться сначала с морозовским анализом сообщения о затмениях до нашей эры. Сразу же обнаружился забавный факт – Морозов не силен в... элементарной арифметике. Я имею в виду часто используемую в древних источниках датировку по Олимпиадам – когда год указывается, например, как “1-й год 94-й Олимпиады”. Известно, что Олимпиады проводились раз в 4 года и первая Олимпиада состоялась в 776 году до н.э. (в -775). Спрашивается: как перевести указанную выше дату в наше летоисчисление?

Очевидно, раз речь идет о 94-м цикле, то полных 4-летних циклов с момента начала счета прошло 93. Значит, идет $93 \cdot 4 + 1 = 373$ -й год с начала счета лет по Олимпиадам. А чтобы перевести этот год в наше летоисчисление, надо учесть, что прошло 372 полных года, и мы получим: $-775 + 372 = -403$ год (или 404 до н.э.). В общем виде, если имеется дата “К-й год М-ой Олимпиады” (или ОI М,К), то идет $((M-1) \cdot 4 + K)$ -й год со времени начала счета, а перевод в наше летоисчисление надо выполнять по формуле $(M-1) \cdot 4 + (K-1) - 775$. Морозов же

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1421. Л. 2.

считает год от начала Олимпиад как $M*4+K$, а переводит год по Олимпиадам в юлианский по формуле $M*4+K-775$, регулярно ошибаясь, таким образом, на 4 года в расчете года по эре Олимпиад и на 5 – при переводе его в год по нашему исчислению. И эта ошибка у Морозова всюду, где событие датировано по Олимпиадам. Как правильно сказал кто-то из математиков: “Если $2*2=5$, то существуют ведьмы”. Оказывается, доказательства новой хронологии в заметной части основываются на “новой арифметике”!¹.

И вывод автора:

«Во-первых, значительная часть древних сообщений о затмениях (если отбросить неопределенные сообщения, литературные произведения и т.п.) вполне подтверждается расчетами и соответствует традиционной хронологии. Во всяком случае, декларируемой Морозовым “легендарности всех затмений до начала нашей эры” при подробном разборе сообщений явно не обнаруживается. Во-вторых, Морозов в своем анализе предстает крайне предвзятым исследователем, идущим на поводу у своей идеи, – отбрасывает вполне пригодные датировки по надуманным причинам или вовсе без причин, предлагает вместо классических дат свои, которые иной раз заметно хуже соответствуют описаниям, непоследователен в своем определении эпох. Наконец, судя по тому, с какой легкостью находится нужное ему затмение, несмотря на ошибки в расчетах, его “методика непредвзятого астрономического датирования” при некотором навыке может дать почти любой желаемый результат.

Замечание под конец. Возможно, кто-то из почитателей Морозова будет обижен моими заметками. Но человека, который вознамерился ниспровергнуть целую науку, написал громадный труд и при этом не способен правильно решать простейшие арифметические задачи, как-то трудно воспринимать слишком всерьез...»²

Иногда его почитатели позволяли себе улыбнуться. Так, один из помощников Морозова, когда-то бывший врачом, а потом трудившийся переводчиком и редактором в немецкой секции Изда-

¹ Красильников Ю.Д. Арифметические и астрономические ошибки новохронолога Н.А.Морозова // Антифиденко: Сб. русского исторического общества. М.: Русская панорама, 2000. № 3 (151). С. 147.

² Там же. С. 153.

тельства литературы на иностранных языках, Александр Иванович Дворецкий написал, разумеется не предпринимая попытки ее опубликовать, пародию на труд Морозова. Этакая добрая усмешка в узком кругу:

«Истинное происхождение “Песни о нибелунгах”

Научное исследование по образу и подобию “Христа”

Жили-были в славном городе Вормсе на Рейне царь Бургундский Гюнтер, его жена царица Брунгильда и его сестра красавица Кримгильда. Молодой витязь Зигфрид полюбил Кримгильду. Для того чтобы получить ее руку и сердце, он должен был убить громадного огнедышащего дракона, наводившего ужас на всю Бургундию. Зигфрид убил это чудовище и женился на Кримгильде и т.д.

Где все это происходило? Во всяком случае, не в Германии и не на Рейне. Ко всей этой истории нужно подойти с этнографической, лингвистической и астрономической точки зрения. Могла ли быть эта история реально в Германии за сотни лет до рождения Христа? Нам известно, что в Германии не водятся змеи, которых можно бы было называть драконами. Там имеются лишь маленькие змейки, мелкота, одна шваль. Зато огромные змеи чудовищной величины живут в Африке: удавы, *boaconstrictor*. Они проглатывают сразу целого барана. Зигфрид убил удава. Из этого с логической необходимостью вытекает, что вышеописанная история происходила в *Африке*. Гюнтер был африканский царь, его жена и сестра – негритянки. На это совершенно ясно указывает название страны, где Гюнтер царствовал: Бур-Гундия; БУР – это страна буров в Южной Африке, где происходила англо-бурская война. Гундия – это уже нечто астральное, а именно тропик Козерога, где в вечерней заре стораец Овен (Зигфрид) у ног Девы (Кримгильды). А Вормс – это совсем не нынешний город на Рейне. Norms по немецкий означает “город удавов” (*Wurm* или *Norn* – змея, червь, пресмыкающееся). Вормс – это город Тимбукту на реке Нигер. Только впоследствии, когда потомки Зигфрида (*Sieg-Fried*: “Мир после победы”, Версальский мир) эмигрировали в Европу и поселились на Рейне, они свой город в память событий в Тимбукту назвали Вормсом: городом удавов.

Вы не согласны с этим логическим, неоспоримым выводом? Значит, вы верите в драконов, в фантастику, вы думаете, что *Sieg-Fried* действительно убил дракона в Германии,

а не удава в Африке? Но это же верх наивности! Ведь драконы никогда не существовали. А откуда автор этой правдивой истории мог взять дракона? Ведь наша фантазия может только комбинировать полученные впечатления, а не выдумать новые, никогда не бывшие раньше. Значит, дело было в Африке.

Естественный испытатель и историк А. Дворецкий»¹.

Но были люди, которые воспринимали Морозова совершенно серьезно и даже пытались как-то объяснить его более чем странные воззрения. Известный писатель вспоминал о беседе с ним:

«— А татарского-то ига не было, — однажды сказал он мне, когда, придя к нему с женой, я еще снимал пальто в передней, и, схватив меня за рукав, потащил в кабинет, чтобы рассказать о своем открытии, опровергающем Ключевского, Соловьева и всех других ученых, занимавшихся историей России.

Профессор С.Я. Лурье, известный эллинист, автор классических исследований Греции (женившись на Л.Н. Тыняновой, я снимал у него комнату), объяснял эту упорную склонность к опровержению исторических документов тем, что годы молодости Морозова совпали с множеством разоблачений якобы подлинных произведений древности, хранившихся главным образом в католических монастырях. Разоблачения были сенсационными, и, по мнению С.Я. Лурье, Морозов был присужден к бессрочному пребыванию в крепости как раз в то время, когда историческая наука переживала этот болезненный кризис»².

Дилетантская суть «историологических» построений Морозова и его сторонников уже не раз объяснялась. Например, так: «Дело в том, что история складывается не только из действий “масс” и “сильных личностей”. В ее структуру входит необозримое число “маленьких” историй: все, к чему прикасается человек, имеет свою историю. Поэтому историкам приходится изучать процессы, много превосходящие по сложности любую математическую фигуру. С этим, кстати, связаны и основные сложности моделирования истории: она практически не поддается формализации. В лучшем случае удастся смоделировать наиболее общие

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 2. Д. 400. Л. 1.

² Каверин В. Литератор: Дневники и письма. М.: Сов. писатель, 1988. С. 164.

и, соответственно, наиболее примитивные процессы. Однако именно благодаря непосредственному воплощению времени во всех делах рук человеческих мало-мальски квалифицированный специалист-историк в подавляющем большинстве случаев с первого взгляда отличает подделку от подлинной вещи или текста. К тому же в исторической науке есть целое направление, специально занятое изучением “маленьких” историй, – так называемые специальные, или вспомогательные, исторические дисциплины»¹.

Если бы Морозов догадывался о такой вспомогательной исторической дисциплине, как палеография, то он до того, как опровергать Ключевского и Соловьева, мог бы узнать: «Материал, на котором писали, – деревянные или свинцовые таблички, папирус, пергамент, тряпичная бумага; материал, которым пишут, – краска, тушь, чернила, перья (они оставляют свой след на бумаге, который можно изучать под микроскопом), способ расположения материала, манера складывать, скатывать, сшивать и переплетать рукописи – все это тщательно изучено с применением всех новейших методов химии и технологии. Но главное, чем оперирует палеография, – это само начертание слов, почерк, манера письма.<...> Конечно, опытный мошенник может подделать и древнюю рукопись и может поддеть какого-нибудь любителя-коллекционера. Но факт существования фальшивомонетчиков не опорачивает доброкачественности монеты государственной чеканки, а именно на таких случаях подделок древних рукописей (подделок, конечно *разоблаченных*) основывается Н.А. Морозов, объявляя поддельными *все* древние рукописи. А ведь те ученые, которые путем кропотливого анализа разоблачили эти подделки, конечно, не думают на этом основании опорачивать всю древнюю литературу»².

Однако Морозову не было необходимости что-то знать или как-то опровергать своих критиков. Дело было не в том, насколько доказательно было то, что он говорил. Всеобщее внимание было обеспечено уже тем, что автором был сам Н.А. Морозов.

Вот яркий пример:

«Когда, начитавшись Морозова, я с апломбом заявил критику Дмитрию Мирскому, что Древнего мира не было, этот

¹ Данилевский И. Синдром народного академика // Знание – сила. 1998. № 4. С. 121.

² Ранович А. Методология Н.А. Морозова... // Антирелигиозник. 1933. № 1. С. 32.

сын князя, изысканно вежливый человек, проживший долгое время в Лондоне, добряк, ударил меня тростью по спине:

— Вы говорите это мне, историку? Вы... вы...

Он побледнел, черная борода его ушла в рот. Все-таки перетянуть человека тростью тяжело физически, главное, морально.

— Да, да, Акрополь построили не греки, а крестоносцы! — кричал я. — Они нашли мрамор и...

Он зашагал от меня, не слушая, со своей бахромой на штанах и в беспорядочно надетой старой лондонской шляпе.

Мы с ним помирились за бутылкой вина и цыпленком, который так мастерски приготавливают в пашлычных, испекая его между двумя раскаленными кирпичами, и он объяснил мне, в чем мое, а значит, и Морозова невежество. Я с ним согласился, что Древний мир был, хотя многие прозрения шлиссельбуржца до сих пор мне светят.

Как бы там ни было, но то, что он создал свою систему отрицания Древнего мира, гениально. Пусть сама система и невежественна, но сам факт ее создания, повторяю, гениален, если учесть то обстоятельство, что Морозов был посажен в крепость на двадцать пять лет, то есть лишен общения с миром, по существу, навсегда.

— Ах, вы меня лишили мира? Хорошо же! Вашего мира не было!»¹

Морозов никогда не упускал случая напомнить, где и как появился очередной том, открытый читателями: «Это исследование, которому я дал общее название “Христос” (понимая такое слово не в одном евангельском смысле, а по его греческому значению “посвященный в тайны оккультных наук”), было задумано мною еще в уединении Алексеевского рavelина и в первые годы заточения в Шлиссельбургской крепости, после того как мне стали давать для чтения книги исключительно религиозного содержания. А написано оно было в разгар общественной бури, когда все кругом как бы рушилось, словно при землетрясении. И оба эти условия работы наложили на него свои неизгладимые следы. Приходилось обдумывать вразброд то ту, то другую деталь и записывать урывками, то здесь, то там, часто в холоде и голоде, с постоянными перерывами и переездами из одного места в другое для совершенно посторонних дел. Казалось иногда,

¹ Олеша Ю. Ни дня без строчки: Из записных книжек. М.: Сов. Россия, 1965. С. 174.

как будто летишь на аэроплане, который все время неожиданно делает мертвые петли, а писать успеваешь лишь в те моменты, когда, перевернувшись, снова оказываешься головой вверх»¹.

И все это Морозов создавал, используя новую методологию с помощью астрономии, геофизики, предприняв «психологическую обработку наших первоисточников» и метод историко-астрономической разведки, «обстоятельную лингвистическую интермедию», – ну разве при всем этом могло не родиться гениальное открытие?!

После выхода в свет четвертого тома Морозов напечатал статью «В защиту реализма в исторической науке. Коротенький ответ нападающим на мою книгу «Христос»². И хотя «коротенький ответ» занял целый газетный подвал, читатель, знакомый с историческими трудами Морозова, ничего нового в нем не найдет. Оказывается, что после напечатания четвертого тома «уже достаточно обнаружили как методы, так и сущность» его исследования. Почему же морозовское «осмысление истории человечества» вызывает «недоверие»? Оказывается, что Николаю Александровичу уже приходилось сталкиваться с косностью и инертностью мышления. Он пишет: «Когда-то, тотчас после выхода из Шлиссельбургской крепости, я напечатал в 1907 году мое исследование “Периодические системы строения вещества”. Я дал в нем впервые научно-обоснованную теорию сложности химических атомов...» Морозов просто и понятно объясняет читателям «Правды», почему его открытие не было с восторгом признано. Оказывается, первые критики этой книги, точно так же как и критики «Христа», книгу не читали, а вместо разбора по существу задавали вопрос: как мог автор изучить химию, проведя почти всю жизнь в одиночном заключении? Вот и «Христос» написан без знания этнографии, археологии, фольклористики... На естественно возникающий вопрос по поводу реакции ученых на его необыкновенный труд Морозов дает исчерпывающий ответ: «Но действительно ли не было до сих пор никаких серьезных попыток разобрать мою книгу по существу и без раздражения? Увы! Не было ни одной». Оказывается, что «Откровение в грозе и буре» и «Пророки» лишь пробные камни. Их «истинное значение» можно понять лишь тогда, когда автор выскажется «вполне». Теперь же, по мнению Николая Александровича, «еще преждевременно серьезно критиковать» его более чем сорокалет-

¹ Морозов Н. Христос. Кн. 3. Бог и слово. М.; Л.: Госиздат, 1927. С. III.

² См.: Правда. 1928. 9 мая. С. 6.

ную работу. Разумеется, что вся «современная древняя история» является противоестественной и без научных оснований растянутой во времени. Вот почему Морозов дал следующее блестящее обоснование созданному им «большому зданию»: «Основная канва моей книги заключается в том, что культурная жизнь человечества и даже его отдельных народов не шла то взад, то вперед, как думают теперь историки, от расцвета к упадку и от упадка к расцвету, а двигалась непрерывающимся эволюционным путем, подобно развитию живого организма, хотя бы по временам, как доказывает академик Вернадский, и со “взрывами”. Отрицать такие взрывы, конечно, нельзя. Вспомним хотя бы Великую французскую революцию или наши собственные недавние переживания. Тут надо только твердо помнить, что как ни болезненны бывают такие взрывы, но они всегда приводят общество в своем окончательном результате не на низшую, а на высшую ступень развития».

Тему «собственных недавних переживаний» по поводу свершившейся в России революции Морозов почему-то решил не развивать, и в этом случае его можно понять. Но, чтобы почувствовать ценность «глубокой» мысли Морозова о непреходящем приведении общества на «высшую ступень развития», достаточно вспомнить строящийся при нем социализм в СССР, с его экономикой, судебной и внесудебной практикой, внутренней и внешней политикой, – с чем ученый-энциклопедист не мог не быть очень хорошо знаком.

Свою статью Морозов заканчивает объяснением необходимости печатать Государственным издательством продолжение его замечательного труда, в котором он ищет «только истину».

После статьи Морозова следовало послесловие от редакции: «Помещая статью Николая Морозова, выступающего с необычной и новой трактовкой темы, редакция призывает товарищей, занимающихся данным кругом вопросов, высказать свое мнение».

Профессионалы историки высказывать свое мнение не стали. Их можно понять. Говори не говори, все равно Морозов напишет с железобетонной уверенностью и недрогнувшей рукой: «Не было до сих пор никаких серьезных попыток разобрать мою книгу по существу и без раздражения».

Однако в конце мая 1928 г. Морозов получил письмо-отклик на эту свою статью. И вот ведь незадача: целых две недели оно пролежало в Госиздате, прежде чем его доставили адресату. Оказывается, письмо было написано уже 8 мая 1928 г. о его статье,

напечатанной только 9 мая. Человек, который его написал, без труда читал газету «Правда» еще до выхода ее из печати. И хотя он честно признался: «Я не могу причислить себя к сторонникам Вашей теории, так как не мог по невежеству своему критически отнестись к ней», это было несущественно. Потому что на следующей странице им было сказано: «...удары Ваши бьют по нашим историкам, в том числе и марксистам, большее, чем по богословам. А как раз для марксизма Ваши положения, на мой взгляд, вполне приемлемы и могли бы даже быть полезны в борьбе с буржуазной историософией»¹. И написал это не какой-то там историк, а сам Давид Иосифович Заславский, который уж в чем-чем, а в правильном понимании «марксизма» в каждый текущий момент советской истории разбираться умел.

Для Морозова дорожке любых ученых признаний был отзыв этого влиятельнейшего публициста. В прошлом, с 1900 года, член РСДРП, но в той её части, которая относилась к меньшевикам, а еще член Бунда – Всеобщего еврейского рабочего союза в России, проявил себя задолго до 1917 года, прежде всего, как много печатавшийся яркий, талантливый журналист. В 1917 году он заслужил ненависть Ленина за направленные против него и большевиков статьи в газете «День». В 1919 году он публично признал свою ошибку в оценке большевистской революции и отказался от политической деятельности, но это не помешало ему в 1928 году войти в редколлегия газеты «Правда» и стать звездой советской журналистики. Морозов не успеет узнать, что золотое перо сталинской эпохи, Д.И.Заславский сумеет сохранить свое влияние и при сталинском преемнике Н.С.Хрущеве, что став ведущим сотрудником главной газеты страны, он войдет в историю своими, многократно цитированными публикациями против О.Э. Мандельштама, Д.Д. Шостаковича, Б.Л. Пастернака. Жизнь этого человека была долгой и необыкновенной. Тех, кто заинтересуется ее подробностями, я отсылаю к книге: Е.Б. Ефимов. Сумбур вокруг «Сумбура» и одного «маленького журналиста». М.: Флинта, 2006.

Мне же только хотелось, чтобы читатель понял, почему письмо Заславского привело в такой восторг Николая Александровича, что получив его 25 мая 1928 года, и едва добравшись до письменного стола, он сразу же счел необходимым написать ответ:

«Дорогой Давид Иосифович, часа два назад мне передали в Госиздате Ваше письмо, которое очень обрадовало

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 652. Л. 2, 3.

меня. Вы первый человек, отметивший сразу, что мои положения «вполне приемлемы для марксизма», первый из марксистов, потому что не марксисты отметили это уже давно и не раз, говорили мне вместо возражения: «неужели вы не видите, что льете воду на мельницу большевиков в такое время, когда» и т.д.? Я думаю, что в этом и заключается главная причина неодобрительного отношения к моей книге многих из тех, которые называют себя беспартийными (в отличие от них я всегда пишу о себе в анкетах «народоволец»). А в чем же заключается причина слепости «марксистов»? Неужели для того, чтобы они признали какую либо книгу за марксистскую, необходимо, чтобы вверху ее обложки было напечатано: «пролетарии всех стран соединяйтесь!»? Выходит, как будто да, но для научного исследователя, девизом которого должны быть слова: «ищу истины!», это не всегда удобно, так как призыв «пролетариев к соединению» обозначает уже не научное исследование, а призыв к практическому делу. Исследователь же может быть вполне согласен со всеми основными положениями Маркса, а тактические приемы считать переменимыми, зависящими от условий местности и исторического момента. Он может прямо сказать: мне трудно в них разобраться, к административной деятельности у меня нет вкуса, и потому я буду делать то, что понимаю ясно, а потому не вижу никакой нужды наклеивать на себя какой либо ярлык, и сообразно с этим, бросив науку, пуститься в практическую политику, высказываться за оппозицию, или против оппозиции, отправляться в Соловки, или поступать в коллегию ГПУ.

Конечно, и человека науки, как я, не могут не волновать и не тревожить переживаемые его страной (и особенно товарищами, когда-то делившими с ним радость и горе) опасности и затруднения, но тем более будет он отдавать все свои силы тому, что, по его мнению, наиболее способствует закреплению уже достигнутого. А это всего удобнее делать, не наклеив на себя какого либо ярлыка, обязующего часто действовать и рассуждать не по своему собственному разумению, а по требованиям партийной дисциплины.

Так не наклеил я никакого ярлыка и на свою книгу «Христос», кроме ярлыка свободной мысли, думая, что внимательный читатель сам разберется, какие результаты вытекают из нее для той или иной политической партии.

А выводы эти такие: в основе всего лежат условия местности с ее климатом и почвою, и, вслед за ними, развитие

материальной культуры; без наличности прибавочных ценностей человеческого труда движение человечества вперед невозможно. Марксизм это, или антимарксизм?

Само собой понятно, что прочитав, как какой-нибудь рьяный марксист, (увидев, что на обложке моей книги не написано “пролетарии и т.д.”) объявляет меня печатно не марксистом, я не могу же, как петух, выскакивающий из коробочки, при нажатии кнопки, закричать “кукареку! Я марксист!”. Это было бы просто комично, но если Вы, прочитав внимательно мою книгу, обличите меня в “Правде”, и докажете, что я *марксист*, то можете быть уверены, что я против этого и не подумаю возражать. Я даже считаю себя *первым* марксистом в России, так как стал таким еще в 1874-1875 году, когда прочитал первый том “Капитала”, когда Плеханов был еще “народником”, и теперь я остался одним из немногих, которые бывали у Маркса в Лондоне, и еще живы. <... >¹.

Так вот оказывается, почему «многие» не принимали «Христа» Морозова. Они были беспартийными, и нелюбовь к большевикам помешала им оценить научную ценность этого, на самом деле марксистского труда. «Научный исследователь» Морозов просто не хочет клеить на себя ярлык («народоволец» в анкетах – не считается), дабы быть свободным от партийной дисциплины. Пускаться «в практическую политику» Морозов не стал не потому, что его не тревожат «переживаемые страной (и особенно товарищами) опасности», а потому, что внимательный читатель сам разберется, для какой политической партии ценен его труд. За «оппозицию» Морозов действительно никогда не высказывался, потому что попасть в Соловки не хотел, но в ГПУ к Дзержинскому за помощью обращался – разумеется, исключительно в интересах науки. Заславскому (первому из марксистов, заметившему марксистскую суть четырех томов «Христа») об этом рассказывать необязательно, но вот посоветовать написать о марксистской сути своих книг в газете «Правда», не забыв о том, что и сам он был первым марксистом России, Морозов считал возможным. Давид Иосифович может быть совершенно спокоен – Морозов возражать не станет.

Удивительный был человек Николай Александрович Морозов. Когда он писал, что дал «впервые научно обоснованную теорию сложности химических атомов», то это все же имело под собой хоть какое-то, пусть и неточное основание. Морозов пер-

¹ РГАЛИ. Ф. 2846. Оп. 1. Ед. хр. 537. Л. 1 - 4.

вый в России попытался теоретически обосновать сложность строения атомов, используя при этом чужие идеи. Да и что мог знать Д.И. Заславский о таких ученых, как Джозеф Норман Локьер или Жан-Батист Дюма? Но оказалось, что и марксистом Николай Александрович, по его словам, стал в России первым. С Марксом в Лондоне Морозов действительно встречался. Но человек, который стал марксистом в 1874–1875 г., «когда прочитал первый том “Капитала”», почему-то в 1879-м вошел в террористическую «Народную волю», став членом ее Исполнительного комитета, а в 1880 г. в том же Лондоне, где встречался с Марксом, издал брошюру «Террористическая борьба». Разве все это не доказывает с беспорностью, что основоположник марксизма в России Георгий Валентинович Плеханов был еще «народником», когда Морозову было уже все окончательно понятно?

Но статью о «первом русском марксисте» Н.А. Морозове Д.О. Заславский так и не написал, что не только прервало их эпистолярные отношения, но и сохранило это историческое открытие лишь в архивной папке.

Склонность Морозова приписывать себе пророческий дар с претензией на первенство, в том числе и в марксизме, была замечена задолго до моего исследования:

«У Морозова взгляды на прошлое и впоследствии были столь же подвержены его поздним воззрениям и настроениям. В относящейся к началу 30-х годов XX в. статье “Над старыми письмами” он сообщает, что в 70-х годах он якобы “первый в тогдашней России оценил огромное поучительное значение “Капитала” Маркса и особенно его теорию трудовой стоимости”¹.

Из этого довольно наивного отрывка хорошо видно, что Морозов не только в 70-е годы, но и 60 лет спустя, видимо, смешивал теорию “трудовой стоимости” (открытую задолго до Маркса) с теорией прибавочной стоимости.

Эта же путаница содержится в известных воспоминаниях Морозова о встрече с Марксом². Заявление Морозова о том, что еще до возникновения “Народной воли” чтение “Капитала” произвело на него “огромное влияние” и что он “вывел из основных положений Маркса дальнейшие последствия”, в

¹ См.: Морозов Н.А. Над старыми письмами. Рукопись из собрания С.Н. Валка. – Прим. С.Б. Михайловой.

² См.: Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1956. – Прим. С.Б. Михайловой.

результате которых появилась “первая программная трещина между ним и Тихомировым”¹, несколько не соответствует тому идейному облику Морозова, который известен по его статьям 70-х годов и мемуарам его товарищей.

Некоторых исследователей вводит в заблуждение приписываемое Морозовым себе участие в переводе “Манифеста Коммунистической партии”. Утверждение, что он отдал книжки Маркса кому-то – Драгоманову, или Павловскому, или Плеханову – и “поручил выбрать и перевести что-нибудь из статей Маркса, а затем попросить у него обещанное предисловие”² Морозов также несообразно преувеличивает свои, а также Драгоманова заслуги в качестве редактора и организатора “Русской социально-революционной библиотеки”, умаляя роль Г.В. Плеханова и других чернопеределцев, имевших решающее в ней значение³, легко опровергается тогдашней перепиской Плеханова с Лавровым»⁴.

Мало ли что могут написать историки, не имеющие понятия об астрономии, спустя десятилетия после смерти энциклопедиста. А вот в 20–30-е годы XX в. чудесное явление ученого-историка Н.А. Морозова органично вписывалось в постоянно меняющуюся новую идеологией советскую эпоху. Вроде бы совсем недавно знаменитый историк-марксист Михаил Николаевич Покровский ниспровергал былых корифеев исторической науки: «Эту ошибку совершают многие товарищи, очень авторитетные. Они говорят: “Это установлено в науке”, приводят ссылки на тот или другой курс Ключевского, Платонова, на работы Чичерина, Соловьева. “Это, – говорят, – факты, такие факты были”. А между тем, дорогие товарищи, это вовсе не факты. Это идеология, т.е. отражение фактов – я не знаю, как сказать, – в вогнутом или выпуклом зеркале с чрезвычайно неправильной поверхностью. Что такое идеология? Это есть отражение действительности в умах людей сквозь призму их интересов, главным образом интересов классовых. <...> И в этом смысле всякое историческое произведение есть, прежде всего, образчик известной идеологии»⁵.

¹ См.: Морозов Н.А. Карл Маркс и «Народная воля» в начале 80-х годов // Каторга и ссылка. 1933 № 3. С. 144–145. – Прим. С.Б. Михайловой.

² См.: там же. С. 147. – Прим. С.Б. Михайловой.

³ См.: там же. С. 143. – Прим. С.Б. Михайловой

⁴ Михайлова С.Б. Воспоминания Н.А. Морозова как исторический источник // Археографический ежегодник за 1965 год. М.: Наука, 1966. С. 120.

⁵ Покровский М.Н. Борьба классов и русская историческая литература: Лекции, читанные в Коммун. ун-те им. тов. Зиновьева. 2-е изд., испр. Л.: Прибой, 1927. С. 10.

А уже в 1936 г. взгляды самого Покровского и его школы стали именовать антиисторическими и антимарксистскими, точно так же, как когда-то он сам третировал историков, не разделявших его марксистских воззрений. Счастье Покровского – в 20-е годы уповавшего на «мировую революцию» и не способного понять, что его жесткие высказывания в адрес Ивана Грозного или Петра I, чьим последователем чувствовал себя Сталин, не могли быть терпимы в новой имперской политике вождя, – заключалось в том, что он успел вовремя умереть. Изъятие его книг из библиотек, репрессии против его сторонников сопровождались характерными высказываниями: «Так называемая “школа Покровского” не случайно оказалась базой для вредительства со стороны врагов народа, разоблаченных органами НКВД, троцкистско-бухаринских наймитов фашизма, вредителей, шпионов и террористов, ловко маскировавшихся при помощи вредных, антиленинских исторических концепций М.Н. Покровского»¹.

В череде советских творцов «передовой науки» великий революционер исторической науки Морозов был полон сил и готовности к новым свершениям. После того как отказались печатать восьмой том его необыкновенного труда, Морозов решил написать Сталину. Черновик его письма замечателен:

«Вспомнив, как лет двенадцать тому назад Владимир Ильич сердечно и сочувственно отнесся (и я думаю, зная Ваше близкое сотрудничество, не без Вашего ведома, а может быть, и содействия) к моему предприятию очистить историческую науку от искажившего ее клерикального влияния, результатом чего вышли семь томов моей книги, я подумал, прежде всего нельзя ли будет (в черновике вычеркнуты слова “заинтересовать”, “сообщить”, и Морозов останавливается на наиболее подходящем слове – “доложить”, – свидетельствовавшем о том, как тонко умел он чувствовать начальство, – А.Ш.) доложить Вам об открытии мною при астрономическом и сравнительно-историческом исследовании русских летописей времени крестовых походов грандиозного клерикального подлога, лежащего в основе всей официальной монархической “Истории государства Российского”.

¹ Папкратова А. Развитие исторических взглядов М.Н. Покровского // Против исторической концепции М.Н. Покровского: Сб. ст. Ч. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1939. С. 5.

Это большое исследование произведено мною как по русским, так и по иностранным первоисточникам в продолжение трех последних лет. Составился большой том, который мне хотелось бы отпечатать в этом году, пока школьные программы по обновляющейся теперь на марксистских основах истории славянских народов еще не закончили разработкою.

Я знаю, как страшно Вы заняты, и более, чем кто-либо, ценю Ваш труд и Ваше время, но на этот раз я очень просил бы Вас уделить и мне с полчаса времени для личного доклада. (И, уже написав прощальные слова на предыдущей странице, Морозов заканчивает недописанным предложением на следующей. – А.Ш.) – Кроме этого исслед[ования] по русской истории у меня готовы еще два тома по всеобщей истории...»¹

Сталин не считал нужным ни встречаться с Морозовым, ни давать команду на продолжение печатания его ошеломляющих научных трудов, что, впрочем, впоследствии не воспрепятствует им увидеть свет и совсем не помешает победоносному восхождению ученого-энциклопедиста на научный Олимп.

1 АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 2390. Л. 4-5 об.

Глава третья ПОЧЕТНЫЙ АКАДЕМИК

СССР был замечателен тем, что его граждане обладали непредсказуемыми возможностями. Жизнь могла быть страшной, но не скучной. При советской власти чувствующий и понимающий ее суть талантливый человек, если он ухитрялся ей соответствовать, добивался успеха.

С одним из таких людей и познакомился Н.А. Морозов. Тридцатидевятилетний Владимир Леонтьевич Блюменау появился в его жизни в декабре 1928 г. Окончивший в 1911 г. юридический факультет Московского университета, Блюменау стал адвокатом, затем, уже после Октябрьского переворота, занимал всевозможные должности, так или иначе связанные с юридической практикой. Уже читавший когда-то «Откровение в грозе и буре» и знакомый с биографией Морозова, Владимир Леонтьевич случайно увидел четыре вышедших тома «Христа» и, придя от них в неопишуемый восторг, написал Морозову восхищенное письмо, где признал его изыскания «гениальными». Собственно, такое письмо в архиве Морозова было далеко не единственным. Не было лучшего способа привлечь к себе внимание Николая Александровича, чем прислать многочисленные похвалы его необычайным трудам. Но первое же письмо Блюменау отличалось от всех прочих деловой активностью и конкретной программой, изложенной по пунктам:

- «1. В первую очередь надлежит признать огромную научную ценность В[аших] исследований и открытий, делающих целый переворот во всем нашем действующем миросозерцании и долженствующих разрушить целый ряд существующих духовных ценностей, и создать их заново.

Быстров А. Дружеский шарж на Н.А.Морозова. Рис. пером. 1930.
(АРАН Ф. 543. Оп. 2. Д. 646).

2. *Нужно немедленное издание всех В[аших] томов "Христа" – V, VI, VII, а может быть, уже и следующих, которые Вы за это время несомненно успели заготовить.*
3. *Нужно немедленно перевести В[ашего] "Христа" на все существующие культурные языки – европейские и азиатские, – дабы они могли подвергнуться всесторонней критике всего культурного и научного мира, а В[аши]ми] исследованиями мог воспользоваться весь мир, ибо ценность они имеют мировую.*
4. *Читать все В[аши] 7 томов и другие книги трудно – ведь это свыше 5000 страниц. Притом они переполнены специальными исследованиями, данными и доказательствами (астрономические вычисления и таблицы, лингвистические квадраты и т.д.). Необходимо немедленно составить небольшую, страниц в 150–200, дешевую, популярную книжку вроде учебника, с изложением выводов В[аших] исследований. В ней следует дать не только часть отрицательную – разрушение существующей хронологии, но и положительную – новую хронологию.*

5. В[аши] “Христос” должен быть немедленно брошен во все библиотеки.
6. Должна быть немедленно открыта специальная кампания в прессе – газетной и журнальной, с изложением В[аших] открытий и их популяризация.
7. Необходимо создание специального Института Вашего имени, который бы занялся проверкой, изучением, популяризацией, пропагандой, созданием нового на месте разрушенного, результатов В[аших] исследований.
8. Несомненно, имеются в Москве, Ленинграде и других городах СССР целый ряд лиц, Вами зажженных, в одиночку переживающих и приспособляющих брошенные Вами идеи. *Этих лиц следует объединить в кружки, семинарии, где бы мог происходить организованный систематический обмен мнений и дальнейшее развитие результатов В[аших] исследований. Должны быть устроены публичные диспуты. Кружкам должны быть даны руководители из числа более подготовленных*.¹

Единственное, что уже существовало из предложенного Блюменау, о чем он пока знать не мог, – это специальный институт. И хотя он носил имя Лесгафта, но его главой был Морозов, а астрономическое отделение института занималось именно тем, чем и рекомендовал Владимир Леонтьевич. И хотя некоторые фразы его письма – вроде «успели заготовить», – относящиеся не к капусте, а к очередным ученым томам, могли заставить поморщиться, но, по существу, В.Л. Блюменау произнес то, что Морозов мечтал услышать. Заканчивая свое письмо и предлагая Морозову свою деятельную помощь, Владимир Леонтьевич подытожил свои предложения точно сформулированным выводом:

«Ведь В[аши] открытия не меньше открытий Дарвина. Они разрушают все существующее мирозерцание. Они появились в СССР. Издание их, их проверка и популяризация, создание для этого всех возможностей должно быть делом национальным, мировым, это обязанность и долг СССР перед Вами»².

Почти юридически точно было зафиксировано: кто, кому, чем, как и почему должен. Так что не было ничего удивительного

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 165. Л. 2–2 об.

² Там же. Л. 2 об.

в том необыкновенном факте, что Николай Александрович Морозов сам пришел в небольшую московскую квартиру 13 в доме № 27 на Большой Бронной улице 25 января 1929 г., где и состоялось личное знакомство двух замечательных людей.

На вопрос, чем замечателен никому не известный юрист, могу ответить: помимо многого другого, что было намечено и создано в перечисленных выше пунктах письма, именно Владимир Леонтьевич Блюменау, не обладавший никакими научными, административными или партийными заслугами, сделал Николая Александровича Морозова академиком.

Пятнадцатого июня 1929 г. Блюменау сообщал Морозову: «В мае в Известиях ЦИК СССР появилось объявление о вакантности 2 кафедр по историческим наукам в Академии Наук. 12.VI.29 г. мною предложена Ваша кандидатура»¹. Предлагая произвести Морозова в академики, Блюменау помнил и о том, что 7 июля 1929 г. Николаю Александровичу должно было исполниться 75 лет. Юбилейная дата прекрасно сочетается с академическим званием.

Десятого августа 1929 г. Морозов ответил: «Сердечно благодарю также и за рекомендацию меня в Академию Наук. Впервые я узнал об этом только недели две назад, когда приехал после почти двухмесячного отсутствия в Ленинград, и долго недоумевал, кому это пришло в голову: мне все казалось, что мои работы как-то мало подходят для академического ученого и более соответствуют работам революционера. Потом узнал, что это Вы. Конечно, отговорил бы Вас, если б знал, но все же очень тронут Вашим вниманием»².

«Конечно, отговорил бы Вас, если б знал» – не более чем риторическая фигура. Это кокетство девушки, осыпаемой комплиментами: «Ах, что вы, вовсе я не так хороша, как вы говорите...»

Между тем Блюменау проявляет безудержную напористость. Он рассылает во все крупные газеты и журналы свою статью (предварительно просмотренную Морозовым) о «Христе» – четырехтомном труде гениального ученого. Отправляет письма председателю правления Госиздата А.Б. Халатову, историку М.Н. Покровскому, председателю СНК СССР А.И. Рыкову и наркому просвещения А.В. Луначарскому, напоминая им о необходимости скорейшего издания трудов Морозова.

Во-первых, имя Морозова-ученого лишний раз коснулось начальственного слуха, а *во-вторых*, несмотря на многочисленные редакционные отказы, Блюменау удалось не только напо-

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 165. Л. 12.

² Там же. Д. 2218. Л. 11.

нить всем о великом ученом и грядущей торжественной дате, но и все-таки напечатать юбилейную заметку о своем кумире – «одном из наших крупнейших ученых в области естествознания, величайшем революционере в области исторических наук»¹. И главное – мечту сделать Морозова академиком Блюменау не оставил. Шестнадцатого мая 1930 г. он объяснил Морозову свою своевольную решимость: «Я Вам не писал, ибо ждал появления В[ашего] VI тома. Также мне было не совсем ясно Ваше отношение к моему, может быть, и не совсем тактичному выступлению с предложением Вас в академики. Но я считал, что то НОВОЕ, ЧТО ДАЕТЕ ВЫ В СВОИХ КНИГАХ, ВАШИ ТРИДЦАТИЛЕТНИЕ СТРАДАНИЯ, и, несмотря на это, полное сохранение огня любви к человечеству и науке, Ваши обширные труды во всех областях науки, дают ВАМ БЕССПОРНОЕ ПРАВО НА ЗВАНИЕ АКАДЕМИКА ВСЕСОЮЗНОЙ АКАДЕМИИ. Конечно, я не авторитет. Конечно, мое дело малое. Но я сделал, что мог, что считал своей обязанностью, и очень жалею, если мои желания не претворились в жизнь. Если мне нужно что-то предпринять, я готов сделать это по Вашему указанию»².

Доказательством того, что Блюменау точно и своевременно почувствовал необходимость выдвигания Морозова в Академию наук, сумев предвосхитить даже его собственное желание, является то, что это письмо Владимиру Леонтьевичу было написано Морозовым 14 мая 1930 г. (т.е. за два дня до письменного объяснения Блюменау причины своей, не согласованной с Морозовым рекомендации):

«Ваше внимание и оценка моих трудов важна для меня, конечно, независимо от результатов, и я не удивился, что впечатление Вашего предложения на историческом отделении Академии Наук было такое же, как если б Лютера отрекомендовали в кардиналы.

Впервые я узнал об этом совершенно случайно, когда приехал летом на 2 дня в Ленинград по делам института. Я попал в трамвай вместе с академиком С.Ф. Платоновым, первые слова которого были:

– Знаете, Николай Александрович, Вас кто-то со стороны рекомендовал в действительные академики по историче-

¹ Шлиссельбуржец Николай Александрович Морозов (К 75-летию со дня рождения) // Ленинградская правда. 1929. 7 июля.

² АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 165. Л. 17 об.

скому отделению. Я уже зондировал по этому поводу почву и убедился, что, несмотря на мою усердную защиту, Вас безусловно теперь провалят: настроение в Академии Наук в последнее время *самое черносотенное*, и мне будет в высшей степени больно, если по поводу Вашей баллотировки выскажутся лишь оскорбительные замечания. Вам надо отказаться.

Я еще не знал тогда, кто и по какому поводу меня рекомендовал. Признаюсь, я даже усомнился и в том, чтобы Сергей Федорович, который, впрочем, всегда был чрезвычайно любезен со мною, действительно желал меня иметь своим коллегой по Академии, но это не улучшало моего положения¹.

Подумав немного, я нашел такой выход: ведь никто не запрещает и академикам выставлять своих кандидатов индивидуально... Значит, для проверки слов Платонова самое лучшее – написать в президиум Академии Наук заявление, что я только что узнал из “Вечерней Красной” (которую я получил в тот же день, как приехал в Ленинград, придя после разговора с Платоновым в канцелярию), что “в числе лиц, рекомендованных посторонними учреждениями в действительные академики находится и мое имя”. Я глубоко благодарен рекомендовавшему меня учреждению за оказанную мне честь, но держусь того мнения, что при современном нормальном течении академической жизни (*тогда еще не было предчувствия “чистки”*), инициатива в обновлении своих членов должна исходить и от самой академии, и поэтому если предложение меня в академики исходит исключительно извне, то я считаю себя вправе баллотироваться.

При такой формулировке, думал я, абсолютного отказа, какого желал от меня Платонов, нет. Любой из академиков при чтении моего заявления (тем более что в ней (в Академии наук. – А.Ш.) были уже и новые: Бухарин, Деборин, Рязанов, Фриче, да и из старых некоторые меня хорошо знали) мог заявить, что если мне нужно для признания себя вправе баллотироваться кроме предложения извне предложение и внутри академии, то он его делает и будет защищать мою кандидатуру. Этим самым устранялось бы вполне мое заявление.

¹ Теперь он арестован и, говорят, обвиняется в таком нелепом заговоре, который, по сложившимся у меня о нем представлениям, мало соответствует его обычному благоразумию и не вяжется с тем, что я и другие слышали от него на редакционных собраниях «Вестника Знания», где я с ним и познакомился. С большим интересом жду окончания этого дела. – *Прим. А.Н. Морозова.*

Однако предложения внутри академии никто не сделал, и поэтому я заключил, что баллотироваться туда, как и предупреждал меня Платонов, было бы, во всяком случае, преждевременно. Каковы бы ни были его побуждения, но ориентировка его была правильна. Думаю, что согласитесь с этим и Вы, предлагавший меня, и потому не подумаете, что я, послав свой *условный* отказ, недооценил той чести, которую Вы мне оказали одним *фактом* Вашего предложения.

Посмотрим теперь, какое впечатление на ортодоксальных историков произведет VI том “Христа”, где тоже есть много неожиданного для них.

С самым сердечным приветом
Николай Морозов»¹.

В этом письме немало информации, которую необходимо объяснить. Сначала об академике Сергее Федоровиче Платонове и о том, *что* означал его арест.

Морозов, конечно же, не зря «усомнился» в том, что Платонов действительно желал его иметь своим коллегой по Академии. Чтобы прийти к этому выводу, достаточно положить рядом труды Морозова и Платонова.

Сергей Федорович Платонов был крупным историком, археологом, педагогом и автором образцовых учебников для высшей и средней школы. Он окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, где стал профессором и считался главой «петербургской школы» историков. Платонов внес крупный вклад в изучение памятников публицистики XVI–XVII вв. и стал хорошо известен своей докторской диссертацией, главным своим трудом, – «Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время)». СПб., 1899, не раз переиздававшимся. Бесспорный талант исследователя, лаконичный, точный и образный язык Платонова, его огромная эрудиция способствовали научной карьере. С 1909 г. он являлся членом-корреспондентом Петербургской Академии наук, в 1920-м стал академиком Российской Академии Наук и директором Пушкинского Дома, в 1925 г. директором Библиотеки Академии наук. При нем не только была налажена комплектация фондов иностранными газетами и журналами, но и увеличены штаты широкообразованными людьми, знающими иностран-

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 2218. Л. 14–16 об.

ные языки, причем без оглядки на их социальное происхождение и род деятельности до Октября 1917 г.

Разумеется, дальнейшее не удивляет. Одиннадцатого марта 1929 г. Платонов обратился за помощью к Морозову, с которым был немного знаком:

«Многоуважаемый и дорогой Николай Александрович! Очень прошу Вас принять Ел[ену] Ив[ановну] Заозерскую. Брат ее Александр Иванович Заозерский на днях арестован. Он магистр русск[ой] истории, известный ученый, служит в библиотеке Академии наук, *очень* осторожный в личной жизни, чуждый политике. Недоумеваю, что могло послужить поводом к аресту. Извините, что тревожу Вас. Низко кланяюсь супруге Вашей.

Уважающий Вас Платонов»¹.

Платонов, обращаясь к Морозову, еще не знал, что этот арест – в череде тех, которые начали так называемое «Академическое дело», в котором ему самому была предназначена руководящая роль.

«Дело академика С.Ф. Платонова», «дело Платонова-Тарле», «дело четырех академиков», «дело историков» – так по-разному называли современники «дело Академии наук» (1929–1931 гг.). В истории репрессий против науки и ее работников оно занимает особое место. К тому моменту, когда оно возникло в недрах ОГПУ, процесс огосударствления и идеологизации науки достиг крайнего напряжения. «Дело АН» призвано было окончательно сломить сопротивление научной интеллигенции, подкрепить процесс антидемократического переустройства в академии, распахнуть двери в нее для деятелей «нового типа». Власть и ее сторонники домогались «великого перелома» сразу на двух фронтах в войне против обеих главных творческих сил нации – интеллигенции и крестьянства. В первом случае на направлении главного удара оказались АН СССР и ученые-гуманитарии. Операция против них, подготовленная по правилам военного заговора и проведенная по нормам «классовой» морали, и вылилась в «дело Академии наук»².

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1446. Л. 2.

² См.: Переченок Ф.Ф. «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М.: Наука, 1995. С. 201.

По сценарию сфальсифицированного «Академического дела» его жертвами стали четыре академика – известные историки С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле, Н.П. Лихачев, М.К. Любавский, пять членов-корреспондентов и около ста сотрудников академических учреждений, обвиненных в подготовке монархического переворота и провозглашении царем великого князя Андрея Владимировича, находившегося в эмиграции с 1920 г. И хотя документы этого дела теперь опубликованы¹, они рассказывают вовсе не о жертвах.

«Протоколы фиксируют признания обвиняемых, но не фиксируют отказов от показаний. Несомненно, что протоколы неоднократно переписывались, редактировались и подчищались (и в 1929–1931 гг., и позднее). Мы не знаем, что на самом деле происходило в тюрьме. Материалы следствия по “академическому делу” являются источником в большей мере для изучения преступной репрессивной политики сталинского руководства, чем для характеристики обвиняемых. Поэтому мы считаем неуместным и недопустимым разбирать на основании этих материалов поведение отдельных обвиняемых и выносить моральные приговоры. В делах такого рода всегда виноваты палачи, а не жертвы – это, как нам кажется, должно быть аксиомой»². Арестованный в январе 1930 г. академик С.Ф. Платонов, после тюремного заключения и исключения из Академии наук СССР общим собранием 2 февраля 1931 г., внесудебным порядком был признан виновным Коллегией ОГПУ от 8 августа 1931 г. и сослан в Самару, где умер через два года.

Однако дело было не только в репрессированных академиках. Главное – сама Академия наук стала иной. Ее более или менее автономное существование осталось в прошлом.

«31 марта 1928 г. управляющий делами СНК Н.П. Горбунов встретился с глазу на глаз с непременным секретарем АН С.Ф. Ольденбургом и сказал: “Москва желает видеть избранныками Бухарина, Покровского, Рязанова, Кржижановского, Баха, Деборина и других коммунистов”. Кроме того, предъявил требование сместить управделами Правления АН Д.Н. Халтурина и заменить его партийцем. 6 июня Ольденбурга принял зав. Отделом научных учреждений СНК СССР Е.П. Воронов, и его

¹ См.: Академическое дело 1929–1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб.: Б-ка Рос. академии наук, 1998.

² Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и Петербургская школа историков. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 39.

демарш напоминал объявление войны: «Правительство десять лет ждало и дало много авансов, но на одиннадцатом году оно поступит с Академией наук по-своему. Академия наук не сумела понять и занять то положение, которое она должна занять в советском государстве»¹.

Уничтожались и запрещались академические организационные структуры, система отношений в коллективе ученых, традиции и нравственный климат. Теперь, когда три советских кандидата в академики: Владимир Максимович Фриче, Николай Михайлович Лукин и Абрам Моисеевич Деборин, несмотря на все административное давление на академиков, не смогли набрать необходимые для избрания две трети голосов, Президиум АН попросил разрешить перебаллотировку с участием нового, расширенного состава Академии, после чего необходимое решение удалось принять. «Чистка» госаппарата в 1929 г., под которую попали и все работники Академии наук, кроме академиков, оказалась недостаточной, что наглядно показало «Академическое дело». Оказалось, что руководство и контроль требовались везде. Академия наук, как и вся советская наука, встраивалась в вертикаль власти.

Свою речь на торжественном годовом собрании Академии наук СССР 2 февраля 1933 г. неперемный секретарь академик Вячеслав Петрович Волгин посвятил году прошедшему: «1932 г. в жизни Академии Наук может рассматриваться как год, в известном смысле завершающий период поворота Академии Наук к обслуживанию задач социалистического строительства. В 1932 г. Академия вступила с пересмотренной сетью учреждений, с уточненными общими установками, с накопленным уже опытом работы в новом направлении. В начале 1932 г. факт поворота Академии Наук, как всем известно, нашел авторитетное признание в соответственном пункте решений XVII Конференции Всесоюзной коммунистической партии. В течение 1932 г. в наших стенах уже нет места спорам о путях дальнейшего развития Академии, о характере ее связи с общими задачами строительства»².

В декабре 1933 г. появилось постановление ЦИК СССР о том, что отныне Академия наук состоит «при Совете Народных Комиссаров» СССР. Когда в 1934 г. появилось постановление СНК СССР о переводе Академии наук СССР из Ленинграда в Москву,

¹ Перченко Ф.Ф. «Дело Академии наук»... // Трагические судьбы... С. 206.

² Отчет о деятельности Академии Наук Союза Советских Социалистических Республик в 1932 году. Л.: Изд-во АН СССР, 1933. С. I.

сопротивляться было уже некому. Постепенно, но уверенно наука становилась прежде всего партийной, и главной ее задачей становился не поиск истины, а государственная служба – так, как она понималась в каждый конкретный исторический момент.

А теперь вернусь к письму Н.А. Морозова. Не обратив внимания на то, что частное лицо, не имеющее никакого отношения к науке, Владимир Леонтьевич Блюменау, выдвинувший кандидатуру Морозова в академики, волшебным образом превратился в «учреждение», Морозов надеется на поддержку новоизбранных академиков-коммунистов Бухарина, Деборина, Рязанова и Фриче, не исключая и помощи от некоторых знающих его «старых» академиков.

«Однако предложения внутри академии никто не сделал», – констатирует Морозов. Каков же его вывод? Только тот, что его выдвижение в академики преждевременно. Можно и подождать, но это вовсе не значит, что Николай Александрович не считает себя такой “чести” достойным, о чем он и сообщает Блюменау: «Думаю, что согласитесь с этим и Вы, предлагавший меня, и потому не подумаете, что я, послав свой *условный* отказ, недооценил той чести, которую Вы мне оказали одним *фактом* Вашего предложения».

Блюменау оказался прав в своем предвидении и правильно понял свою роль. Поэтому он продолжил поиски новых возможностей для решения поставленной задачи. Прежде всего, он осознал, что ходатайствовать об избрании Морозова в академики должен не лично он, а научные учреждения и общественные организации, в которые он стал рассылать свое обращение: «Я предлагаю в действительные члены Академии Наук СССР – Директора Научного Института имени Лесгафта в Ленинграде, которого считаю ГЕНИАЛЬНЕЙШИМ историком, произведшим революцию, переворот, катастрофу во всех исторических познаниях»¹. Только в Обществе политкаторжан посмели ответить отказом: «Кружок Народовольцев <...> не находит возможным принять Ваше предложение о поддержке заявки, сделанной Вами Всесоюзной Академии Наук, на кандидатуру Н.А. Морозова в действительные академики. Мы считаем себя в этом деле некомпетентными. Если люди науки признают Н.А. Морозова заслуживающим высокого звания члена Академии Наук, то мы будем очень рады за нашего товарища»². Все же не зря закроют эту организацию в 1935 г. Блюменау обошелся и без нее.

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 2. Д. 617. Л. 2.

² Там же. Л. 8.

Очень скоро он получил очередное благодарственное письмо от своего великого современника:

«28 октября 1931 г. Дорогой Владимир Леонтьевич, очень Вы растрогали меня Вашим постоянным вниманием. Крепко обнимаю Вас за все.

Ваше послание “Научному Институту им. Лесгафта” с предложением поддержать мою кандидатуру в действительные члены Академии Наук получено моим заместителем Влад[имиром] Ив[анивичем] Забреневым, и он сказал мне буквально следующее после совещания с ученым секретарем и еще с одним сотрудником.

“Рассмотрев условия момента, в Институте пришли к такому заключению, что поддержать мою кандидатуру было бы целесообразно в том случае, если б ‘Общество Старых Большевиков’ высказалось за ее поддержку. А так как до 15 числа осталось мало времени, то желательно бы получить в первых же числах октября Ваш ответ и совет”.

Передаю Вам это буквально (даже по оставленной у меня записочке). Само собой понятно, что отказываться второй раз у меня уже нет повода, тем более что и за прежний отказ меня бранили»¹.

В Обществе старых большевиков никто не усомнился в своей научной компетентности, и желаемая рекомендация была дана. Беда была лишь в том, что «условия момента» за несколько дней немного изменились. Нельзя упускать из виду тот факт, что наряду с успешно строящейся вертикалью власти давала себя знать и ведомственная структура советского общества. Собственная наука была у Наркомпроса, Наркомзема, ВСНХ... С 1918 г. существовало и такое научное ведомство, как Коммунистическая академия. И еще необходимо было разобраться в том, у кого научный авторитет выше. Из-за этого произошел небольшой сбой, но не настолько серьезный, чтобы у Морозова опустились руки. Свои соображения он высказал Блюмену в еще одном большом письме от 4 ноября 1931 г.:

«Дорогой Владимир Леонтьевич,

На днях я получил Ваше второе письмо, но мне неудобно снова говорить в институте о моей кандидатуре в академии.

¹ АРАН. Ф. 543. Оп.4. Д. 2218. Л. 23–23 об.

Дело в том, что кроме того, что я Вам сообщил в прошлом письме, мой заместитель по должности директора, тов. Забрежнев (коммунист с 1919 года), намекнул мне, что для коммунистической части членов нашего института неудобно выставлять меня после того, как здешняя “Коммунистическая Академия” выставила уже на обе кафедры по истории своих кандидатов.

С этим я вполне согласен, хотя и не вижу для себя никакого неудобства вследствие этого. Ведь не буду же я обижаться на Академию Наук, если из нескольких предложенных ей кандидатов она выберет не меня?

Каждый настоящий ученый исследователь должен работать для отыскания истины, а не для того, чтобы путем своих исследований проникнуть в Академию Наук. Мои отношения с Академией и ее членами останутся самые почтительные, каков бы ни был результат их голосования, а тех не академиков, которые ценят мои труды, я считаю вполне правыми, когда они доказывают это на деле, и буду глубоко им благодарен, а прежде всего Вам.

Что же касается до того, уместна ли кандидатура меня – народовольца марксистского уклона, – когда на обе кафедры заявлены уже кандидатуры коммунистов, то я лично для настоящего момента считаю это даже желательным с политической точки зрения, если она не близорукая. Дело в том, что обе кафедры по истории освободились не благодаря смерти двух академиков, а благодаря их административной высылке. Удобно ли замещать сейчас же их обе членами руководящей партии? Не вызовет ли это неосновательных пересудов не только у нас, но и за границей, так как оба высланные европейски известны, а по поводу ареста их было уже много шума и пересудов повсюду.

Конечно, на пересуды всегда можно ответить полным презрением, но это верно только принципиально, а на практике иногда полезно и не дать к ним повода.

Вот почему я и думаю, что, пока не выяснится дело, полезно удерживать на всякий случай и мою кандидатуру. История моего прошлого отказа достаточно обнаруживает это и показывает, что тут никак нельзя действовать под посторонними влияниями интимного характера. Ведь вот прошлый раз – как Вы уже знаете – меня *дружески отговорил* баллотироваться Платонов, сказав по секрету, что “в Академии Наук теперь самое черносотенное настроение” и что мне чуть не поголовно накладывают черных шаров “не смотря

на всю его защиту”, особенно за мою работу “Христос”, которую считают самым опасным из всех антирелигиозных произведений, выходявших до сих пор, и т.д. и т.д. А после оказалось, что он сам арестован за черносотенство, а противоположная ему партия в Академии Наук порицала меня за отказ.

Отсюда ясно, что раз предложение меня сделано, то надо его держаться.

Когда список кандидатов с моим именем будет опубликован, тогда получится возможность направлять в Академию Наук отзывы желающих обо всех кандидатах, как со стороны отдельных ученых, так и целых групп, и Академия Наук разберется в них. Нервничать и торопиться ни в каком случае нельзя, да и нет тут никакой причины.

Когда приеду в Москву (после октябрьских торжеств), увидимся и поговорим.

Любящий Вас
Николай Морозов»¹.

«Народовольцу марксистского уклона» не режет глаз абсурдное самоназвание. Четырнадцатого мая 1930 г. Морозов в письме В.Н. Фигнер писал о разнице воззрений народника Льва Александровича Тихомирова и своих: «...он тогда строго держался традиционного народничества, а я уже отступил от него в сторону *научного марксизма*, так как сразу же оценил огромное значение первого тома Капитала Маркса с его лозунгом: “Через капитализм к социализму”. Правда, что я не называл себя марксистом, но ясно понимал, что книга “Капитал” делает эпоху в социалистической идеологии и возврат к народничеству и связанному с ним “опроченству” более невозможен»². Для человека, уже в XIX в. понявшего значение марксизма, хотя и не называвшего себя марксистом, в XX в. назвать себя народовольцем с любым дополнением, значило соединять несоединимое.

Морозова вовсе не смущает тот факт, что он может стать академиком, заняв одно из мест административно высланных ученых, которые к тому же «европейски известны». Как не коробит его и то, что сам он разговаривает языком своего заместителя, коммуниста с 1919 г. Забрежнева. Разница – в том, что заместитель ссылается на «условия момента», а Морозов – «настоящий ученый-исследователь» – пишет о «настоящем моменте», пока-

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 2218. Л. 26–26 об.

² РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Ед. хр. 604. Л. 178 об. – 179.

зывая себя не столько ученым, сколько карьеристом, разбирающимся в «политической точке зрения».

Политика же правящей партии состояла в том, чтобы при каждом удобном случае показывать всем, кто хозяин социалистического отечества. Такой удобный случай и наступил: «Еще одним из проявлений укрощения Академии наук стала традиция избирать в почетные члены старых революционеров и партийно-государственных деятелей. Первой была избрана Н.К. Крупская (1931 г.) как теоретик марксистской педагогики, затем старый революционер Н.А. Морозов (1932 г.), и, наконец, 22 декабря 1939 г., к 60-летию со дня рождения, такой подарок от Академии наук получил «классик марксизма-ленинизма» и «корифей всех наук» И.В. Сталин (Джугашвили). Последним к ним 29 ноября 1946 г. присоединился государственный и политический деятель В.М. Молотов (Скрябин), но его пребывание было недолгим. По заведенной при нем традиции исключать из академиков лиц, потерявших расположение властей, Молотов пробыл почетным академиком только до 26 марта 1959 г.»¹.

Николай Александрович Морозов попал в «почетные члены Академии наук» (с 1945 г. звание изменило форму – «почетный академик») не за свои научные заслуги. Сообщая Блюменату о том, что на две трети уже готов 8-й том «Христа», Морозов предупреждает: «И весь этот материал такого характера, что даже после исключения Платонова и др. я едва ли попаду в Академию Наук, несмотря на Вашу добрую рекомендацию: даже Китай пришлось омолодить!!»²

Вот как рассказали о получении Морозовым академического звания его почитатели и биографы нашего времени:

«В общем-то академия оказалась в двойственном положении. С одной стороны, Морозов был человек известный и своим революционным прошлым, и научными трудами. Вот только что все обсуждали его подарок академии, за что ему была выражена искренняя признательность, но, с другой стороны, выбрать его академиком по группе исторических наук...

Еще были свежи воспоминания, как академия забаллотировала нескольких общественных деятелей, рекомендованных к избранию ЦК. В результате историческая группа лишилась трех

¹ Наука и кризисы: Историко-сравнительные очерки / Ред.-сост. Э.И. Колчинский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 594-595.

² АРАН. Ф. 543. Оп.4. Д. 2218. Л. 19 об.

своих членов, якобы участников контрреволюционного заговора – С.Ф. Платонова, Е.В. Тарле и Н.П. Лихачева.

В академии был человек, который проводил там политику руководства страны, – академик А.Е. Ферсман. Он обладал способностью выйти из сложного положения так, чтобы, не указывая на реальную причину, получить нужное решение. <...> В этот раз он сказал так: “Н.А. Морозов – выдающийся ученый. Он внес вклад во многие науки. Будет несправедливо, если мы выберем его академиком по исторической группе. Я считаю, что он должен принадлежать всей академии. Его надо избрать почетным членом академии”.

Все с облегчением вздохнули. Лучшего решения найти было трудно.

На заседании отделения общественных наук, состоявшемся 27 марта 1932 г., 12-м пунктом стояло рассмотрение кандидатов в почетные члены АН. Отзыв о Н.А. Морозове давал неременный секретарь Президиума АН В.П. Волгин, специализирующийся на истории социалистических и коммунистических идей домарковского периода»¹.

«Подарок академии» – это о передаче Морозовым АН в 1931 г. части находящегося в его пожизненном пользовании имения Борок для организации там дома отдыха и работы научных сотрудников Академии.

24 июня 1932 г. Морозов сообщил В.Н. Фигнер свои опасения, связанные с принятым им решением: «Устройство и дома отдыха, и работ для научных сотрудников Академии наук в Борке, конечно, нарушит тот покой и уединение, которые ты, конечно, помнишь, но, думаю, не очень отразится на продуктивности лично моей работы, благодаря моему убежищу в мезонине. Вот только не было бы шума под окнами»².

Морозов не учел специфики советских условий, которые в развитии дали себя знать. Седьмого июня 1938 г. он написал Фигнер: «В Борке, поскольку дело касается оставленной за мною части, все по-прежнему, благополучно. А вот в академической части происходит нечто невообразимое. Присылаемые сюда директора считают, что они назначены партией, а не академией, и, действительно, не имеют ничего общего с ученым миром и его интересами. Первоначальный план – устроить здесь дом труда

¹ *Валинский С.И., Недосекина И.С.* Отгадчик тайн, поэт и звездочет: О жизни и творчестве русского ученого-энциклопедиста Николая Александровича Морозова (1854–1946). М.: Крафт+, 2004. С. 573–574.

² РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Ед. хр. 604. Л. 188 об.

и отдыха Академии наук – окончательно рухнул, благодаря их бесхозяйственности. Решено с осени “законсервировать” Борок, пока не устроят в нем селекционной и ботанической базы А.Н. или чего другого»¹.

Однако родившаяся идея «чего другого» Морозова просто потрясла. Только пионерского лагеря в Борке не хватало! В 1939 г. Морозов написал большое письмо президенту АН СССР академику Владимиру Леонтьевичу Комарову, где предложил использовать Борок иначе:

«Для всякого ясно, что в самом непродолжительном времени начнется на нас нападение фашистов как со стороны Германии и Польши, так и со стороны Японии, а Западная Европа будет держаться, как и теперь в Испанских делах, “принципа невмешательства”. Даже и на Францию нельзя рассчитывать, пока в ней капиталистический строй, и она с нами кокетничает, лишь чтобы напугать Германию.

Конечно, мы и одни справимся с нападающими, но никогда не следует преувеличивать слабости своих противников. Всякая война состоит из ряда нападений, стратегических отступлений и обходов. Хотя мы и перенесем войну на их территорию, но как избавиться от неожиданных налетов их воздушного флота с ядовитыми газами на наши крупнейшие правительственные центры.

В такие времена необходимо иметь в запасе целый ряд мест, где работники науки, а также ответственные деятели правительства чувствовали бы себя в безопасности. А в Борок из Москвы на аэроплане три часа пути (а по железной дороге ночь), и благодаря тому, что в нем уже три лета были многочисленные пребывания никому кругом не известных приезжих из Академии, появление новых не возбудит ничьего подозрения»².

Хотя будущее показало, что стратегические выкладки Морозова были далеки от действительности, пионерского лагеря в Борке не появилось. И вообще, в конце концов, все устроилось к лучшему.

Умел смотреть в будущее Николай Александрович и поэтому не случайно сохранил свой отчий дом, и имел возможность для спокойной работы и жизни, несмотря на любые отечественные кошмары и переустройства. Что же касается «научных трудов» Морозова, за которые он был предложен В.Л. Блюмену в действительные члены АН, то они были таковы, что голосовать за

¹ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Ед. хр. 604. Л. 212 об.

² АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 2296. Л. 1 об. – 2.

его избрание было бы откровенно постыдно при любом нажиме властей. Вот почему так пригодилась находчивость Ферсмана. Революционные заслуги Морозова, после избрания Н.К. Крупской и перед избранием И.В. Сталина, не вызывали вопросов, и поэтому его персона оказалась вполне приемлема. Тем более, что речь шла лишь о том, что знаменитый «революционер» станет не действительным, а почетным членом Академии наук. Подумаешь, когда-то, в Императорской Академии наук, такое же звание было присвоено великому князю, будущему последнему императору Николаю II. Чем хуже Морозов?

Результаты выборов в члены Академии наук были официально опубликованы: среди избранных почетных членов первым назван «Н.А. Морозов (шлиссельбуржец)», а вторым – «Ромэн Роллан», без объяснений, кто такой¹.

Третьего апреля 1932 г. Морозов написал Блюменуа ставящее точку в истории его избрания в Академию наук письмо:

«Дорогой Владимир Леонтьевич!

Уже дня три тому назад я собирался послать Вам поздравление с успехом Вашего предприятия, но до сегодняшнего утра лежал с гриппом в постели, а тем временем Вы уже прислали мне самому поздравительную телеграмму!

Но ведь Вы же сами виновник моего академического звания, а потому по всей справедливости я поздравляю Вас»².

Осознание способа и причины принятия в почетные члены Академии Наук вовсе не лишают Морозова радостного восприятия жизни. Ни малейшей неловкости он не испытывает. Семнадцатого апреля 1932 г. Морозов пишет письмо А.П. Карпинскому:

«Президенту Академии Наук СССР

Уважаемый Александр Петрович, во время болезни, державшей меня в постели и грозившей серьезными осложнениями, пришло ко мне на днях извещение непременно секретаря Академии Наук СССР Вячеслава Петровича Волгина об избрании меня почетным членом. Сегодня первый день, когда мне разрешено встать с постели и написать несколько строк, и я пользуюсь им, чтоб попросить Вас передать Академии Наук мою благодарность за оказанную мне честь.

¹ См.: Вестник Академии наук СССР. 1932. № 4. Стлб. 55.

² АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 2218. Л. 27.

Заклоченный когда-то пожизненно в Шлиссельбургскую крепость без права сношений с внешним миром и без надежды когда-либо передать за стены моей темницы свои научные мечты и размышления, мог ли я ожидать, что на закате моей жизни меня ждет такая радость? Это похоже на волшебную сказку»¹.

И правда, похоже на сказку, только сказка оказалась не волшебной, а советской. Так и пели тогда: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Трех лет не прошло с 12 июня 1929 г., когда В.Л. Блюменау приступил к активной деятельности для получения Морозовым академического звания, – и победа! Разумеется, ни о чем подобном в самодержавной России Морозов не мог и мечтать.

Любезным человеком был Николай Александрович и никогда не ленился лишний раз поблагодарить. Вот и Блюменау напомнил: «13 октября первый раз я присутствовал на сессии Академии Наук (благодаря Вам!)»².

* * *

Во времена самодержавия в этом отношении было проще. Первого мая 1906 г., совсем недавно отпущенный из Шлиссельбурга Н.А. Морозов сообщал издателю «Донской речи» Н.Е. Парамонову: «Теперь я издаю на свой счет две моих работы – “Периодические системы” (по теоретической химии) и “Откровение в грозе и буре”, где показывается астрономически, что апокалипсис написан не в I, а только в канун IV века...»³ Теперь же почетный член Академии наук СССР Морозов вынужден искать протекцию, помощников и ходы для опубликования своих ученых трудов.

Все же есть разница, особенно для государственного чиновника, между весом слова, произнесенного обыкновенным ученым, и весом слова, произнесенного академиком, даже если это звание подкорректировано определением «почетный». Одобренное свыше присвоение этого (как и любого другого) звания, дающее конкретные привилегии в обществе новой социальной иерархии, сформированном и регламентированном властной вертикалью,

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 2282. Л. 1.

² Там же. Д. 2218. Л. 41 об.

³ Там же. Д. 2351. Л. 1 об.

вовсе не уничтожается словом «избран», носящем в тоталитарном государстве лишь формальный характер.

Но все-таки дело с изданием его «историологических» работ шло вовсе не так хорошо, как этого хотелось бы Николаю Александровичу. Ведь совсем недавно, 24 июня 1932 г., Морозов с удовлетворением сообщал Блюмену о печатании 7-го тома: «Дело с “Христом” удалось исправить. По этому поводу я писал и Гусеву в ЦК партии, и Керженцеву в Совнарком, и в другие места, и было приказано окончить печатанье»¹.

Обращаться к П.М. Керженцеву – куда ни шло. Платон Михайлович хоть и недолго, но учился на историко-филологическом факультете Московского университета и какой-никакой журналист. Председатель редакционного совета ОГИЗа и один из создателей советской цензуры, он вырос до управляющего делами Совнаркома СССР. Но товарищ Сергей Иванович Гусев, которому дилетантизм в военном деле вовсе не мешал считать себя крупным военным деятелем и работать над военно-теоретическими проблемами, а в 1925–1926 гг. служить заведующим отделом печати ЦК ВКП (б), от древней истории был весьма далек. И вот 22 ноября 1932 г. Морозову пришлось побеспокоить его снова:

«Дорогой товарищ Гусев,

Вы, верно, еще не забыли, как посодействовали весной окончанию печатанья VII тома моей историологической работы “Христос” в Соц-Эк-Гизе в Ленинграде. Недели две тому назад он был весь сверстан, исправлен и подписан к печати.

Я уже думал, что часть листов отпечатана, но вдруг узнал, что цензор здешнего облита тов. Захаржевский от- казался выдать карточку на печатанье, ссылаясь на присутствие в книге каких-то неизвестных мне идеалистических мест.<...>

Чтоб не задерживать выхода в свет книги (о чем была уже публикация Госиздата), я очень просил бы Вас передать прилагаемый при этом экземпляр на рассмотрение компетентному и пользующемуся Вашим доверием лицу в Главлите.

Я уверен, что он иначе посмотрит на мой труд, и со своей стороны повторяю, что если у меня тут есть какие-либо нежелательные места, то я моментально их уничтожу или, во избежание переверсток, заменю их рисунками или новым.

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 2218. Л. 34.

Одновременно с этим я пишу и Томскому, прося его закончить мою работу в Госиздате, где были изданы прежние тома.

Ввиду того что мне трудно сейчас выехать в Москву из-за небольшого нездоровья, я не еду сейчас, а прошу передать Вам это письмо моему старинному хорошему знакомому И.Р. Белопольскому¹. Когда придется быть в Москве, надеюсь повидаться с Вами.

Сердечно Ваш
Николай Морозов»².

Седьмой том «Христа» в 1932 г. выйдет в свет. Но ведь это не начало дела, а продолжение. Рукописи очередных трех томов были в основном готовы и ждали издания.

Главлит, как совсем непонятно для непосвященных называлась советская цензура, никуда не исчезнет, и могущество этой организации будет расти. Впрочем, Морозову уже приходилось находить способы решения проблем при общении с представителями этой инстанции в 1924 г., после получения им письма от художницы Татьяны Гавриловны Тиховой: «Сделала я обложку к "Христу" с Василием Великим, похожим на Христа, лунным затмением, овном и проч. Сдала в понедельник заведующему художественной частью Госиздата. Ему понравилось. А теперь Ионову она кажется недопустимой по цензурным соображениям. Т.е. что какой-либо мужик, как он говорит, может взять эту обложку и молиться на нее (сегодня он в дурном настроении). Раз так, то вообще никакая фигура святителя недопустима. Как я поняла со слов Голлербаха (зав. худож. частью), надо или доказать Ионову допустимость этой, или сделать другую (с художественной стороны он ничего против этой не имеет)»³.

Илья Ионович Ионов, один из зачинателей политической цензуры в стране, в 1924 и 1925 гг. возглавлял Ленинградское отделение Госиздата. Он зависел не только от собственного настроения, что вообще было свойственно крупным советским начальникам, но и от линии партии, которой старался соответствовать. Жизнь Ионов закончил, как и многие его революционные друзья, в лагере. Но в данном случае решение нашлось, и с обложкой книги все закончилось по-доброму.

¹ Морозов имеет в виду, что данное письмо передают Гусеву через И.Р. Белопольского.

² АРАН. Ф. 543. Оп. 3. Д. 175. Л. 3–4.

³ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1871. Л. 6–6 об.

Однако раз на раз не приходится. И готовым надо быть ко всему. Вот в 1928 г. под редакцией серьезного историка и литературоведа Бориса Павловича Козьмина, с которым общался и Морозов, вышел первый том справочника «Писатели современной эпохи: Биобиблиографический словарь русских писателей XX века», включающий и его, Морозова, биографию. Кто же мог предполагать, что книга попадет под нож, а частью в спецхран. А второго тома и вовсе никогда не будет. И все лишь потому, что в числе статей окажется эта: Троцкий, Лев Давидович.

Гусев в следующем году умер. Михаил Павлович Томский, партийный и профсоюзный деятель, окончил жизнь самоубийством, когда узнал, что на него, как и на ряд других видных членов партии, на процессе «Троцкистско-зиновьевского объединенного центра» стали давать показания, обвиняя в антисоветской деятельности, Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев. Сделал он это вовремя, потому что прокурор А.Я. Вышинский уже начал следствие. Впрочем, уход из жизни Томского не спасет от репрессий всех его родственников. Так что почетному члену Академии наук СССР Морозову и в дальнейшем придется забывать старых и искать новых друзей, благо последние время от времени находились.

Первого января 1933 г. Морозов сообщает в письме В.Л. Блюменау: «Недавно у меня завелись в Москве два интересных и активных сторонника. Первый из них – Александр Иванович Дворецкий (Климентовский пер., 6, кв. 50), который вместе с писателем Федором Gladковым хочет сделать сокращенное изложение моих главнейших выводов в книге “Христос”, для широкой публики в одном томике. Второй, Всеволод Григорьевич Сушков (улица Воровского, 9, кв.16), хочет сделать подробный алфавитный указатель для всех семи вышедших томов, чтоб поместить его в VIII томе, который я надеюсь сделать последним...»¹

Уже 7 января Владимир Леонтьевич идею не только одобрил, но и подтвердил ее своевременность такими бесспорными аргументами: «Я пробовал несколько раз садиться за составление краткого изложения Ваших 7 томов. Кратко, популярно, общедоступно, дать резюме – результат Ваших изысканий. Но у меня ничего не выходит. У меня нет времени. И главное: НЕТ ДОСТАТОЧНЫХ ЗНАНИЙ. Я боюсь критики ученых мужей, которые могут насесть на мое дилетантство, и тем самым я мог бы повредить и Вам. Поэтому я всячески бы приветствовал, если бы за эту

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 2218. Л. 39–39 об.

работу действительно взялся такой современный писатель, как ФЕДОР ГЛАДКОВ. Его знают как автора и драматурга ЦЕМЕНТА. Он же дал целый ряд очерков строящегося ДНЕПРОСТРОЯ. Он же может и должен дать ряд очерков о Н.А. МОРОЗОВЕ и изложить основные идеи и то новое, которое дает Н.А. Морозов в своих исторических изысканиях, разрушая всю существовавшую в течение 2000 лет хронологию и строя всю историю заново, срывая с нее весь лживый налет, которым она – история – успела покрыться в течение этих 2000 лет»¹.

Несмотря на точность поставленной задачи и тонкую обоснованность прав и обязанностей Федора Гладкова, сделанную Владимиром Леонтьевичем, все, конечно, будет происходить не так, как было первоначально задумано. Восьмой том станет не концом, а только продолжением череды исторических открытий Морозова. Писатель Федор Гладков исчезнет из этого проекта так же внезапно и незаметно, как и появился. Что же касается А.И. Дворецкого, то с ним Морозов начнет дружить и сотрудничать.

Тридцатого декабря 1934 г. Морозов сообщал В.Л. Блюмену: «Вы спрашиваете насчет печатания VIII тома. Он у меня, действительно, готов к печати. Но Ленинградское отделение ГИЗ так трусит всего необычного или просто нового в науке, что раньше, чем я добуду разрешение в Москве, не осмелится заключить условие. Я приеду в первую декаду января и постараюсь все устроить. Относительно книжки Дворецкого можно будет говорить, лишь когда рукопись будет готова. Я уже говорил об уплате ему стоимости переписки, и теперь мы обдумываем, по какой статье провести это в канцелярии, чтоб не было возражений Рабкрина»²³. Сложности в издании очередных томов «Христа» были тем удивительнее для Морозова, что возникали они на фоне нарастающей популярности автора. В письме В.Н. Фигнер от 22 мая 1933 г. Морозов рассказал об этом с красочными подробностями: «Все время я старался не выступать в публике и отказывался категорически от предложений читать публичные лекции, особенно по поводу моих историологических работ. Но число квалифицированных сторонников у меня увеличивалось с каждым новым томом “Христа”, и в мае Клуб технологов уговорил моего сотрудника проф. Мрочка сделать доклад на тему “Исторический процесс с точки

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 165. Л. 34.

² *Рабкрин* – Рабоче-крестьянская инспекция в Советском государстве, существовавшая с февраля 1920 г. по февраль 1934 г.

³ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 2218. Л. 56.

зрения теории Н.А. Морозова”, а он уговорил меня сказать после прений заключительное слово, и я, в конце концов, согласился. Вечер прошел с большим успехом, и через день или два к Мрочеку обратилось “Юридическое О-во” с просьбой повторить доклад, а ко мне – закончить собрание. Опять пришлось выступать позавчера, и тоже с большим успехом, а два оппонента – одного из которых, после вечера, назвали “правым уклонистом”, а другого “левым загибщиком” – только увеличили успех»¹.

Морозов искренне не замечает, что называет своими «квалифицированными сторонниками» технологов и юристов. И его совсем не смущает тот факт, что его «успех» связан с применением к его оппонентам политических ярлыков, взятых из лексикона самого советского из всех вождей страны: «Левые загибщики являются объективно союзниками правых уклонистов»².

Еще одному своему появившемуся стороннику – инженеру-мостовику, доктору технических наук Александру Федоровичу Эндимионову 17 апреля 1934 г. Морозов описывает свою непростую жизнь почетного академика, старейшего революционера и ученого-энциклопедиста:

«Прежде всего, переписчица завалила меня переписанными ею главами для VIII тома “Христа”, надо было сосредоточиться, чтобы окончательно проредактировать для готовности к печати около 60 печатных листов текста, и вычислить ряд астрономических таблиц, необходимых для научной обосновки (так. – А.Ш.) текста. А тут... постоянные перемены, с утра до позднего вечера приходят люди со своими просьбами, жалко их ужасно, а помочь большею частью нет никакой возможности. Потом был всесоюзный съезд о-ва политкаторжан, необходимо было присутствовать, потом конференция по изучению стратосферы, куда меня пригласили как специалиста (ведь раньше я много летал, не говоря уже о теоретических работах по этому предмету).

В конце концов, дошел до того, что, отправившись в соседнюю комнату, я стал через несколько шагов забывать, зачем туда пошел, и, подойдя завести часы, вдруг обнаруживал, что они уже заведены мною же самим минуту назад.

Жду с нетерпением 1 мая, когда Ксана решила ехать в деревню. Там совсем как на другой планете, не чувству-

¹ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Ед. хр. 604. Л. 190–190 об.

² Сталин И.В. Ответ товарищам колхозникам // «Правда». 3 апр. 1930.

ешь этого нажима со всех сторон и можешь сосредоточиться и работать спокойно»¹.

Впрочем, не стоит представлять ленинградскую жизнь Николая Александровича как вихрь кружащих и пригибающих его постоянно жизненных забот и тягот, от которого он имеет возможность скрыться лишь в любезном его сердцу Борке.

Художнице Нине Викторовне Хлебниковой понадобилось больше месяца, чтобы 25 декабря 1935 г. найти время для письма Блюменау, в котором она описала ему свое первое посещение Н.А. Морозова: «Попала я к Н.А. только 12-го ноября. На сообщении домработницы: “Н.А., к Вам пришли”, Н.А. ответил: “Сию минуту, только 1 строчку допишу”... Пока я снимала пальто, Н.А. дописал строчку и вышел ко мне навстречу. Я была ошеломлена его лицом! Сколько в нем не поддающегося описанию очарования, сколько внутренней и светящейся радости, какие замечательные, полные мысли глаза, какое добродушие в нем! Он очень ласково встретил меня и передал письмо от К.А. (Ксения Алексеевна, жена Морозова. – А.Ш.), кот[орая] в тот день не могла со мной встретиться. Он посмотрел мои альбомы с силуэтами, кот[орые] ему очень понравились, показал мне всю квартиру (4 комн[аты], чудесно обставленные), массу картин очень ценных и интересных, которыми завешаны все стены, много статуэток и скульптуры... Одним словом, его квартира – целый музей. Затем я рисовала его. Он замечательно позирует. Сидит и думает о чем-то. Говорили о работе, кот[орую] Н.А. сейчас пишет, – “Исторические миражи”, как Вы знаете, где он дает новые исследования о татарах и т.д.»².

Итак, со своим умением очаровать собеседника, добродушный Николай Александрович живет далеко не в спартанской суровости, готов позировать, чтобы сохранить потомству свое радостное лицо, и с удовольствием рассказывает о своей примечательной работе.

Работа действительно необыкновенная. О ней в восторге сообщает Блюменау Ксении Алексеевне Морозовой 22 ноября 1935 г.:

«Мы много говорили с Н.А. о возможностях издания его “Исторических миражей”.

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 2428. Л. 5 об. – 6.

² Там же. Д. 2501. Л. 43–44 об.

Татарского ига никогда не было. Это были крестоносцы и генуэзцы. Половцы – это пловцы – генуэзцы и венецианцы. Печенег – от слова “печь”, офен – это венгерцы. Тевтонский, Ливонский и другие ордены – это и есть орда. И это не случайная статья, а глубокое и интересное, серьезное и большое исследование, снова делающее мировой переворот в наших знаниях, во всем том, чему нас учили в течение тысячелетия, новое разоблачение церковного, средневекового лжесвидетельства и фарисейства.

Книги нужно издать во что бы то ни стало, и немедленно. Ведь эти книги – это достижение мирового гения.

Мы долго говорили с Н.А.

Мое мнение, что Н.А. нужно написать Сталину письмо с приложением краткого содержания своего нового труда и своих достижений по этим вопросам. <...> Не прочь и я либо издать свою переписку, либо написать и издать статью о Н.А. и его учении. Но не знаю, как это сделать. Подумаем, м[ожет] б[ыть] что-нибудь и надумаем»¹.

Чувствуется деловая хватка В.Л. Блюменау и его умение донести до собеседника самую суть. И хотя Владимир Леонтьевич не сомневается в гениальности историко-филологических находок своего кумира, он еще не знает, каким образом ему написать и издать статью о Морозове и его учении. Впрочем, это не мешает ему уверенно предлагать великому современнику самый деятельный способ увидеть напечатанным свой гениальный труд.

Все, что связано с почетным академиком, драгоценно и не должно пропасть для будущих поколений. Именно об этом он спешит сказать его супруге:

«Я очень рад, что Н.В. Хлебникова сняла Ваш и Н.А. силуэты и что вышли они очень удачно. Я уже написал ей письмо, чтобы она выслала мне экземпляры этих мне дорогих силуэтов.

<...> Не следует ли эти силуэты передать в Музей Революции? Не возьмет ли Ваш Институт Лесгафта их? Не плохо их поместить на книгах Н.А. А м[ожет] б[ыть] еще куда-нибудь. Если эти силуэты удачные, то их под спудом держать не следует»².

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 6. Д. 81. Л. 1-1 об.

² Там же. Л. 1 об.

Силуэт великого человека
Шлиссельбуржца Морозова.
Рис. Н.В. Хлебниковой. 1935.
(АРАН Ф. 543. Оп. 2. Д. 647).

Почетный академик Морозов неудержимо притягивает к себе творческих людей. В одной из главных газет страны появилось сообщение: «Академик-скульптор И.Я. Гинзбург закончил лепку фигуры шлиссельбуржца Н.А. Морозова»¹.

Еще одна известная художница, написавшая портрет Морозова, с восхищением описывает его в апреле 1936 г.: «Николай Александрович для своих восьмидесяти двух лет выглядел бодро и свежо. Взгляд его глаз был живой и блестящий. Приветливая улыбка под большими белыми усами. Быстрые движения, стройная фигура. Держался он прямо, и ничего старческого в его облике не было»².

Короче, великий человек, всем и во всем на зависть и удивление.

Однако, как только дело касалось нереволюционных заслуг и констатации почетного академического статуса, а публикации его научной продукции, сразу же начинались сбои. Морозов был склонен в разное время объяснять это странное обстоятельство по-разному. В феврале 1933 г. он писал Блюменату: «Главное, что – как мне говорят – смущает многих, – это то, что и Маркс, и Энгельс, и сам Ленин признавали существование и древнего Рима, и древней Эллады, как видно из нескольких мест их сочинений... И как это согласовать с моим отрицанием, не знают»³. В этих словах Морозова примечателен тот факт, что перечисляя классиков марксизма, он прибавляет к имени Ленина – «сам», подчеркивая тем свое понимание на тот момент того, кто внес главный вклад во всепобеждающее учение.

¹ Известия. 1935. 24 октября.

² Остроумова-Лебедева А.П. Автобиографические записки. Т. 3. С. 191.

³ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 2218. Л. 44 об.

Но уже через три месяца Морозов понял, что дело не столько в чьем-то «смущении», сколько в его, Морозова, популярности, которая вызывает зависть у его оппонентов. Вот почему он убеждает Блюменау повременить: «Но все это показывает, что действовать (в смысле разрешения госиздатату печатанья остальных томов) надо сверху, а не снизу, потому что низы партии ВКП (б), после того как она пришла к власти и стало лично выгодно к ней присоединиться, действительно переполнились сикофантами, только вредящими ей и справедливо заслуживающими генеральной чистки, которая и начнется с 1 июня. Вот почему мне кажется, что предлагаемые Вами хлопоты о разрешении печатанья VIII и IX томов моей работы надо будет предпринять уже перед очищенной партией, т.е. не ранее осени»¹.

Разумеется, справиться с примазавшимися к партии его недругами, сикофантами-доносчиками, может только партийная “чистка”. Как обойтись без нее настоящему ученому, который бесспорно популярнее своих недругов и потому ими ненавидим?!

Вот что сообщал об особенностях этой “чистки” известный писатель, историк и публицист Абдурахман Авторханов: «12 января 1933 года объединенный пленум ЦК и ЦКК задним числом подтвердил это решение Политбюро. Еще более характерным и знаменательным было то, кого собирался Сталин чистить. Уже не говорилось просто о “социально-чуждых элементах”, как раньше. Не было также и сужение рамок чистки категориями “бывших оппозиционеров”. Теперь Сталин нашел более эластичное определение для подлежащих чистке – “ненадежные”. Чистка должна сделать партию еще более послушной. “Послушность” на языке сталинцев называлась “Железной пролетарской дисциплиной”². “Чистка” 1933 г., как все предшествующие и последующие, пройдет вполне успешно. Хотя она ничуть не поможет печатанию морозовских трудов, характерно, что бывшего борца с самодержавием совершенно не смущает тоталитарная суть происходящих в стране событий.

Советская эпоха как результат воплощения в жизнь утопии способствовала рождению всевозможных мифов, в том числе и научных. Среди членов Академии наук Морозов был не единственный, кто революционно ниспровергал автори-

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 2218. Л. 50–50 об.

² Авторханов А. Технология власти. М.: СП Слово – Центр «Новый мир», 1991. С. 279.

теты, создавал новую науку и в меру скромных сил боролся с вредителями.

В биологии чудесные открытия делал Трофим Денисович Лысенко, академик АН СССР (1939), АН УССР (1943), Президент Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина (ВАСХНИЛ) (с 1938 г.), Герой Социалистического Труда (1945), кавалер восьми орденов Ленина и лауреат трех Сталинских премий первой степени (1941, 1943, 1949).

«Великий перелом», сломавший хребет крестьянству и превративший сельское хозяйство огромной страны в хронического больного, можно было спасти лишь волшебным снадобьем. Его секрет и был «открыт» народным самородком, агрономом Трофимом Денисовичем: яровизация, чеканка хлопчатника, летние посадки картофеля... Отрицая буржуазную классическую генетику, Лысенко, открывший в биологии новую школу – мичуринскую агробологию и сумевший привлечь к своим исследованиям «колхозный актив», утверждал возможность «перерождения» одного вида растений в другой. С точки зрения Трофима Денисовича, резкий рост плодородия возможен и без внесения удобрений, а благодаря многолетним травам и соответствующим образом подобранных севооборотов можно добиться не только быстрых, но и невиданных ранее результатов. Он обещал в кратчайшие сроки решить продовольственную проблему и добиться продуктового изобилия. Тем, кто был с ним не согласен, Лысенко доходчиво объяснял свою точку зрения в феврале 1935 г. на Втором съезде колхозников-ударников: «Товарищи, ведь вредители-кулаки встречаются не только в вашей колхозной жизни. Вы их по колхозам хорошо знаете. Но не менее они опасны, не менее они закляты и для науки. Немало пришлось кровушки попортить в защите во всяческих спорах с некоторыми так называемыми “учеными”... Товарищи, разве не было и нет классовой борьбы на фронте яровизации? И в ученом мире, и в неученом мире, а классовый враг – всегда враг, ученый он или нет»¹. Сам товарищ Сталин, слушая Трофима Денисовича, не удержался от одобрительного восклицания: «Браво, товарищ Лысенко, браво!» В зале, разумеется, аплодисменты.

На закате жизни академика-орденоносца даже в Большой Советской Энциклопедии было сообщено: «Ряд теоретических положений и предложений, выдвинутых Л., не получили экспе-

¹ Второй Всесоюзный съезд колхозников-ударников 11–17 февраля 1935 г. Стенографический отчет. М., ОГИЗ СЕЛЬХОЗГИЗ. 1935. С. 107–108.

риментального подтверждения и широкого производственного применения»¹. Но публикация этого факта не помешала Трофиму Денисовичу Лысенко прожить долгую жизнь высоко ценимого властью академического ученого, чего нельзя сказать о его научных оппонентах, которых он так смело разоблачил.

В лингвистике творил академик Николай Яковлевич Марр. Знаменитый еще с дореволюционных времен ученый-востоковед, внесший большой вклад в изучение истории, археологии и этнографии Грузии и Армении и вполне заслуженно в 1912 г. ставший академиком Императорской Академии наук, к 20-м годам XX в. создал «новое учение о языке».

«Согласно Марру, хотя языки возникли независимо друг от друга, они всегда развивались по абсолютно единым законам, хотя и с неодинаковой скоростью. Звуковая речь возникла в первобытном обществе в среде магов и первоначально была средством классовой борьбы. Поначалу у всех народов она состояла из одних и тех же четырех элементов САЛ, БЕР, ЙОН, РОЩ, которые имели характер “диффузных выкриков”. Постепенно из их комбинаций формировались слова, появлялись фонетика и грамматика. При этом все языки проходят одни и те же стадии, определяемые уровнем социально-экономического развития. Любой народ на том или ином экономическом уровне обязательно обладает языком, находящимся на соответствующей этому уровню стадии.<...> При изменении экономического базиса язык как часть надстройки подвергается революционному взрыву и становится качественно иным как структурно, так и материально; однако в языке остаются следы прежних стадий вплоть до четырех элементов, которые можно выделить в любом слове любого языка; отыскание таких следов Марр именовал лингвистической палеонтологией. Связь языка с базисом была прослежена Марром для разных стадий первобытного общества; вопрос о языковых соответствиях формаций от рабовладельческой до социалистической Марр всегда обходил; снова охотно он начинал говорить лишь о языке коммунистического общества, который, по его мнению, должен был потерять звуковой характер»².

Несмотря на то что все эти высказывания находились в вопиющем противоречии с наукой, что было очевидно любому профессионалу, Марр умел находить сторонников и успешно про-

¹ БСЭ. 3-е изд. Т. 15. М.: Сов. энциклопедия, 1974. С. 84.

² Аллатов В.М. Марр, марризм и сталинизм // Философские исследования. 1993. № 4. С. 272.

пагандировать себя. Человек яркий, привлекавший к себе людей богатством фантазии и безапелляционностью суждений, нередко весьма поверхностных, но уверенно демонстрировавший энциклопедизм своих познаний, он стал создателем очередного научного мифа. Марр ошеломлял дилетантов пророчествами и собственной гениальностью: от предложения «аналитического алфавита», прообраза будущего мирового единого языка до чудесной способности выучить в совершенстве всего лишь за день любой неизвестный ему язык.

«Безусловно, популярность Марра определялась не только его личными качествами. Решающую роль играла созвучность его идей эпохе. Сразу надо подчеркнуть, что Марр ориентировался на представления именно 20-х годов, когда ждали скорой мировой революции, построение коммунизма казалось делом близкого будущего и многие всерьез надеялись успеть поговорить с пролетариями всех континентов на мировом языке...»¹ Дожить до появления нового гениального труда И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», доказавшего идеалистические воззрения Марра, Н.А. Морозову не удалось.

Но переосмысливающие всё и вся открытия Морозова при всей их фантастической оригинальности вполне вписывались в новаторскую эпоху. Поэтому и к работам Н.Я. Марра, Николай Александрович относился не как к догме, а лишь как к иногда полезным дополнениям к собственным филологическим находкам. Девятнадцатого мая 1937 г. Морозов сообщал В.Л. Блюмену: «Относительно работ Марра я уже многое знал. С некоторыми его толкованиями я согласен, а относительно других имею свое толкование. Так, слово этрусски я перевожу от хеты – русские, причем хеты и готы одно и то же, и все значит: русские готы. Слово скифы он пишет ски-тай и переводит: сыновья, а я просто считаю это за скитаи, т.е. скитальцы, странствующие миссионеры времен крестовых походов, откуда и названия их поселков: скиты, возможно, что это были и странствующие рыцари, вроде Дон-Кихота. Слово Владимир я считаю просто: Владелец мира, а сопоставление имени Гомера, через вариации – Гумор – хомор, скомор- со скоморохом мне кажется более похожими на юмор и юмористику»².

Великая советская эпоха создавала и пестовала адекватные ей таланты.

¹ Алпатов В.М. Марр, марлизм и сталинизм // Философские исследования. 1993. № 4. С. 275.

² АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 2218. С. 77-77 об.

К октябрю 1937 г. Морозов уже понял, что причин непечатания его трудов и их сознательного замалчивания может быть лишь две – вредительство или непонимание ценности созданного. Именно об этом Морозов сообщает своему помощнику А.И. Дворецкому:

«Дорогой Александр Иванович, неудача с печатанием Вашей книги меня несколько не удивила, я только не хотел огорчать Вас раньше времени.

Я не знаю, умышленное ли это вредительство или простое недомыслие, но те, которые первыми должны бы были радоваться моим историологическим исследованиям, разрушающим последнюю еще не подвергавшуюся всесторонней критике средневековую науку, уже несколько лет подкапывались под них, и притом подземными путями, не показывая своих голов.

Результат вышел такой.

Когда в 1933 году вышел VII том “Христа” и я представил в Госиздат уже готовый для печати VIII том, там замялись и сказали, что в настоящее время “нет бумаги”, что издательство загружено срочными работами и т.д., между тем как мои исследования не требуют немедленного печатанья.

Сопоставив это с некоторыми статейками, кажется в “Атеисте”, я пришел к заключению, что терять время на споры с умышленными вредителями или с простыми спорщиками не стоит, а лучше выждать время, когда правительство увидит, что они ничего не приносят, кроме вреда, и ликвидирует их само. А мой товар от времени не портится, а наоборот, когда читатели опомнятся от неожиданных для них результатов моих исследований, убедятся, что я прав, тогда и на Госиздат окажут влияние, и он сам обратится ко мне с предложением напечатать окончание.<...>.

Хочу теперь сказать несколько слов и о Вашей книжке: “не унывайте! И она не попортится, а только выиграет от времени!”»¹

О книжке Дворецкого и как она создавалась – речь впереди. Пока отмечу, что старейший революционер и почетный член Академии наук тоже участвует в общем послушном советском хоре 1937 г., хотя в данном случае, в частном письме, он исполняет о «вредителях» соло. Но не следует забывать, в какой атмосфе-

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 2257. Л. 27–28 об.

ре он это делает: «В течение нескольких лет были уничтожены сотни историков, сформировавшихся уже в послереволюционные годы. Среди них почти все руководители исторических институтов АН СССР и Комакадемии, историко-партийного ИКП, институтов истории партии при обкомах, руководители кафедр, редакторы журналов и т.д. <...> Не случайно первое место в системе Академии наук по числу выявленных вредителей занял Институт истории АН СССР, где уже к марту 1937 г., по словам директора Н.М. Лукина, репрессированного позднее, было арестовано более двух третей сотрудников»¹.

Попытку принять рукопись Морозова, и даже заплатить за нее, но не печатать, – Госиздат уже делал и безуспешно. Вот почему у Морозова никак не получалось добиться хотя бы формального принятия издательством своей работы. Оставалось уповать на читателей, которые «убедятся» в его правоте, и на правительство, почему-то не заинтересовавшееся теми гражданами, которые «ничего не приносят, кроме вреда» в Госиздате. Что же касается «некоторых статей, кажется в “Атеисте”, то запоминать название журнала или имя автора – по классификации Морозова, вредителя или простого спорщика – не стоит. А уж тем более отвечать на приведенные аргументы и факты А. Рановича, опубликовавшего свою статью «Методология Н.А. Морозова в истории античности» в журнале «Антирелигиозник» (1933. № 1), с фрагментами которой читатель уже знаком.

Кстати, и помощников Морозов находил себе под стать. К примеру, уже упомянутый мной Александр Федорович Эндимионов, отдохавший в санатории «Сосновый Бор» у станции Болшево Ярославской железной дороги, 5 марта 1944 г. в письме Николаю Александровичу и его супруге сообщал: «Это санаторий для ученых. На самом деле, кроме ученых, можно встретить много случайной публики. Завязал уже интересные знакомства – с литераторами и историками. Последние меня поражают невежественным отношением к открытиям Николая Александровича. “Саддукеи и фарисеи”. Отсутствие у них физико-математического и естественно-научного образования – главная причина их непонимания и заблуждения. В душе же они меня, конечно, считают неучем в их исторической науке... Но им меня не сбить...»²

¹ Наука и кризисы: Историко-сравнительные очерки / Ред.-сост. Э.И. Колчинский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 734.

² АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 2161. Л. 41.

Морозов по своей открытости и душевности считал критиков просто вредителями или спорщиками. Эндимионов же сумел внести полную ясность и понятно обосновать подлинное значение Николая Александровича и его учения. Если профессиональные историки – саддукеи и фарисеи т.е. люди, приписавшие себе право отличать истину и толковать Закон Божий, то обличающий их Морозов выполняет функцию Иисуса Христа.

Глава четвертая ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА

Как уже известно, 26 апреля 1918 г. Николай Александрович Морозов был назначен директором нового Научно-исследовательского Института имени П.Ф. Лесгафта в Петрограде. В «Автобиографии» в 1926 г. это событие Морозов описал так: «Я с радостью принял предложение Совета Петербургской биологической лаборатории Лесгафта стать ее директором...»¹

В реальной жизни дело обстояло несколько иначе. Своей знакомой Юлии Евлампиевне Золотаревой Морозов сообщал из Борка 17 мая 1918 г.: «У нас пока все спокойно, только доходы с имения взяты комитетами, и потому придется усиленно предаться чисто заработным занятиям, бросив научные до лучших времен. Меня выбрали заочно директором Петроградской Биологической Лаборатории с квартирой и жалованьем, но дела так плохи, что не уверен в осуществимости последнего пункта и поэтому отложил согласие до поездки в Петроград в конце мая»².

По причине отсутствия альтернативы согласие Николаю Александровичу пришлось дать, и он стал директором учреждения, которое вскоре получило новое название. Эту должность он сохранил до конца своей жизни.

В качестве несменяемого директора Института им. П.Ф. Лесгафта Морозов в воспоминаниях мог выглядеть сердечным и отзывчивым Дедом Морозом, причем безупречным в политическом отношении:

«Вспоминаю Николая Александровича, ежедневно с часа до двух совершавшего прогулку. Выходя во двор дома, где он жил при институте, Николай Александрович, в те времена

¹ Деятели СССР... С. 173.

² РГАЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 107. Л. 1.

уже директор института и почетный академик, не ждал поклонов, а сам здоровался со всеми встречавшимися (и обязательно за руку): был ли то сотрудник института, жилец дома, дворник или играющие во дворе дети. И для каждого находил приветливое слово: у одного спрашивал, как идет работа; у другого спрашивался о здоровье, у ребят – о школьных успехах. Николай Александрович всегда присутствовал на всех институтских вечерах и культурных мероприятиях (нередко и приходил первым). В дни Октябрьской революции и Первого мая он сам выносил из института знамя и нес его обычно до угла просп. Маклина и Садовой улицы, после чего передавал постоянному знаменосцу – дворнику И.В. Суханову или коменданту И.Ф. Попутникову. Далее Николай Александрович шел уже налегке.

А вот пример его отзывчивости, доброты и внимания к сотрудникам. Однажды, будучи еще аспирантом, я серьезно заболел (жил я в то время в институтском доме, этажом выше квартиры Морозовых). Николай Александрович и супруга его Ксения Алексеевна, узнав о моей болезни, немедленно прислали своего личного врача, а вместе с ним (для поддержания сил) и целый короб продуктов питания (времена тогда были трудные, а аспирантский кошелек чаще бывал пуст): головку голландского сыра, баночку икры, масло, фрукты, а вдобавок и сообщение, что их домработница Дарья Петровна будет ежедневно приносить обед, так как больной, естественно, в столовую ходить не может. И это не исключение, не какое-то особое избирательно хорошее отношение, а правило: помочь человеку, если он в этом нуждается»¹.

Автор этого воспоминания – биохимик Николай Николаевич Яковлев не уточняет, в каком году все это происходило, но не ранее 1932 г., потому что Морозов уже был почетным академиком. С этого года и далее, вплоть до мировой войны, во время нее и после, продовольственного изобилия в СССР не наблюдалось, и, как справедливо отметил о любом из этих периодов Н.Н. Яковлев, «времена тогда были трудные». Поэтому перечень содержимого мешка доброго Деда Морозова читается даже в наше, совсем не голодное время, с чувством удивления и рождает эмоции да-

¹ Яковлев Н.Н. Вольная школа науки и просвещения: Санкт-Петербургская биологическая лаборатория – государственный естественнонаучный институт им. П.Ф. Лесгафта. Л.: Наука, 1990. С. 57–58.

лекие от тех, которые пытается вызвать у читателя Н.Н. Яковлев. Причем удивляет вовсе не безграничная щедрость Николая Александровича.

Привилегированное положение Морозова в справедливом социалистическом государстве всеобщего равенства выразалось самым очевидным образом. Продуктовое изобилие при общеизвестном существовании карточной системы и закрытых распределителей выделяло его обладателя несоизмеримо более, чем любые деньги, с которыми продукты надобно было еще «достать», или другие, не столь бросающиеся в глаза материальные блага.

Н.Н. Яковлеву вторит и сценарист документального фильма о Морозове Николай Александрович Сотников:

«Дело происходило после “головокружения от успехов”. В начале 30-х годов мы снова вернулись к карточной системе. Время было, попросту сказать, голодное. А в столовой у Морозовых постоянно был открытый или, вернее, накрытый стол с обильным угощением не только для меня и стенографистки, но и для многочисленной съемочной группы.

В любой момент к столу подходили и закусывали мотоцисты лихтвагена, шоферы, электрики-осветители, ассистенты режиссера и оператора и любые другие гости.

— Откуда такое великолепие? – спросил я у гостеприимной Ксении Алексеевны.

— А ничего особенного. Обоз из деревни прибыл, – языком Пушкина ответила хозяйка дома.

— Ничего не понимаю! – развел руками гость.

Оказалось, что Морозовы – последние помещики России. Они сохраняли доходы от имения в советское время по особому декрету ленинского Совнаркома.

Продукты из родового имения Борок Мологского уезда, ныне почти ушедшего на дно Рыбинского моря, пожизненно поступали сыну бывшего владельца.

Существовало это имение по статусу совхоза. Мне называли число десятин пахотных угодий, лугов, сада, голов рогатого скота и прочей живности.

Вот почему на столе съемочной группы не переводились все дни и вечера работы над “Кинолетописью” соления и копчения, поросята и гуси и прочие, диковинные по тем временам яства»¹.

¹ Сотников Н. Удивительная жизнь узника Шлиссельбурга // Волга. 1966. № 7. С. 140.

Сохранился рассказ о доброте семьи Морозовых и в военное время.

«В марте 1942 года три молодые женщины из деревни Починок Копринской волости, эвакуированные из Ленинграда, возвращались домой от “сицкарей”¹, куда ходили менять свои вещи на продукты. Поход оказался неудачным. С трудом удалось выменять два ведра рубленой капусты. Усталые и голодные, сели они отдохнуть на лавочке в Борке. К ним подошла жена Н.А. Морозова – Ксения Алексеевна. “Вы, наверное, устали и поесть хотите, – спросила она. – Пойдемте кто-нибудь со мной, я соберу вам покушать”. “Иди ты, Тоська”, – подтолкнули младшую женщины. В доме по указанию Ксении Алексеевны домашняя работница принесла холодца, затем сладкого киселя.

Для оставшихся женщин Ксения Алексеевна собрала холодца, пирогов и еще чего-то. На обратном пути она рассказала, что вышла встречать своего “лапочку”, как называла она Николая Александровича. Он должен прилететь из Москвы, где ему в Кремлевской больнице делали операцию. Расспросив женщин о их жизни, Ксения Алексеевна предложила младшей, видимо понравившейся ей, прийти к ней еще раз за продуктами. Примерно через неделю Тося пришла в Борок, где Ксения Алексеевна распорядилась выдать ей пуд муки и предложила прийти еще.

В это время Николай Александрович уже вернулся из Москвы и в задумчивости сидел в кресле. Обменялся с пришедшей несколькими фразами. Видимо, главное ему уже рассказала Ксения Алексеевна. Еще два раза посещала Борок копрячка, где ее снабжали продуктами, в значительной степени помогли пережить тяжелое время.

В настоящее время из этих трех женщин в живых только одна – младшая»².

Да и в самые спокойные времена пусть и незначай, но неисчезающее дореволюционное былое давало себя знать в привычной обыденности.

¹ Сицкари – группа русского населения живущего у р. Сить (в прошлом приток р. Ладоги, но не впадает в Рыбинское водохранилище), от которой они получили свое название.

² Волков А. Встречи Н.А. Морозова с копряками // Молога: Лит.-истор. сб. Вып. 2. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1996. С. 74–75.

О своем приезде в гости к Морозову в Борок рассказал в своей книжке «поэт-самородок» и «писатель из народа» Иван Петрович Малютин:

«Он (Морозов. – А.Ш.) сейчас же попросил старушку поставить самовар.

– Хорошо, барин! – сказала она и торопливо пошла на кухню.

Николай Александрович усмехнулся:

– Вот никак не отучим... Лет тридцать у нас уже живет, как родная нам, а старую привычку не может забыть»¹.

Приветливый демократ Морозов, оказывается, политически стоек до такой степени, что, будучи уже весьма пожилым человеком, не отказывается от счастья и чести лично пронести красное знамя до передачи его дворнику. К тому же Морозов «в своей директорской деятельности всегда опирался на партийную организацию, которая, в свою очередь, поддерживала все его начинания»². Перед читателями – портрет идеального советского руководителя.

Точность этой характеристики проявлялась даже в мелочах. Двадцать пятого мая 1938 г. Морозов сообщает жене: «Завтра надеюсь попасть в Академию и переговорить о предоставлении мне автомобиля и пр., хотя чувствую, что прекрасно обошелся бы и без него»³. Скромность в быту, как широко известно, всегда была свойственна советскому руководству.

О морозовской отзывчивости, доброте и внимании к сотрудникам мы еще поговорим. Пока же посмотрим, в чем заключалась роль Морозова-директора.

Даже в первые, отчаянные годы пребывания на директорском посту Николай Александрович находил возможность уезжать в Борок на длительное время. Его заместитель, биолог Иван Дмитриевич Стрельников, единственный в конце 1917 – начале 1918 г. охранявший Биологическую лабораторию и музей (это по его предложению Морозов стал директором), в письме от 8 февраля 1920 г., рассказывал о преодолении голода, холода и об опасности сыпного тифа в Петрограде. В частности, о состоянии институтских дел: «Дела у нас идут кое-как; затруднений фи-

¹ Малютин И.П. Воспоминания. М.: Сов. писатель, 1958. С. 86.

² Яковлев Н.Н. Вольная школа... С. 59.

³ АРАН. Ф. 543. Оп. 6. Д. 354. Л. 3.

нансовых – нет, – получаем деньги довольно исправно. Научной работы мало. Лишь Научные Собрания поддерживают жизнь. Общее мнение – Вам пока приезжать сюда не следует»¹.

Заставлять работать настоящих ученых или давать указания заместителям Морозова по научной работе нужды не было. Физиологи Леон Абгарович Орбели, Давид Яковлевич Глезер и деятельная помощница Морозова – управляющая делами института Екатерина Германовна Гедда свое дело знали, как и руководители отделения физиологической химии Николай Васильевич и Валентина Михайловна Веселкины, глава отделения микробиологии Василий Леонидович Омелянский, руководитель отделения ботаники Владимир Николаевич Любименко, руководитель отделения анатомии Анна Адамовна Красуцкая, глава отделения зоологии Константин Николаевич Давыдов, заведующий музеями Иван Дмитриевич Стрельников, заведующий отделением астрофизики Гавриил Адрианович Тихов и многие другие, не зря занимавшие свое место.

Вот почему «в своем кабинете Николай Александрович бывает нечасто и не подолгу»², может уезжать из Ленинграда в Борок на достаточно длительный срок, а во время и после Отечественной войны его руководство институтом и вовсе было чисто номинальным. Впрочем, небольшое уточнение следует сделать. Даже находясь в Борке, некоторые институтские дела не могли миновать его внимания. Так, 5 июля 1943 г. сотрудница института Лидия Николаевна Радлова после беседы ее мужа с заместителем начальника Управления Высшей Школы информировала своего директора о мероприятиях, связанных с юбилеем института:

«Если Вы хотите, чтоб Институт был отмечен (а мне кажется, что это, конечно, необходимо), то Вы должны написать письмо на имя Потемкина. В этом письме надо написать:

- а) характеристику Института, основные его достижения, его научную роль в современной военной жизни и т.д.
- б) Дать список лиц, которые должны быть отмечены и характеристика каждого из этих лиц в отдельности, и указать, как именно Вы хотите, чтоб эти лица были отмечены (приказом, премией, представлением на орден в правительстве и т.п.)»³.

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1793. Л. 5.

² Яковлев Н.Н. Вольная школа... С. 99.

³ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1520. Л. 16–16 об.

Роль директора института Н.А. Морозова была ценна не организацией научных открытий или педантичной вьедливостью во все институтские начинания.

Как объяснял Морозов Вере Фигнер еще в далеком 1906 году, «...иметь много знакомых очень важно, так как только при этом можешь оказывать услуги окружающим и чувствовать себя независимым от случайных обстоятельств»¹.

«Как старый революционер и общественный деятель, Николай Александрович имел многочисленные связи в партийных и правительственных кругах. Это помогало ему решать ряд трудных вопросов. Приезжая в Москву, Николай Александрович, минуя многочисленные канцелярские бюрократические ступени, обращался прямо к первоисточнику. Такие поездки в институте в шутку называли “поднятием чудотворной иконы”. Вспоминается такой случай: в институте внезапно вышли из строя котлы парового отопления. Помощник директора по административно-хозяйственной части, весьма добросовестный и энергичный Ф.В. Мазуркевич буквально сбился с ног, но ничего не смог сделать: в Ленинграде не было соответствующих котлов. Николай Александрович едет в Москву, в Наркомат тяжелой промышленности, прямо к Г.К. Орджоникидзе. И уже через неделю нужные котлы доставлены в институт. Аналогичным путем (через Москву или через ленинградские организации) добывалась дефицитная бумага для издания “Известий” института и другие необходимые вещи»².

Разумеется, по мере упрочения советского бюрократического аппарата у Морозова появились и другие неотложные занятия. Так, 5 февраля 1938 г. Николай Александрович написал В.Н. Фигнер, почему он никак не может приехать к ней в Москву: «В институте идет срочная работа по составлению плана занятий на предстоящий год, и хоть это лежит на обязанности ученого секретаря, но без моего просмотра и подписи ни одна такая бумага не может быть отправлена»³.

Возникает естественный вопрос, для чего 78-летнему, не очень здоровому человеку нужна вся эта морока при его известности и занятости. На этот вопрос Николай Александрович

¹ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Ед. хр. 604. Л. 21.

² Яковлев Н.Н. Вольная школа... С. 60–61

³ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Ед. хр. 604. Л. 209.

ответил в письме Александру Ивановичу Дворецкому от 1 января 1933 г. «Вы мне советуете оставить совсем должность директора в научном институте, чтоб всецело заняться научно-исследовательской работой. Я сам давно бы это сделал, если б, во-1-ых, не жалко было бросить учреждение, которое дало мне приют тотчас же, как вышла в свет моя первая работа “Периодические системы строения вещества”; и в связи с которым прошла вся моя вторая жизнь, а во-2-х, оно дает мне постоянный заработок, теперь 275 р. в месяц, что (в придачу к 300 р. персональной пенсии с убежищем на летнее время в моем бывшем имении “Борке”, о котором Вы имеете понятие из “Повестей моей жизни” и где теперь “Дом работы и отдыха Академии Наук” – в главном доме) обеспечивает мне материальную сторону жизни. Иначе, вместо директорства, которое облегчается тем, что я живу в здании самого института и, не выходя на улицу, могу посещать все лаборатории, мне пришлось бы искать другой “питательной” работы для содержания себя, своей жены, домработницы и поддержки других близких мне людей; пришлось бы искать другого заработка, несравненно менее оставляющего времени для научно-исследовательской работы¹.

При кажущейся откровенности ответа Морозов не рассказал Дворецкому еще об очень важных причинах сохранения за собой должности директора.

Научное руководство Морозов осуществлял на самом деле лишь в Астрономическом отделении, им же созданном в 1918 г. Об этом событии, конечно, давно рассказано, например так: «В конце ноября 1918 г. ходатайство Н.А. Морозова о создании нового научного отделения было санкционировано государственными органами, руководящими наукой, и выделены средства на приобретение инструментов и необходимого оборудования»². Но в данной информации не объясняется, зачем это отделение было создано. Научная деятельность Астрономического отделения института, в 1933 г. переименованного в лабораторию прикладной астрономии, заключалась в приложении астрономических методов к проблемам истории, т.е. отделение на самом деле являлось структурой, существовавшей исключительно для обоснования «историологических» построений Морозова.

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 2257. Л. 9-10.

² Павлова Г.Е. Н.А. Морозов – организатор и руководитель Петроградского научного института им. П.Ф. Лесгафта // Николай Александрович Морозов – ученый-энциклопедист. С. 181.

Еще одна практическая польза директорства заключалась в том, что Морозов получил возможность материально поддерживать своих помощников и даже легализовать их деятельность после принятия на службу сверх штата.

* * *

Первоначально тема будущей популярной книги прозвучала в 1929 г. в анекдотической форме. Некто А.М. Лихачев из Воронежа прислал Морозову письмо: «Прошу ответить мне на следующий вопрос: «Что нового вносит проф. Н.А. Морозов (Шлиссельбуржец) в метод исторического исследования и, вообще, что нового во взглядах Н.А. Морозова на исторические факты прошлого». Для ответа прилагаю 2 десятикопеечные марки». Резолюция Морозова на этом письме: «Ну что я ему отвечу даже и за 20 копеек??»¹

О необходимости такой книги Морозову написали еще 17 апреля 1930 г. из московского издательства «Работник просвещения»: «Многоуважаемый Николай Александрович! Ваш многоготовый “Христос”, представляющий собой смелый поход на историю, недоступен широким кругам учительства и учащейся молодежи. Нам казалось бы, что следовало в небольшой книжке (3–4 печ[атных] листа) дать краткий автореферат (популярно изложенный) Вашего огромного труда. Если бы Вы нашли время сделать это за летние месяцы, то мы в кратчайший срок выпустим Вашу книжку большим тиражом. <...> Причем мы думаем, что центр книжки будет не борьба с традициями историографии вообще, а именно проблема Христа как она стоит перед разбуженной мыслью советского читателя»².

Идея Морозову понравилась, но, разумеется, вовсе не в той ее части, которая предлагала его гениальное историческое открытие превратить в очередную антирелигиозную агитку для советского читателя с разбуженной мыслью. Сделать книжку так, как представлял себе Морозов тогда, не удалось, но замысел не умер.

Семнадцатого декабря 1932 г. Николай Александрович написал Александру Ивановичу Дворецкому письмо, где, в частности, с благодарностью принял его предложение: «Относительно резюме моей работы, как Вы предлагаете, в небольшом томе, у меня уже давно составилось впечатление, что для этого у меня *никогда*

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1063. Л. 1.

² Там же. Оп. 3. Д. 168. Л. 136.

не будет времени, а потому я и буду особенно признателен, если кто-нибудь другой, например Вы, продолжит мое (теперь уже и наше общее) дело»¹.

И это было только началом. В процессе работы планы начнут возрастать и множиться. Очень скоро Морозов признается Дворецкому: «Само собой понятно, что я был бы очень рад, если бы Вы написали изложение моих выводов по-немецки и попробовали бы, как пишете, распространить ее в английском, французском и шведском переводе. Очень был бы Вам благодарен: самому мне нет ни малейшей возможности бросить для этого продолжение моих исследований»².

А.И. Дворецкому, взявшемуся написать книжку для широкой публики с кратким изложением многотомного «Христа», Морозов 19 сентября 1934 г. сообщает: «Спешу Вас успокоить насчет Вашей рукописи. Она получена в полной исправности, я ее просмотрел бегло, и Ваше изложение очень мне понравилось. Раз начатое дело, конечно, надо закончить. Уезжая так спешно, я оставляю Вашу рукопись со своими в запертом шкафу. Возвращусь я в последних числах октября, и тогда Вы будете иметь возможность получить ее обратно. В ней 124 листа. Насчет оглавления я еще ничего пока не придумал. Потом увидим»³.

Прошедшее между этим и следующим письмами время было потрачено не напрасно. Третьего февраля 1935 г. Морозов пишет А.И. Дворецкому: «Дорогой Александр Иванович, на днях мы получили из Наркомпроса ассигновки на научные расходы в 1935 г. Мне удалось отстоять средства на переписку Вашей работы, оставив за Вами право напечатать ее от себя где хотите. Сегодня канцелярия послала Вам за вычетом своих расходов по переписке⁴. Было бы очень хорошо устроить Вас у нас в качестве внештатного сотрудника. Дипломов для этого не нужно, но нужен curriculum vitae и заявление на имя директора»⁵.

Все логично. Если самому Морозову не понадобилось дипломов для нахождения в директорском кресле, то зачем они нужны для сотрудника, тем более внештатного? К тому же Николай Александрович имеет возможность не мелочиться, расходуя

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 2257. Л. 8–8 об.

² Там же. Л.17.

³ Там же. Л. 18–18 об.

⁴ Узнав об этой мелочности, я распорядился дослать Вам остальные 1 р. 15 к. марками - Прим. Н.А. Морозова

⁵ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 2257. Л. 19.

государственные средства для продвижения в широкие массы своих идей. Одно плохо: в условиях вечного и всеобщего дефицита у самого института не хватает издательских возможностей, и поэтому Морозов вынужден просить Дворецкого попытаться самому решить эту проблему: «Относительно авторского гонорара, если книга будет издана институтом, Вы можете быть спокойны. Но дело в том, что институт при современном состоянии печатного дела и куче других рукописей едва ли сможет издать эту книгу в ближайшие годы. А мне придется направить все усилия на издание своих последних 3 томов “Христа” уже готовых к печати. Старайтесь сами, а я могу дать предисловие, как только уговоритесь с издателями»¹.

Разумеется, А.И. Дворецкий был не единственным среди тех, кто находился под щедрой директорской рукой. Восемнадцатого июня 1934 г. в письме к В.Л. Блюмену Морозов рассказал о расширении отделения прикладной астрономии в его «историологической» части и обратился к Владимиру Леонтьевичу с предложением: «А кроме того мы просим быть внештатными сотрудниками Вас, Сумакова и Эндимионова, и если Вы согласны, то пришлите хоть сейчас в Дирекцию Государственного Научного Института имени Лесгафта (Ленинград-8, проспект Маклина, 32) Ваше согласие и Curriculum Vitae², и Вас утвердит мой заместитель Давид Яковлевич Глезер. Когда я возвращусь осенью, то посмотрим, нельзя ли будет ввести Вас и в штат, на что необходимо соответственное расширение государственной дотации институту»³.

Уже 20 декабря 1934 г. неутомимый Блюмену сообщал Морозову:

«Мною получено извещение из Института им. Лесгафта о зачислении меня сверхштатным сотрудником по Лаборатории Прикладной Астрономии. В этом я вижу новое доказательство Вашей ко мне любви и внимания. Теперь очередной вопрос: о методах работы, о связи с Институтом, о налаживании работы.

Думаю, что к работе следует привлечь А.И. Дворецкого и других. Думаю, что Вы скоро будете в Москве, и тогда все эти вопросы и их практическое осуществление придется наладить.

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 2257. Л. 22 об.

² Краткая биографическая справка о работнике (лат.).

³ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 2218. Л. 66 об.

Посылаю Вам, Н.А., написанное мною произведение: “ВЕЛИКИЙ ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ СДВИГ” “МОЯ ПЕРЕПИСКА С ШЛИССЕЛЬБУРЖЦЕМ НИКОЛАЕМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ МОРОЗОВЫМ по поводу его научных, историко-хронологических, астрономических исследований, изложенных в его книгах ‘Христос’, т. I-VII”. Посвящается Н.А. Морозову, в связи с его 80-летним юбилеем. Москва, декабрь 1934 г.

Один экземпляр посылаю Вам. Другой думаю послать в библиотеку Всесоюзной Академии Наук. Третий в Ленинскую библиотеку (бывшую) Румянцевскую) в Москве. Четвертый экземпляр сохраняю себе.

Прошу Вас ознакомиться с моим писанием, и если Вы сочтете это нужным, то можно будет направить его куда-нибудь в Издательство»¹.

Это письмо с очевидностью характеризует как научные и литературные способности нового сотрудника Института, так и суть созданного им «писания».

Однако не стоит представлять, что научный потенциал помощников Морозова в астрономическом отделении олицетворял Л.В. Блюменау.

Среди сотрудников Николая Александровича были настоящие ученые, с которыми директор Института Лесгафта был очень давно знаком. Истоки этого знакомства отыскиваются в 1909 г.

Дело в том, что 13 января 1909 г. в Санкт-Петербурге было основано Русское общество любителей мироведения (РОЛМ). Сегодняшнему читателю слово «мироведение» необходимо объяснить. Оно означало изучение мира, т.е. Вселенной. А это подразумевало, что в научном поиске объединяются астрономы, геофизики, вулканологи и другие специалисты естествознания. Во многих работах указывается, что создателем и бессменным председателем Общества был Н.А. Морозов. Астроном и историк науки Виталий Александрович Бронштэн установил, что в этом утверждении справедлива лишь его вторая часть. РОЛМ было создано без участия Морозова, а сам он был приглашен занять пост председателя нового общества от имени учредительного собрания РОЛМ горным инженером Сергеем Владимировичем Муратовым, который, в свою очередь, стал его заместителем².

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 166. Л. 31.

² См.: Бронштэн В.А. Разгром Общества любителей мироведения // Природа. 1990. № 10. С. 122.

Если до революции Морозов являлся скорее «свадебным генералом», то после нее он выполнял те же функции, что и в созданном им Институте им. Лесгафта. Выживать Обществу любителей мироведения в условиях послереволюционной катастрофы было весьма непросто, несмотря на широкую его известность. По инициативе одного из самых активных деятелей РОЛМ, метеоролога, астронома и историка науки Даниила Осиповича Святского (если читатель еще не забыл, именно о жизни с ним сообщал в феврале 1918 г. Морозов: «Я живу пока рядом со своей квартирой, в комнатке астрономического отделения, на паях со своим ассистентом по этому отделению Святским и его женой. Кое-как питаемся...»), стал выходить журнал «Известия РОЛМ», переименованный в 1917 г. в «Мироведение», а число его членов быстро росло. Я еще расскажу о сотрудниках Морозова, знакомству с которыми он был обязан именно этому Обществу. Начавшаяся Первая мировая война, разумеется, отразилась на деятельности РОЛМ (сократилась переписка членов Общества и объем его печатных изданий, не состоялась планировавшаяся научная экспедиция для наблюдения солнечного затмения 8 августа 1914 г.), но никто и представить себе не мог, что самое ужасное ожидает РОЛМ после «победы народа». «Так, открывая 76-е Общее собрание РОЛМ, состоявшееся 21 марта 1917 г., Д.О. Святский поздравил присутствующих со свержением самодержавия и зачитал приветствия, поступившие в связи с этим событием в адрес председателя общества Н.А. Морозова, известного борца с царизмом. Для установления контактов с новым правительством РОЛМ направило в Петроградский Совет депутатов трудовой интеллигенции своих представителей В.А. Казицына и Д.О. Святского»¹.

1929 год вошел в советскую историю не только коллективизацией и раскулачиванием, но и разгромом разнообразных творческих обществ, союзов, кружков, нетерпимых своей самостоятельностью, самобытностью и уже самим фактом своего существования, противоречащим устанавливавшемуся в стране единомыслию. С некоторыми из этих обществ Н.А. Морозов имел давние связи. Так, 15 января 1931 г. он получил сообщение от знакомого ему еще с 1907 г. Николая Николаевича Ушакова, своего соседа, жившего в Мологе:

¹ Гаврикова Л.Ф. Н.А. Морозов и Русское общество любителей мироведения // Николай Александрович Морозов – ученый-энциклопедист. С. 169.

«Уважаемый Николай Александрович! До 1924 г. я был членом “Мологского Об-ва изучения родного края!”. Сейчас это Об-во обвиняется в Рыбинск[ом]. ОГПУ во вредительстве. Я лично – по доброй воле бесплатно за все время существования Об-ва (с 1920 г.) пожертвовал его музею 8 разных коллекций, напр[имер] Лекарств[енных] Растений (герб[арий]), насекомых, ископаемых и т.д. На это я потратил не один десяток лет жизни, труда, времени, денег. И теперь оказывается, что я этим будто бы “повредил” О-ву, так как вместо благодарности я с 15.XI.30 г. сижу в Рыбинской тюрьме, как “вредитель”. Об этой современной русской “несуразности” я Вам сообщаю как Почетному Председателю Об-ва, надеюсь, что Вы в моих интересах не преминете реагировать в центре надлежащим образом по поводу очевидного “перегиба”. Не откажите сообщить на прилаг[аемом] бланке о получении сего письма. С иск[ренним] пожел[анием] всего наилучшего *Ваш Н. Ушаков*

Из г. Мологи, Набережной ул., Ваш друг и друг Ваших сестер»¹.

Ответа не последовало, так как 27 февраля 1931 г. Ушаков просил Морозова сообщить, получал ли он его открытку от 15 января 1931 г. На этом послании Николай Александрович все объяснил: «Бесполезная переписка»².

Однако с РОЛМ у Морозова были несоизмеримо более тесные связи.

В апреле 1926 г. РОЛМ обязали зарегистрироваться в НКВД и ежегодно представлять сведения о каждом члене Общества, что, естественно, было выполнено. Но вот незадача: ученый секретарь РОЛМ Владимир Алексеевич Казицын вел дневник, где записывал и разговоры коллег, и события в Обществе. Таинственным образом дневник оказался в ОГПУ. Дальнейшие аресты, высылки и преследования получили обоснование...

В 1930 г. многие активные члены РОЛМ: Муратов, Казицын, Штауде, Тихов и др. были арестованы, а само Общество закрыто, что, впрочем, никак не отразилось на деятельности его бессменного председателя.

Вот судьба одного из активных сотрудников Морозова, который когда-то, в далеком 1914 году, критиковал книгу Морозова

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 931. Л. 10.

² Там же. Л. 11.

«Пророки», но трудами которого Николай Александрович пользовался.

Д.О. Святский был арестован 27 марта 1930 г. Тут-то ему и вспомнили, что еще 10 декабря 1917 г. по его предложению почетным членом РОЛМ была единодушно избрана графиня Софья Владимировна Панина, покровительница науки и культуры, одна из деятельных руководителей партии кадетов и товарищ министра просвещения Временного правительства. А еще он предложил назвать открытую им звезду именем Петра Великого...

В то время, когда один из известнейших членов Общества – Святский находился в тюрьме, председатель РОЛМ Морозов из своей статьи о деятельности Общества, написанной по заказу Всесоюзного общества по культурным связям с заграницей (ВОКС), вычеркивал все упоминания Святского.

Дело тут, разумеется, не в трусости или равнодушии. Просто директор Института должен прежде всего правильно определить как свою позицию, так и жизненные приоритеты. Первого мая 1931 г. Морозов рассказывал в письме Вере Николаевне Фигнер о происшедших переменах в руководимом им учреждении: «Орбели изнервничался совсем и настоятельно требовал ухода из замдиректоров на чисто научную работу по нашему физиологическому отделению, пришлось искать подходящего и обязательно партийного, так как теперь иного не утвердили бы: обязательно должен быть или директор, или заместитель. Я имел в виду очень хорошего человека В.И. Забрежнева, но его пришлось отбивать у Института Мозга. С большим трудом удалось это сделать через Молотова, иначе ничего не вышло бы. Кроме того, произошли аресты очень деятельных сотрудников, ты, верно, уже слышала, что О-во Любителей Мироведения приказало долго жить. Да и в самом деле оно уже сыграло свою роль. Но все же эти тревоги совсем выбивали из колеи, и научная работа запустилась. Однако VII том “Христа” сдал»¹.

«Очень хороший человек» Забрежнев уже успел побывать на должности заместителя директора Эрмитажа. Когда в конце 20-х – начале 30-х годов советское правительство нуждалось в валюте для социалистической реконструкции СССР, он бестрепетно ставил свою подпись под актами передачи для продажи картин из коллекций Эрмитажа. Что хорошего успел сделать за два года заместитель директора Забрежнев в Институте Мозга, созданном

¹ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Ед. хр. 604. Л. 205–205 об.

для изучения и последующего оживления мозга В.И. Ленина, я не знаю. Однако в качестве заместителя директора Н.А. Морозова он способствовал решению важного вопроса о выдвигании своего начальника в академики и до поры до времени оказался полезен. В апреле 1934 г. Морозов сообщал своему корреспонденту: «Забрежнев подыскал себе вместо пожилой жены молоденькую невесту и хотел обменять свою институтскую квартиру на более удобную с кем-то из своих знакомых»¹. Хозяйственный отдел Института обмену воспротивился, потому что эта квартира нужна научным сотрудникам института, да и Забрежнев оказался совсем не так хорош, как когда-то казался. Через пять лет он умер в больнице при Доме предварительного заключения. Что же касается арестов деятельных сотрудников Морозова, то, *во-первых*, раз уж Общество любителей мироведения «сыграло свою роль», то и переживать особо не из-за чего, а *во-вторых*, несмотря на все препятствия и невзгоды, пережитые Николаем Александровичем, удалось главное: наука не пострадала, потому что очередной том «Христа» ушел в печать.

Да и судьба Святского сложилась сравнительно удачно. После года тюрьмы он получил возможность в качестве «каналармейца» строить Беломоро-Балтийский канал. Вскоре его перевели в вольнонаемные, дали зарплату и паек, а потом и работу по специальности – метеоролога. В 1932 г., после освобождения, Святский жил в Ленинграде и даже смог закончить свой многолетний труд «Очерки по истории астрономии в Древней Руси», который увидел свет лишь в 1961–1966 гг. После убийства Кирова Святский с женой был сослан в Алма-Ату, оттуда в Актюбинск, где 29 января 1940 г., за две недели до окончания срока высылки, Даниил Осипович скоропостижно скончался, не дожив до 60 лет.

Еще трагичнее сложилась жизнь Казицына, который после доблестного труда «каналармейцем» был выслан в Саратов, где в 1933 г., после двух месяцев мучительной жизни безработного, он бесследно исчез. А у бывшего председателя РОЛИМ в неуютные 30-е годы были свои заботы. Так, на письме, полученном в 1935 г. от директора Королевской обсерватории в Бельгии Пауля Стробанта (Paul Stroobant), Морозов начертал: «Не ответил, так как Общество Любителей Мироведения было административно закрыто еще в 1928 году»².

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 2342. Л. 3.

² Там же. Д. 1798. Л. 2.

Еще один сотрудник Морозова по Институту, с 1930 г., был математиком, педагогом и историком техники. Он окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета, где одновременно слушал лекции на историко-филологическом факультете. Вацлав Ромуальдович Мрочек – бывший дворянин по рождению, бывший эсер, затем бывший левый эсер и, наконец, бывший член РКП(б), автор ряда книг по педагогике и истории техники – активно помогал Морозову в его работе над многотомным «Христом». И что самое главное, искренне верил в гениальные «историологические» построения Морозова. В 1935 г. Мрочек, постоянно искавший для работы настоящих «христиан» (так он называл сторонников и помощников Морозова) объяснял своему шефу: «Кадры работников – самый острый вопрос»¹. С этим Морозов не спорил, но, когда в августе 1937 г. его сотрудника арестовали, он даже не попытался вступить за него. В.Р. Мрочек был осужден без суда и расстрелян по стандартному обвинению, как «враг народа».

Николай Александрович Морозов, разумеется, не мог ничего изменить и каким-то образом реально помочь попавшим в жернова тоталитарной системы людям. Но характерная черта советского руководителя научного коллектива проявилась в том, что Морозов совершенно искренне перестал понимать людей, пытавшихся жить согласно своим убеждениям. Этот факт с очевидностью доказывает история, случившаяся с сотрудницей Института, талантливым ученым, относившейся к Морозову с огромным уважением, Ниной Михайловной Штауде.

Она родилась в образованной и религиозной семье. Окончила гимназию княгини Оболенской с правом на золотую медаль и физико-математический факультет Высших женских курсов. Штауде была одной из немногих девушек, сумевшей сдать экзамены и получить диплом I степени физико-математического факультета Петербургского университета. В 20-е годы она уже получила известность как астрофизик, исследователь метеоров, астероидов и оптики атмосферы. Нина Михайловна являлась деятельным членом РОЛМ и впервые была арестована в 1931 г. в процессе разгрома Общества. Ей удавалось и в ссылке, и в заключении выживать в чудовищных условиях и добиваться для себя, пусть и не на свободе, работы по специальности. Она отбывала сроки, возвращалась в Москву и Ленинград, потом ее снова арестовывали...

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1248. Л. 5 об.

Из большой переписки Н.А. Морозова и Н.М. Штауде я приведу фрагменты лишь трех писем Нины Михайловны.

30 января 1926 г.: «Искренние люди всегда будут уважать друг друга за стойкость своих убеждений, за проведение их в жизнь, но могут ли они работать под одним флагом, если эти убеждения слишком расходятся? Вы, вероятно, знаете, что я не только человек верующий, но считаю себя принадлежащей к Православной Церкви. Одной же из работ Астрономического Отделения официально выставляется Ваш “Христос”, который, может быть невольно, способствует антирелигиозной пропаганде и, во всяком случае, противоречит догматам Церкви.

Могли бы Вы сами на моем месте участвовать, если не фактически, то официально, и тут и там?»¹.

На месте Штауде Морозов никаким чудом очутиться уже не мог именно потому, что для него такого вопроса давным-давно не существовало.

Десять лет спустя, 20 января 1936 г. Морозов получил письмо от Нины Михайловны вместе с копией телеграммы, накануне отправленной ею по двум адресам:

«Кремль. Сталину. Совнарком. Молотову.

Я научный работник с двадцатилетним стажем член Стратосферной Комиссии Академии Наук выслана Ленинграда Уфу марте 1935 тчк Мнение академика Вавилова кавычка Нина Михайловна Штауде является выдающимся исследователем изучению стратосферы разработала способ определения плотности температуры различных высотах стратосферы давший важные результаты Большая работа печатается в Трудях Стратосферной Комиссии тчк Была одной наиболее активных участников Всесоюзной Стратосферной Конференции кавычка тчк Отзыв директора Института Лесгафта Морозова кавычка Несколько лет научный сотрудник Института проявила способным ученым большою продуктивностью работы неизменной добросовестностью ряд работ важных обороны страны проделан Институте тчк Пребывание сотрудником Института было очень ценно желательно дальнейшем кавычка тчк Прошу снять административную ссылку восстановить всех гражданских правах дать возможность продолжать научную работу Ленинграде или Москве тчк.

Нина Штауде тчк»².

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 2127. Л. 19 об. – 20.

² Там же. Л. 29.

На этом тексте Морозов написал: «Хорошая работница, но дура. Не отвечать».

У Николая Александровича был повод для раздражения. Его отзыв о ней, который привела Штауде в телеграмме высокому начальству, был написан им год назад для жительницы Ленинграда, а не для уже ссыльной. Вероятно, что-то о недовольстве Морозова Штауде узнала от его супруги Ксении Алексеевны, которой написала в письме от 18 марта 1936 г.: «Я не рассчитываю обязательно на благоприятный ответ, но какой-нибудь ответ я получить должна, и пока его нет, не только имею право, но даже считаю себя обязанной добиваться справедливости. Я очень огорчена, что доставила Ник[олаю] Ал[ексанровичу] неудовольствие, но, при всем желании быть строгой к самой себе, я не могу видеть в своем поступке ни тени "злоупотребления"»¹.

Астрофизик и математик Н.М. Штауде еще не раз будет писать Морозову и его жене о своей работе и жутком быте из дальних углов нашей страны. Она закончит свою долгую жизнь монахиней и так никогда и не узнает, что думал о ней стойкий в своих убеждениях революционер, ученый-энциклопедист, почетный член Академии наук и всегда отзывчивый на чужое несчастье директор Института.

* * *

Мир, в котором жил Морозов, был жесток и суров. В 1940 г., сообщая одному из своих корреспондентов об очередной неудачной попытке издать последние три тома «Христа», Морозов жаловался: «А окружающее очень тягостно для меня потому, что я не чувствую себя в силах помогать своим друзьям и знакомым. Вот хоть, например, в Вашем случае. Вы, как и множество других, присылаете мне очень хорошую статью, с просьбой посодействовать ее напечатанию, а я чувствую себя бессильным. Перед дверьми всех издательств стоит еще большая очередь, чем я сегодня видел перед молочным ларьком (занят толпой весь квартал). Но очередь перед издательствами много хуже: перед ларьком только толкаются локтями, а в перед-издательской очереди еще стараются вышвырнуть, забрызгав грязью»².

Но в любых обстоятельствах Морозов обладал счастливой способностью делать этот неудобный мир вполне комфортным

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 6. Д. 557. Л. 13 об. - 14.

² Там же. Оп. 4. Д. 2443. Л. 1 об. - 2.

для себя, несмотря ни на что или вопреки всему: «Как-то надо было сфотографировать Николая Александровича для стенгазеты. Спрашиваю: “Когда можно прийти?” – “А когда хотите, я ведь с солнышком встаю”. Конечно, “с солнышком” идти я не решился, а позвонил около десяти утра. Было воскресенье. Открывает Дарья Петровна: “Что Вы, что Вы! Еще спят, приходите часов в 12”. Пришел я в половине первого и застал Николая Александровича только-только заканчивающим завтрак. Он утверждал: “Я в крепости привык спать на досках и теперь сплю на жестком”. Однажды, когда я ставил ему банки, я обнаружил, что на кровати действительно лежат доски, но поверх досок... пушистая мягкая перина»¹.

Если речь не шла о политике, Морозов всегда был готов проявить добродушие и оказать посильную помощь. Так, 12 ноября 1938 г. он объяснял своему сотруднику А.Ф. Эндимионову необходимость своего спешного приезда в Москву: «По-видимому наши физиологи что-то наблудили (не в политическом отношении!) и теперь хотят спрятаться за мою спину»². А иногда, впрочем не в очень безнадежном случае, даже «политика» не препятствовала директору ходатайствовать за своего сотрудника. Так, за Семена Ивановича Радченко («он человек честный, энергичный, преданный науке научный работник, временно исполнявший и должность помощника директора по административно-хозяйственной части в нашем институте») Морозов просил видного советского и партийного деятеля Григория Ивановича Петровского: «...его отец – лишенец... Может быть, и Вы придете к тому заключению, что в деле его отца произошла одна из тех отдельных ошибок, о которых не раз говорили в нашей официальной печати»³. Если даже официальная печать признавала, что «отдельные ошибки» в селекционном потоке советских граждан имели место, то, разумеется, в том случае, если сам Григорий Иванович согласится, может быть, к просьбе Николая Александровича можно отнести и снисходительно.

Благодарные Морозову сотрудники всегда были готовы на ответные теплые чувства.

Дело в том, что выразить свою любовь и признательность знаменитому революционеру и ученому всегда были готовы множество людей: от высокого начальства до граждан, которым это было положено по штату. Самым удобным поводом для этого

¹ Яковлев Н.Н. Вольная школа... С. 62.

² АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 2428. Л. 24.

³ Там же. Д. 2355. Л. 1-1 об.

были юбилеи Николая Александровича. Вот что сообщал в письме о праздновании своего семидесятилетия Морозов жене в мае 1924 г.:

«Юбилей прошел много лучше, чем я ожидал, даже очень трогательно. Был абонирован Михайловский театр, и публики было более 3000 человек, все полно. Первым говорил приветствие Ионов, потом Луначарский, затем Прибылев от О[щест]ва Политических, потом Швецов от народолюбцев и Евтихий Карпов, потом от разных других групп и очень трогательный адрес от Шлис[сельбургских] Пор[оховых] заводов, и женщины поднесли огромный букет.

Все очень меня хвалили и после речей целовались со мной на сцене, которая была устроена в виде общей тюремной камеры, даже с часовыми по бокам ее. Потом были три отрывочные пьесы из жизни политических, балет “Эсмеральда” и концертное отделение. После речей я благодарил и прочел три стихотворения. Привезу газету об этом»¹.

Шлиссельбургские пороховые заводы и поселок при них в 1922 г. были удостоены чести носить имя знаменитого революционера, чем и объясняется присутствие их представителей на юбилее.

Торжественные даты проходили счастливой чередой. В 1929 г. народолюбец и журналист Александр Мефодьевич Редько, поздравляя Морозова с 75-летием, заметил об очередных праздничных мероприятиях: «Но в таких случаях никто ничего нового обыкновенно не сообщает. Все говорят об одном и том же: о том, что Николай Александрович милый, даже “ужасно милый” (в полярности этих терминов никто не находит странность) и что все рады...»²

С течением времени радость все заметнее выплескивалась на страницы газет: «Сегодня в Большом зале Выборгского дома культуры состоялось чествование Н.А. Морозова в связи с его 80-летием. На чествование юбиляра собрались люди, имена которых широко известны трудящимся Советского Союза.<...> Феликс Кон яркими красками рисует портрет Н.А. Морозова, человека, который 60 лет своей жизни провел в неутомимой борьбе, который родился в эпоху крепостничества и дожил до эпохи со-

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 6. Д. 351. Л. 71 об.

² Там же. Оп. 4. Д. 1536. Л. 2.

циализма. <...> С приветствиями Морозову выступили ученые, политкаторжане, представители научных организаций. Делегация краснофлотской части объявила о зачислении Морозова почетным краснофлотцем Балтики. Под бурные аплодисменты были оглашены приветственные телеграммы наркомпроса тов. Бубнова и секретаря ленинградских областного и городского комитетов партии тов. Кирова»¹.

Феликс Яковлевич Кон, видный деятель Коминтерна, много работавший в Обществе политкаторжан, до конца жизни трудился редактором журнала «Наша страна». Ему посчастливилось умереть своей смертью во время эвакуации из Москвы. Народному комиссару просвещения РСФСР Андрею Сергеевичу Бубнову через четыре года после этого морозовского юбилея придется погибнуть как «врагу народа». Меньше полугода осталось жить и С.М. Кирову.

Но пока все не устают радоваться поразительной жизни юбиляра, которому больше нет необходимости, как в царские времена, выбирать между революцией и наукой: «Пролетариат завоевал ныне положение, исключаящее это противоречие, – научно-исследовательская работа стала одним из сильнейших оружий в арсенале борьбы за построение социализма. И Н.А. предается ей сейчас, несмотря на свои 80 лет, с юношеским пылом и уже не терзается никакой раздвоенностью»².

В честь юбиляра малая планета, открытая астрономами Пулковской обсерватории, получила название «Морозовия». Его имя присвоено кратеру на обратной стороне Луны.

Однако в этих празднованиях при всей художественности и торжественности происходящего не было какого-то завершающего штриха, победного символа.

Почувствовал и смог исправить это к очередному празднику один из деятельнейших сотрудников Николая Александровича – В.Л. Блюменау. Третьего марта 1939 г. он сообщал о своих планах художнице Хлебниковой: «Мы здесь хлопочем о награждении его (Н.А. Морозова. – А.Ш.) к 85-летнему юбилею к лету 1939 г. орденом Ленина. В Институт Лесгафта мы, несколько научных работников в Москве, послали просьбу о поддержании нашей просьбы. Такую же просьбу направляем в Академию Наук СССР.

¹ 80-летие Н.А. Морозова // Правда. 1934. 8 июня.

² Белов М. Н.А. Морозов. К 80-летию со дня рождения // Экономическая жизнь. 1934. 6 июня.

Если эти учреждения ничего не сделают, то посылаем ходатайства самостоятельно от себя»¹.

Мобилизация общественности, отработанная еще во времена непростого продвижения Морозова в академики, и здесь принесла свои плоды. Впрочем, как и в случае с Академией наук, результат оказался немного меньше ожидаемого: «...на представление О.Ю. Шмидта, руководившего тогда Академией наук, наградить почетного академика в 1939 г. в связи с 85-летием орденом Ленина В.М. Молотов отреагировал так: “Не следует человека, всю жизнь бывшего идейным противником Ленина, награждать орденом его имени”; и ученый был удостоен тогда лишь ордена Трудового Красного знамени»². Но и В.Л. Блюменау, и Н.А. Морозов все равно остались довольны. Семнадцатого октября 1939 г. Владимир Леонтьевич с удовлетворением сообщал Хлебниковой: «Несколько дней гостил у меня Н.А. Морозов, получая орден Трудового Красного Знамени»³.

В «Адресе», поднесенном Н.А. Морозову в день его 85-летия благодарными сотрудниками, были и такие признания:

«Ваша вечно юная и пылкая фантазия увлекает Вас в такие области, куда многим из нас трудно следовать за Вами. Мы с изумлением следили за непрерывной работой Вашей мысли.

Озирая пройденный Вами жизненный путь и время, проведенное Вами в нашем учреждении, мы можем гордиться тем, что нам пришлось работать под Вашим руководством и содействовать этим социалистическому строительству нашего отечества»⁴.

Пройдет не так уж много времени, и задуманное Блюменау высокое награждение еще дважды воплотится в жизнь. В 1944-м и победном 1945 году к полученному не без помощи Владимира Леонтьевича ордену добавятся еще два: на этот раз это будут ордена Ленина. Никакие былые идейные разногласия не мешают Морозову принять эти награды с благодарностью. И даже В.М. Молотов возражать не станет. Потому что Николай Алек-

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 2464. Л. 16.

² Шмидт С.О. «Феномен Фоменко» в контексте изучения современного общественного исторического сознания // Исторические записки. 2003. № 6. С. 345.

³ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 2464. Л. 20.

⁴ Известия Научного Института имени П.Ф. Лесгафта. Т. XXIII. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 8.

сандрович, вне всякого сомнения, честно заслужил их всей своей советской жизнью.

Заслуги директора Института Морозова не раз привлекали внимание исследователей. Так, О.А. Сайкин и К.Б. Серебровская утверждают: «Трудами Института постоянно интересовались Советское правительство и лично В.И. Ленин». Этот исторический вывод они сделали на основании вот этого документа:

«Из письма Морозова к В.И. Ленину. Москва, проездом, 11 авг. 1921 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Ильич, проездом через Москву, из Петрограда в Рыбинск, хочу передать Вам новый том Известий Института им. Лесгафта для ознакомления с его деятельностью (первые три тома, вышедшие под моей редакцией, я Вам посылал в прошлый проезд) и, кроме того, посылаю вторую книжку моих “Звездных песен”...

С сердечным пожеланием провести Россию через этот бурный и грозный период к лучшему будущему.

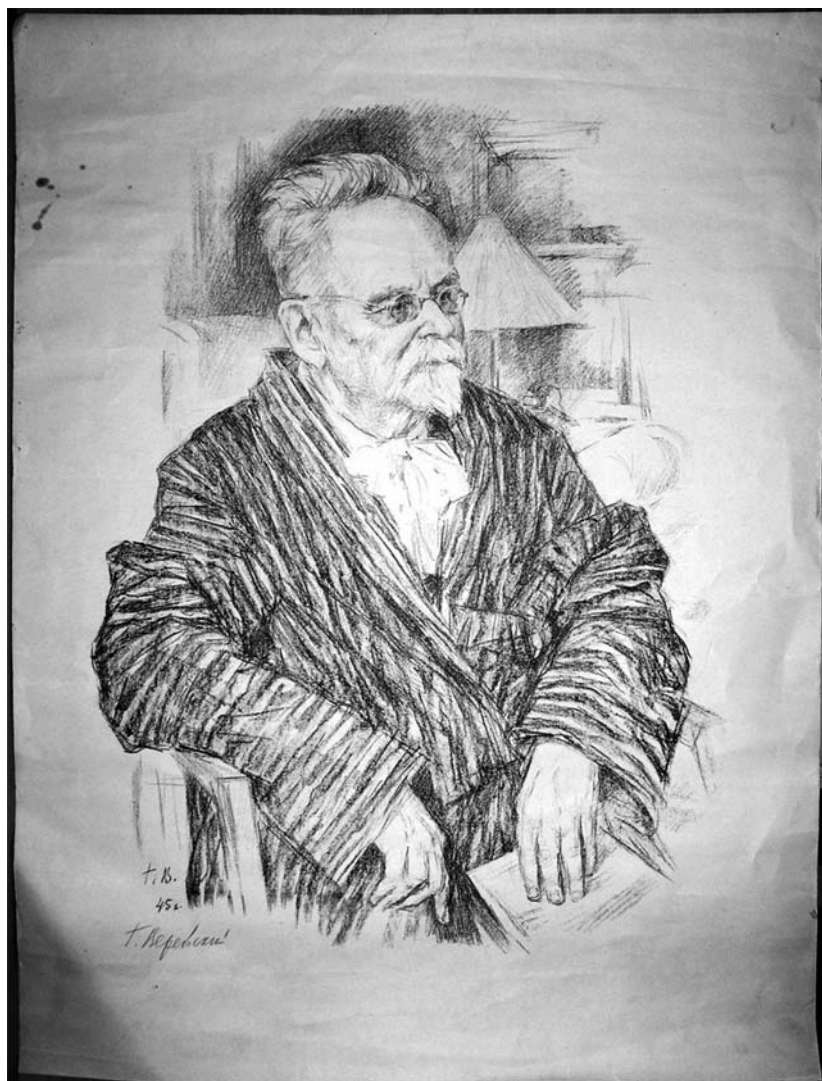
*Николай Морозов*¹.

Какие же еще нужны бесспорные доказательства?

Несмотря на постоянный интерес советского правительства к трудам Института и любовь сотрудников, положение дел в руководимом Морозовым учреждении оставляло желать лучшего. В недатированном письме Морозова к В.Н. Фигнер он поделился своими заботами 1939 г.: «А хуже всего то, что в институте возник внутренний раздор между различными отделениями. После того как Орбели был выбран в академики, у всего его отделения закружились головы, и они стали смотреть на остальные отделения как на ненужные прибавки, что, конечно, вызвало противодействие с их стороны. Не знаю, чем это кончится, стараюсь не беспокоить Ксану но у самого на душе беспокойно (не за себя, а за институт). Жаль, если он будет рассортирован по другим учреждениям, как это пытались сделать наши физиологи, желающие сделать свое отделение базой Павловского Физиологического Института, где директором назначен Орбели. <...> Теперь идут интриги, чтоб добиться этого, расчленив институт на части, а я сопротивляюсь и буду сопротивляться, надеюсь, до победного конца»².

¹ Сайкин О.А., Серебровская К.Б. Жизненный путь Николая Александровича Морозова // Николай Александрович Морозов – ученый-энциклопедист. С. 26.

² РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Ед. хр. 604. Л. 221–222 об.

Верейский Г.Е. Портрет Морозова. 1945.
(АРАН Ф. 543. Оп. 2. Д. 661).

Представить себе, что академика Леона Абгаровича Орбели, создателя оригинальной и обширной физиологической школы, и его подчиненных заботит прежде всего наука, а не необходимость сохранения в неизменном виде Института под руководством почетного академика Морозова, Николай Александрович никак не мог.

И в заключение главы – последний штрих из жизни Института, руководимого Морозовым «до победного конца». Второго декабря 1945 г. переживший блокаду Ленинграда давний сотрудник Морозова – биолог Иван Дмитриевич Стрельников написал своему номинальному директору большое письмо, в котором объяснил, что после войны Институт в прежнем виде сохраниться не может. Стариков осталось мало и их сил недостаточно, а молодежи нет. В Наркомпросе предложили «искать другого хозяина», потому что в их ведомстве научно-исследовательские институты не нужны. Решение, которое предлагалось еще в начале 1939 г., и от которого Морозов, как всегда поддержанный своими сотрудниками отказался, снова необходимо. Институту лучше слиться с Институтом физической культуры, а его Астрономическое отделение должно отойти в Академию наук. Сам же Морозов должен стать почетным директором. «Я прошу Вас, Николай Александрович, еще раз обдумайте судьбу И-га. Вы продолжили дело Лесафта. В последние 4½ года Вы не видели И-га. Он сейчас в трудном положении. Судя по тому, что всю обстановку и вещи в Вашей квартире в И-те упаковали для перевозки в Москву, где <...> у Вас будет квартира, Вы не сможете непосредственно руководить И-том, как в прежние годы»¹.

Любопытно, что человек, в далеком 1918 году предложивший избрать Морозова директором, уже после войны вежливо объяснял своему шефу, который не видел Института четыре с половиной года, что «непосредственно руководить» Институт он не сможет. Но не было еще такого случая, чтобы Морозов оказался не прав.

В 1957 г., через 11 лет после смерти бессменного руководителя, научно-исследовательское учреждение столь чрезвычайно широкого профиля было расформировано. Его десять отделений (от физиологического до прикладной астрономии) вошли в соответствующие профильные академические институты, что было вполне естественным.

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1794. Л. 39.

Глава пятая ПОЭТ, ПИСАТЕЛЬ, МЕМУАРИСТ

В те времена, когда Николай Александрович еще не догадывался о своих административных талантах и был далек от покорения академического Олимпа, ни он, ни большинство окружающих его даже не сомневались, что знаменитый узник Шлиссельбурга после своих нашумевших ученых сочинений известен более всего как литератор, чье творчество никого не оставляет равнодушным. Это подтверждает даже бытовой факт, о котором сообщил Морозов из имения Борок своему биографу Людмиле Яковлевне Круковской 16 июня 1909 г.: «Но только я должен сказать Вам, что главный источник моего существования – это литературный заработок, и потому я могу употреблять свое время на посторонние дела лишь в очень ограниченном количестве»¹.

О том, что входило в понятие «литературный заработок» Морозова, дает представление фрагмент его письма Круковской от 14 апреля 1911 г. Рассказав о своих поездках с лекциями по России («Все время был среди толпы людей, переходя из вагона на эстраду, а с эстрады на торжественный ужин с речами и вновь в вагон»), он перечислил, какие дела ожидали его в домашнем кабинете, помимо полутораста писем, по возвращении в Петербург: «1) Семь печатных листов редактируемой мною корректуры книги Кольрауша (дифференциальные и интегральные исчисления) с тремя напоминаниями из типографии о немедленном исправлении и возвращении для освобождения шрифта. 2) Двадцать восемь длинных бумажных полос-гранок моей собственной книги “Функция” с невероятным количеством опечаток в математических формулах на каждой странице. 3) 83 статейки для “Технической энциклопедии” издание “Просвещения” половину уже в гранках

¹ РГАЛИ. Ф. 255. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 1 об.

для редакторской корректуры, а другую в рукописях для просмотра и с требованием (два письма) о скорейшем доставлении, чтоб не задерживать выпусков. 4) Два письма о немедленном изготовлении 120 клише и окончания статьи «Вселенная» в 15 печатных листов для «Итогов науки», так как приблизилась пора печатанья моих выпусков, а у меня только черновые наброски! 5) Ряд телефонных звонков от Цитрона (Марк Львович Цитрон, редактор книгоиздательства «Сотрудник». – А.Ш.) приехавшего из Киева, для того, чтоб я разобрал около 2000 страниц Детской Энциклопедии (по-английски) и указал, что надо из нее переводить... А в полутораста писем столько поручений, что закружилось в голове»¹.

Его точка зрения в вопросах литературных была для многих любопытна. Вот почему издательство «Заря», предложив ответить на свою анкету ряду известных людей: литераторам Андрею Белому, Алексею Ремизову, Сергею Маковскому, актеру и режиссеру Всеволоду Мейерхольду, художнику Мартиросу Сарьяну, историку Александру Кизеветтеру и др., посчитало необходимым обратиться и к Морозову:

«Каков мой взгляд на “национальные черты” современной русской мысли в литературе? – Думаю, что всякая истинная культура есть культура общечеловеческая. Национальные черты – это как бы отдельные ноты в общем музыкальном аккорде. Всякая национальность, приобщаясь к мировой культуре, вносит в этот аккорд новую ноту, делает его полнее. Таково же значение и отдельных течений внутри какой-либо самостоятельной литературы. Это только как бы обертоны на ее основном тоне. Но нет такой национальной или интернациональной ноты в литературе, которая не стремилась бы перейти в другие литературы и сделаться таким образом общечеловеческой. В этом смысле и русская мысль со всеми ее самобытными течениями, несомненно, окажет свое влияние на развитие мировой мысли, как и эта последняя всегда влияла и всегда будет влиять на русскую литературу. В отдаленном будущем все эти национальные реки и ручейки сольются в общем океане общечеловеческой мысли».

«Каковы мои мысли о причинах необычайного развития индивидуализма в современной русской литературе? – Это реакция против слишком сильного – для нашей современной стадии нравственного и общественного развития – увлечения коллективизмом и народничеством, господствовавшим в предшествовавшие годы».

¹ РГАЛИ. Ф. 255. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 15 об. – 17.

Несмотря на пророческую ясность морозовской мысли, на последний поставленный перед ним вопрос: «*Каково ближайшее будущее русской литературы* – последовал ответ: «Оно покрыто мраком неизвестности»¹.

Об известности Морозова-литератора свидетельствует и такой факт. В 1912 г. обладатель большой библиотеки и крупный петербургский коллекционер Эрнест Петрович Юргенсон обратился к Николаю Александровичу с просьбой подарить ему какую-нибудь свою рукопись, чтобы приобщить ее к своему огромному собранию, в котором представлены почти все знаменитые русские писатели².

Когда появлением огромного, изумительно изданного тома был отмечен юбилей знаменитого книгоиздателя Ивана Дмитриевича Сытина, в нем никак нельзя было обойтись без портрета Морозова и его слов:

«Книга – это волшебница. Книга преобразила мир. В ней память человеческого рода. Она рупор человеческой мысли. Мир без книги – мир дикарей и, может быть, мир людоедов.

И человечество всегда было справедливо к книге. Во все времена и у всех народов литературная деятельность считалась самым почетным родом труда.

И так будет до тех пор, пока мыслящее человечество существует на земле.

Николай Морозов»³.

Так что популярным на литературном поприще Н.А. Морозов безусловно был. Хотя иногда его широкая известность могла лишь навредить. Своему «дорогому другу Верочке», как обычно обращался к В.Н. Фигнер Морозов, уже в феврале 1911 г. он объяснил, почему присланный ему ею перевод французского романа он еще не успел пристроить: «Дело в том, что мои рекомендации уже давно потеряли всякий вес у редакторов и издателей, вследствие того что я *никому* не отказываю в рекомендации. Кто бы ни пришел с увесистой тетрадью романа, или критики, или перевода, или стихов, прося меня дать ему рекомендацию в ту или другую редакцию, тому или другому издателю, – я ему сей-

¹ Куда мы идем? Настоящее и будущее русской интеллигенции, литературы, театра и искусств: Сб. ст. и ответов. М.: Заря, 1910. С. 107, 108.

² См.: АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 2177.

³ Полвека для книги: Литературно-художественный сборник, посвященный пятидесятилетию издательской деятельности И.Д. Сытина. М., 1916. С. 320.

час же даю таковую, конечно в общих чертах: рекомендую Вам такого-то, который желал бы поместить у Вас статью, и т.д.

А так как новые и начинающие авторы осаждают меня толпами и за зимний сезон приходится давать по полтораста и больше рекомендаций, то редактора и издатели приходят только в ужас при виде моей карточки или рекомендуемой мною рукописи. Вот почему я и боюсь, что в моем лице ты выбрала самого неподходящего ходатая из всех в России»¹.

Не случайно называли Николая Александровича «ужасно милый».

В многочисленных биографиях Морозова непременно указывается, что за несколько антиклерикальных стихотворений своей книги «Звездные песни» он был приговорен Московской судебной палатой к годичному заключению в Двинской крепости. Дело в том, что те несколько стихотворений из этой книги, которые поставили поэту в вину, публиковались Морозовым в 70-х годах XIX в. еще до заточения в Шлиссельбурге, поэтому было странно наказывать за них автора уже после амнистии 1905 г. Нелепость обвинения усугублялась тем, что в 1906 г. эти же стихи были напечатаны в сборнике «Из стен неволи», свободно и легально продававшемся в России. Не говоря уже о том, что поэт, оказавшийся за решеткой из-за своих стихов, вызывает интерес и симпатию уже самим фактом преследования его властью. И разумеется, прямо противоположные чувства вызывает власть, позволяющая себе подобное. Так что несправедливый и глупый приговор Морозову лишь добавил ему популярности у подавляющего большинства тех, кто мог никогда не читать его стихов.

Гораздо меньше известно, что на книгу Морозова написал свой, не имеющий никакого отношения к политике отзыв, поэт Николай Гумилев:

«Трах, трах, трах!
Та-ра-рах!
Кто гремит
На горах?
Это бог
Барамбог.
Есть бобы и горох!
Ой ты бог
Барамбог!

¹ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Ед. хр. 604. Л. 75-75 об.

Ты не ешь
 Весь горох!
 На свой пир,
 Командир,
 Пригласи ты весь мир!

Что это? Пародия на Ивана Рукавишникова? Нет, это стихи Николая Морозова. Это его юмор. А вот и серьезные стихи:

Искал он к правде путь далекий
 В юдоли лжи и пошлых дел.
 Его окутал мрак глубокий,
 А с неба светоч не горел.

и т.д.

Вот собственно звездные:

На лазурной гемисфере,
 Там, где Млечный Путь блестит,
 Появился в атмосфере
 Над землей метеорит.

и т.д.

Неужели в почтенные лета автора можно дебютировать книгой стихов, имея подобный запас образов, приемов и закристаллизованных переживаний? Или это та научная поэзия, о которой столько говорят во Франции Ренэ Гиль и его сторонники? Нет, там все построено на искании синтеза между наукой и искусством, а в стихах Николая Морозова мы не видим ни того ни другого. Одно великолепное презрение к стилю, издевательство над требованиями вкуса и полное непонимание задач стиха, столь характерные для русских поэтов-революционеров конца XIX столетия, да разве еще шаблонность переживаний, тупость поэтического восприятия и бесцеремонность в обращении с вечными темами – вот стихи Морозова.

И с горьким упреком хочется сказать этому герою наших дней, шлисельбургскому узнику, ученому и врагу царей от лица оплевываемой справа, попрекаемой слева, робко притаившейся современной русской поэзии:

Зачем вы посетили нас
 В глуши забытого селенья?»¹

¹ Гумилев Н. «Звездные песни». М.: К-во «Скорпион», 1910 // Аполлон. 1910. № 9. Июль–август. С. 37.

О «Звездных песнях» в разделе «Критика и библиография» своеобразно высказался В. Львов-Рогачевский: «Стихи Николая Морозова можно отнести к научной поэзии, и «Скорпион», издавая их, вероятно, имел это в виду. <...> Конечно, эстеты будут говорить, что Ник[олай] Морозов – не поэт, что его стихи написаны наивно, по старинке, что автора совершенно не коснулась двадцатипятилетняя работа над формой стиха, что, наконец, его научная поэзия напоминает ломоносовские вирши... <...> И все-таки астроном-шлиссельбуржец, с его несовершенными стихами, оказался одним из зачинателей нового периода. <...> Стихи Ник[олая] Морозова, пришедшие “из стен неволи”, ценны для нас как невыдуманный документ, и во всех этих стихах на первом плане – не личные невзгоды, не страдания, не вопли об одиночестве, а всегда “стремление к звездам”»¹.

В письме к известному поэту Валерию Яковлевичу Брюсову 1 октября 1910 г. Морозов о рецензиях на эту его книгу высказался, неумело пытаясь скрыть обиду: «О “Звездных песнях” была хорошая рецензия в «Современном мире» и пристрастная в “Аполлоне”. Она меня не очень огорчила, так как в ней ясно видна предубежденность»².

Морозов не случайно мог откровенно сказать Брюсову то, что думал. В отличие от многих других Валерий Яковлевич сумел справедливо оценить стихи Николая Александровича ранее всех прочих, когда под псевдонимом Гармодий он так высказался о сборнике стихов Николая Морозова: «Стихи такого человека не могут не быть интересны, хотя бы как психологический документ»³.

Без предубеждения высказался и Александр Блок, услышавший в октябре 1908 г. выступление Морозова: «...когда Н.А. Морозов читал свои стихи – тоже плохие, конечно еще гораздо хуже плещеевских. Но, когда он читал их, я слышал, что он хотел передать ими слушателям, видел по приему и по лицам аудитории, что ему удалось это...»⁴ Блок понял и объяснил причину. У новых поэтов *ореола общественного* не было.

Даже к откровенно высказанному мнению близкого человека о «Звездных песнях» Морозов относится философски. 11 фев-

¹ Современный мир. 1910. № 8. С. 103.

² Вопросы литературы. 1976. № 7. С. 191.

³ *Гармодий*. Николай Морозов. Из стен неволи: Шлиссельбургские и другие стихотворения. СПб.: Донская Речь, 1906 // Весы. 1906. № 6. С. 71.

⁴ *Блок А. Вечера «искусств»* // Собр. соч. Т. 5. Проза 1903–1917. М.; Л.: Гослитиздат, 1962. С. 308.

раля 1910 г. Вере Николаевне Фигнер он отвечает на ее письмо: «Дорогая Верочка! Прочитав твою “брань” моих стихов, прежде всего огорчился, что они тебе не понравились», – но вскоре успокоился, когда пришел к заключению – «что Добролюбовский “Свисток” был прав, когда писал, что не стоит стараться хорошо писать:

Верьте, любая статья
Встретит горячих ценителей –
Каждую будут бранить!!».¹

Обращать же внимание на скромную критику советского времени и вовсе не стоило. Хотя одно мнение – переводчика, историка литературы Игоря Стефановича Поступальского – привести, как мне кажется, стоит за точность и справедливость:

«Н. Морозов не стал выдающимся поэтом из-за отсутствия у него серьезной поэтической культуры. Действительно, если условно разложить любое его стихотворение на “форму” и “содержание”, сразу же станет ясным, насколько внешняя оболочка (устаревшие рифмы, бледные эпитеты, изношенные метры) уступает внутренней сущности (новые темы, научное мировоззрение и т.д.).

Однако Н. Морозов как подлинно передовой человек отлично сознавал необходимость новых поэтических форм (“нам тесны стали пять старинных ритмов классической поэзии, эти хорей, ямбы, дактили, амфибрахи и анапесты...”), и, если у него не хватило сил для создания совершенных образцов, за ним все же остается одно из наиболее почетных мест в рядах пионеров научной поэзии»².

Зеркальная ситуация с научной биографией. Раз у Морозова «не хватило сил» стать настоящим поэтом, то пусть займет место поэта «почетного».

Ни малейшего сомнения в поэтической ценности собственных творений у Морозова, разумеется, нет. В то раннее советское время, о коем Николай Александрович отзывался тогда весьма красноречиво и когда, как известно читателю, Морозов тщетно пытался где-то устроиться на службу, он 26 октября 1918 г. отправил Константину Васильевичу Сивкову в книгоиздательство «За-

¹ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Ед. хр. 604. Л. 55.

² Поступальский И. К вопросу о научной поэзии // Печать и революция. 1929. Кн. 2 – 3. С. 55.

друга» открытку: «Очень прошу поскорее кончить хотя бы весь набор и верстку, чтоб обеспечить выход книжки в свет независимо от того, буду ли я здесь, в институте, или приму профессию где-нибудь далеко. Сердечно Ваш Н. Морозов»¹.

Один из учредителей, член Правления и Совета «Задруги», историк К.В. Сивков, не стал писать Морозову о многочисленных издательских проблемах. Об этом, да и то вскользь, было рассказано позднее – 25 декабря 1921 г. В этот день в помещении бывшей гимназии Флерова в Мерзляковском переулке в Москве состоялось юбилейное заседание членов Кооперативного товарищества по случаю десятилетнего юбилея издательства. В отпечатанном в количестве 600 экземпляров отчете об этом событии было, в частности, сказано следующее: «В вестибюле была устроена выставка книг, изданных Т[оварищес]твом “Задруга” за десять лет его существования. Расположенные по годам, в хронологическом порядке, выставленные книги (свыше 500 названий) наглядно свидетельствовали о росте издательской работы “Задруги” за 1911–17 гг. и о быстром падении ее в 1918–21 гг. Не менее наглядно они выявляли рост и падение техники за эти периоды, улучшение и падение качества бумаги в изданиях “Задруги”»². Несмотря на все трудности, книга увидит свет: *Морозов Н. Звездные песни. Первое полное издание всех стихотворений до 1919 г.: В 2 кн. М.: Задруга. 1920–1921. Книгу 2-ю Морозов подарит Ленину с такой надписью: «Глубокоуважаемому Владимиру Ильичу Ульянову-Ленину от всей души. Н. Морозов. 11 авг. 1921 г.»*³.

Времена были уже не царские, и советская цензура изъятий в книге не сделала, но на титульном листе была написана неправда: «первым полным изданием всех стихотворений до 1919 г.» эта книга не являлась.

Сотрудник издательства «Задруга» Борис Афанасьевич Яневский 22 июня 1921 г. написал Морозову письмо, на которое адресат не пожелал ответить:

«Дорогой Николай Александрович! Одновременно высылаю Вам 2 экз[емпляра] 2-й части “Звездных песен”. Очень рад Вам это сообщить, но при этом не могу не ска-

¹ РГАЛИ. Ф. 1836. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 1 об.

² Отчет чрезвычайного общего собрания членов товарищества «Задруга» и общественных организаций в день десятилетнего юбилея 25 декабря 1921 г. Пг., 1922. С. 5.

³ Библиотека В.И. Ленина в Кремле. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1961. С. 500.

зять, что Ваша книжка была последней книгой, которую выпустила наша типография, – теперь, по распоряжению наших недругов, типографию ломают, растаскивают и т.п. Сделано это не без близкого соучастия душителя издательства и авторов нынешнего ГосИздата.

Хлопотали мы много, ходили и в ВСНХ, и [в] Рабкрин и [во] ВЦИК, – не вышло ничего! Кто-то сильнее всех этих учреждений. По “высшим государственным соображениям”, во “осуществление плана улучшения типографского дела в Республике” нашу великолепную типографию, с хорошим составом рабочих растащили, поломав при этом немалую часть машин.

Посему Ваша, Николай Александрович, книжка вышла без добавления в том количестве стихов, которое первоначально было напечатано. Не сердитесь, ей-Богу, в этом мы не повинны. Мы старались, чтобы книжка успела выйти, а то все неоконченные (хотя бы и на $\frac{9}{10}$ отпечатанные) книги выкидывались из машин при осуществлении этого высочайшего хозяйственного плана»¹.

Число частных издательств в Советской России значительно сокращалось. Время существования «Задруги» подошло к концу. Это издательство не воскреснет даже в недолгое время НЭПа. Что мог сделать и о чем написать Морозов?

Не повезло этому изданию и в критике. Автор, весьма эмоционально рассказавший о репрессированном дореволюционном издании «Звездных песен», ставшем библиографической редкостью, о советском переиздании высказался без всякого почтения: «Довольно часто встречается в букинистических магазинах второе издание этого сборника, вышедшее в двух книгах в 1920–1921 гг. в издательстве “Задруга” (Москва). Но это издание менее интересно, так как некоторые стихотворения позже были переделаны автором и значительно потеряли свой прежний колорит»².

«Звездные песни», изданные в 1910 г., позволили Морозову не только почувствовать себя настоящим поэтом, но и оказаться в Двинской крепости, где он, не отвлекаемый посторонними делами, помимо многого иного, смог завершить наиболее известный свой труд, в окончательном виде, получивший название «Повести моей жизни» (М.: Задруга, 1916–1918. Т. 1–4).

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 2189. Л. 1–1 об.

² *Зубковский Иг.* «Звездные песни» Николая Морозова // Книжные новости. 1937. № 15. С. 46.

Его первая часть «В начале жизни» была напечатана в журнале «Русское богатство» (1906. № 5–6)¹. Эти воспоминания заинтересовали Льва Николаевича Толстого, о чем автор узнал из его письма к нему от 6 апреля 1907 г. в ответ на присланную в подарок книгу «Откровение в грозе и буре»:

«Книгу вашу я получил и прочел, и при чтении ее оправдалось мое предположение о моей некомпетентности в астрономических соображениях. Тоже и по отношению автора откровения. Вообще должен сказать, что предмет этот мало интересует меня.

Другое дело ваши записки, которые я прочел с величайшим интересом и удовольствием. Очень сожалению, что нет их продолжения Л.Т.»².

В своем кругу Толстой откровенно высказался как о подаренной ему Морозовым книге «Откровение в грозе и буре»: – «Странная книга», так и о ее авторе: «Он удивительно, должно быть, даровитый. Вероятно, из тех людей на все способных – и во всем недалеко»³.

Двадцать восьмого сентября 1908 г. Морозов встретился с Толстым в Ясной Поляне. Передавая через Морозова письмо Н.В. Давыдову, Лев Николаевич сообщил: «Письмо это вам передаст Никол[ай] Александр[ович] Морозов, астроном, химик и автор книги об Апокалипсисе, сидевший 25 лет в Петропавловской крепости. Он очень почтенный и милый человек, кроме своей учености»⁴.

О встрече с Толстым сам Морозов рассказал так: «28-го сентября я посетил его (Толстого. – А.Ш.) вместе с моим другом В.Д. Лебедевой. <...> Он поразил меня энергией и силой умственной деятельности. Через 2–3 часа беседы о разных интересных предметах он вырисовался передо мной как человек, всецело занятый вопросами умственной и нравственной жизни. <...> Он смотрел на меня таким добрым и ласковым взглядом, что я решительно даже и представить не могу, каким образом этот взгляд кому-нибудь мог казаться острым или пронизывающим насквозь...» Разговор

¹ В 1907 г. вышло отдельным изданием: *Морозов Н.* В начале жизни. Как из меня вышел революционер вместо ученого. М.: В.М. Саблин, 1907.

² *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. Т. 77. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1956. С. 78.

³ Там же. С. 79.

⁴ *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. Т. 78. М.: Гос. Изд-во художественной литературы, 1956. С. 238–239.

касаясь «всевозможных философских вопросов». Поговорили о книге Морозова об Апокалипсисе, которую Лев Николаевич не читал, но обещал прочесть. Говорили и о министре народного просвещения, о деятельности которого Толстой заметил, что она результат «дурного воспитания». Закончил описание встречи с Толстым Морозов так: «Все семейство было очень приветливо с нами, и вся поездка оставила по себе самое приятное воспоминание»¹. Больше между собой они никогда не общались.

Для Толстого воспоминания Морозова были интересны потому, что, как он полагал, позволяли «взглянуть в душу революционеров»². Но те, кто эту душу неплохо знал, отнеслись к мемуарам Морозова иначе.

Известный революционер Герман Александрович Лопатин писал в мае 1905 г. Вере Николаевне Фигнер: «Я не читал Вашей биографии, составленной М[орозовым], но заранее отношусь с предубеждением ко *всякой* биографии, которую он взялся бы составить. Он слишком большой эгоцентрик, слишком поглощен своим собственным внутренним миром, чтобы вдумчиво и участливо всматриваться в окружающие его души, хотя бы он прожил рядом с ними десятки лет...»³.

Вот начало этого биографического очерка, подтверждающего «предубеждение» Лопатина: «Бывают случаи, когда биографию человека очень трудно написать. Не могу и здесь воздержаться от естественно-научного примера. В мире химических реакций некоторые вещества вызывают взаимодействие между другими одним своим присутствием. Точно так же и в общественной жизни бывают деятели, одно присутствие которых вливает в окружающих энергию и силу. <...> ...биографический очерк, почти сообщающий одни факты, дает очень слабое представление о человеке. Такое слабое представление дает и мой очерк, и читатель должен заранее примириться с этим»⁴.

В отличие от Г. А. Лопатина, которому не было нужды читать сочиненное Морозовым, потому что он и так хорошо его знал, В. Н. Фигнер обосновывала свое мнение конкретными фактами

¹ Морозов Н. Свидание с Л. Н. Толстым. Письмо к редактору // Русские Ведомости. 1908. 3 октября.

² Литературное Наследство. Т. 90. Кн. 2. М.: Наука, 1979. С. 358.

³ Цит. по: Красовский Ю. А. Женщина русской революции (Литературные и психологические аспекты архива Веры Фигнер) // Встречи с прошлым. Вып. 4. М.: Сов. Россия, 1982. С. 358.

⁴ Морозов Н. Вера Николаевна Фигнер // Ариян П. Н. Первый Женский Календарь на 1907 год. СПб., 1907. С. 342, 343.

после внимательного чтения морозовских мемуаров. Да иначе и быть не могло. Свои воспоминания Морозов начал писать еще в Шлиссельбурге в качестве подарка «дорогому другу Верочке» по ее просьбе.

Приведу лишь часть ее недатированного письма:

«Дорогой друг. Твоя последняя рукопись включает неточности, ошибки малые и большие, в иных местах имеется смешение хронологии событий, в других совершенно неверное освещение общего положения в крепости и фактов.

Начну с мелочей, чтобы закончить важным, чего я не могу оставить без серьезных возражений.

В одной из первых же страниц ты рассказываешь сказку, которую простодушный читатель может принять за правду, - будто Новорусский вывел на своей груди цыплят... Правда, по прочтении одного рассказа Мопассана Новорусский возымел идею вывести цыплят, держа яйца под мышкой, во время одного протеста, когда он, вместе со всеми нами, не выходил на прогулку в течение двух недель.

Но цыплят он не вывел: яйца просто-напросто протухли... <...>

Но вот и серьезное: ты пишешь, что однажды за ужином тебе подали яйца в обрывке газеты и там было напечатано об убийстве Боголепова, министра народного просвещения, Карповичем.

Между тем этот факт с обрывком газеты имел место в 1902 году, и напечатано было, что убит был министр внутренних дел *Сиягин*, а Карпович, стрелявший в Боголепова, в то время находился уже целый год с нами в крепости, так как его выстрел и осуждение произошли в 1901 году. Описание привоза Карповича ты смешиваешь с привозом Балмашева, казненного в цитадели 4 мая 1902 г. <...>

Конашевича ты называешь Конашевичем-Сагайдачным. Это в шутку его звали так, и ничего общего с историческим лицом он не имел, а был сыном полицейского без всяких предков.

Похитонов не у нас умер, как ты пишешь, а в Николаевском военном госпитале. <...> Удивило меня, что ты так подчеркиваешь себя, Лукашевича и Новорусского как серьезно занимавшихся науками и не называешь других, напр[имер] меня, которая была первой заводчицей коллективных занятий на прогулках, на которых Новорусский и приобрел-то очень много. <...>

Ужасна и несправедлива параллель между сараем с разложившимися трупами бойцов революции и нашим Шлиссельбургом в мрачный период, когда одни умирали, другие впали в безумие, а третьи теряли равновесие вследствие невыносимых условий нашего режима. Душевнобольные ни у кого не могут вызвать чувства отвращения... – чувства ужаса – мы и сами испытывали, но отвращения?!! Твое сравнение так безвкусно, что ты, верно, не показал рукописи Ксении, а то она тебя остановила бы...

Среди грубых ошибок находится упоминание о докторе Безродном (правильно: Безроднов. – А.Ш.) в связи с голодовкой Карповича, тогда как он оставил Шлиссельбург в 1896 г., за 5 лет до Карповича и за 8 лет до моей истории.

Витая в астрономических высотах, наша шлиссельбургская хронология и события на крошечной точке нашей планеты совершенно исчезали в твоих глазах. Ты пишешь, что при объявлении мне смягчения каторги вечной на 20-тилетнюю комендант мне сказал: собирайтесь к отъезду, и далее говоришь о своем стихотворении и пр. Между тем после этого объявления – в первой половине января 1903 г., я прожила с вами в крепости ни больше, ни меньше как *один год и 8 месяцев* (так как уехала 29 сентября 1904 г.). Таким образом, ты сблизяешь события, что вполне естественно при твоих заоблачных размышлениях, но недопустимо для земных соображений»¹.

Так писала В.Н. Фигнер Морозову о начале его мемуаров, а вот что она высказала ему в письме от 13 декабря 1913 г. об их окончании, посвященном его аресту в 1911 г. и заключению в Двинскую крепость:

«...многое бы надо сказать тебе, и надо сказать не особенно приятное. Дело в том, милый Николаша, что очень уж ты расписался. Даже я, твой друг, не могла все одолеть, и мне было скучно... Длиннотами страдает твоё описание перипетий ареста в Крыму, в особенности отступления с картинами природы, а когда ты пишешь о переживаниях в Двинской крепости, то неприятно резонерство... Не мне одной это бросилось в глаза, как и то, что ты так злоупотребляешь интересом к тебе лично, как шлиссельбуржцу, то и дело поминая свою жену – Ксану. Кропоткин дал нам

¹ РГАЛИ. Ф. 1836. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 24–26.

всем пример скромности в интимных отношениях, вспомнив лишь вскользь о своей женитьбе... Твоя память оказывает тебе плохие услуги, и, не зная я твоей рассеянности и нетвердости в воспроизведении фактов, можно было бы дурно о тебе подумать...»¹.

Это то, что говорилось Морозову сразу же после того, как его мемуарные тексты были написаны, а вот что с очевидностью бросалось в глаза много лет спустя. Тринадцатого мая 1939 г., известная революционерка Анна Васильевна Якимова-Диковская, указывая Морозову на его фактические ошибки, не смогла не поделиться и своим точным наблюдением: «У меня всегда вызывает смех, когда в воспоминаниях через 50 лет приводят какие-нибудь слова: мне кажется, что это фантазия самого автора»².

Можно открыть тома воспоминаний Морозова наугад почти на любой странице и увидеть:

«Я сел в тряскую телегу на свой снятый с плеч мешок, и мы поехали.

– А-ах! Стерва баба! Как она на тебя наскочила! – сказал крестьянин не только без всякого негодования в голосе, но как бы даже с оттенком похвалы и с широкой улыбкой на лице: вот, мол, ловкая женщина, с такой женой не пропадешь!

– Да! – говорю. – Я таких еще и не видал.

– Ну, поживешь – увидишь и почище! – сказал он. – Сколько тебе лет-то?

– Двадцать! – ответил я, прибавив лишний год для большей важности.

– А куда идешь?

– В Воронеж.

– Зачем?»

и т.д.³

Мнение историка Натальи Михайловны Пирумовой, завершившей свою статью о Морозове как раз оценкой этих его мемуаров: «Воспоминания М[орозова] “Повести моей жизни”» (т. 1–4, 1916–18, посл. изд., т. 1–2, М., 1965) представляют интерес для из-

¹ Цит. по: Красовский Ю.А. Женщина русской революции... // Встречи с прошлым. Вып. 4. С. 358–359.

² АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 2181. Л. 6.

³ Морозов Н.А. Повести моей жизни: Мемуары. Т. 1. М.: Наука, 1965. С. 170.

учения истории народничества, хотя ценность их как ист[ориче-ского] источника снижается субъективизмом автора и беллетри-зированной формой изложения»¹.

Н.М. Пирумовой вторит другой исследователь: «Кроме до-вольно обычных у мемуариста ошибок памяти, этим воспомина-ниям свойственна субъективность в освещении минувших собы-тий, романтическая окраска, а также ретроспективная их оценка, объясняющаяся тем, что в изложение событий прошлого, в пор-треты действующих лиц вольно или невольно вносится тенден-ция, характерная для мировоззрения автора в момент написания мемуаров»².

Беллетризированное изложение, субъективизм и многочис-ленные ошибки памяти не мешают Морозову-литератору ши-роко пользоваться правом мемуариста быть самым положитель-ным героем среди прочих и напоминать читателям при любом удобном случае, что помимо революционных заслуг автор пре-жде всего выдающийся ученый. Подобное явление в мемуарной литературе изумительно точно описал знаменитый юрист и об-щественный деятель Анатолий Федорович Кони: «Случается, что в такие мемуары, в особенности когда они относятся к отда-ленному от пишущего времени, просачивается то, что в экспе-риментальной психологии носит название “мечтательной лжи”, которая свойственна часто детскому возрасту, а иногда и пре-клонному. Когда в памяти затуманивается далекое прошлое, не-которым начинает казаться, что то или другое в действительной жизни *могло* произойти. Исходя из этого, мысль начинает чаще останавливаться на том, что оно *должно* было произойти, и нако-нец укрепляется в убеждении, что оно в самом деле *было*»³.

К примеру, Морозов рассказал, как еще во время учебы в гимназии он сумел поразить товарищей. Вот текст Морозова: «Из своих собственных докладов я припоминаю, между прочим, один, который произвел большой фурор. В нем, исходя из гипотезы Лапла-са, я доказывал, что если количество атомов в каждой изолированной звездной системе ограничено, то должно быть ограничено и число их комбинаций в пространстве. Но всякий звездный мир, с механической точки зрения, сводится к комбинациям атомов, и вся его дальнейшая

¹ Советская историческая энциклопедия. Т. 9. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 698.

² Михайлова С.Б. Воспоминания Н.А. Морозова... // Археографический ежегодник за 1965 год. С. 113.

³ Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 5. М.: Юрид. лит., 1968. С. 238.

жизнь, до последних мелочей, определяется этими комбинациями. Из одинакового развивается одинаковое, а в таком случае история одной мировой системы должна в точности повторяться в бесчисленном количестве других систем, прошлых, настоящих и будущих, так что в бесконечности времени миры должны сменяться мирами, как волны в океане. Таким образом, через то или другое число квадрильонов лет после нашей смерти, закончил я свою речь, мы можем вновь оказаться сидящими в этой самой комнате и обсуждающими эти самые вопросы, не подозревая того, что мы уже здесь были и обсуждали все это, как мы ничего не подозреваем теперь о том, что было с нами до рождения, – все в жизни природы должно совершаться периодически...»¹.

Но – незадача. Этот текст, переизданный в Издательстве политкаторжан, так прокомментировал в своей малопривлекательной манере И.А. Теодорович:

«Память изменила Н.А. Морозову. Развивая некоторые выводы из гипотезы Лапласа, он принимает теперь их за свои. На деле же они принадлежат О. Бланки и изложены этим “великим заключенным” в его книге “Вечность звездных миров”. Биограф Бланки – Густав Жеффруа – дает конспект этой книги на стр. 279–288 биографии. Приведем оттуда несколько строк: “С тех пор как существует мир, природа не могла не создавать и миллиарды солнечных систем, рабски копированных с нашей. Пусть она истощит все мыслимые вероятности, не пропуская ни одной, но, как только она приходит к концу, бесконечность требует, чтобы она творила двойников”. Или еще: “Своеобразная комбинация вещей и лиц должна повторяться миллиарды раз, что насытит бесконечность... Имея дело с бесконечностью, приходится оперировать с миллиардами. и все-таки не заполнишь ее”. Или, наконец: “Мы представляем копии с оригинала, порожденного нашей планетой. А подобие нашей земли воспроизводит наших двойников”.

Таким образом, резюмирует Жеффруа гипотезу Бланки, условия, создавшие нашу землю и являющиеся одной из типичных комбинаций их совокупности, наверное, повторяются бесконечное число раз, порождают аналогичные тела и содействуют населению безграничного пространства» (284)»².

¹ Морозов Н. Повести моей жизни. Т. 1. М.: Изд-во Всесоюз. Об-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933. С. 104.

² Теодорович И.А. Примечания // Морозов Н. Повести моей жизни. Т. 4. М.: Изд-во Всесоюз. об-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933. С. 303–304.

Разумеется, Морозов и не подумал хоть что-то исправлять, и в переизданиях этой книги можно прочесть все в первоизданном виде. Тем более что никаких примечаний И.А. Теодоровича цитировать никто не станет. *Во-первых*, скоро перестанут существовать и Общество политкаторжан, и его издательство, а *во-вторых*, не станет и Ивана Адольфовича Теодоровича. Бывший член ВЦИК, в 1929–1935 г. редактор Издательства политкаторжан и журнала «Каторга и ссылка» в 1937 г. был арестован и как участник антисоветской террористической организации расстрелян. Так что полемизировать с ним нужды у Морозова не было. Но тогда, по выходе книги в свет, Морозов в частном письме не смог сдержать раздражения.

Первого июня 1933 г. он написал Вере Фигнер:

«Дорогой друг Верочка, вчера получил и сегодня отправил тебе заказной бандеролью I том “Повестей моей жизни”, с предисловием Теодоровича, из которого я узнал о себе очень много нового, что и не подозревал. Прочти его внимательно, и ты сама убедишься, что я был прав, когда говорил, что наши представления об окружающих людях всегда субъективны, а не объективны и даже меняются в зависимости от обстоятельств и настроения.

Припомни мысленно по очереди всех твоих собственных друзей и врагов и просто знакомых. Есть ли среди них хоть двое, которые имели бы о тебе одинаковое представление, и есть ли хоть один, который имел бы о тебе совершенно тоже представление, как и ты сама? Я уверен, что не найдешь, а потому прав и я, когда говорю об этом.

Точно так же не признаю я себя виновным или ошибающимся и в том, когда не оправдываю привычки многих “общественников” говорить всегда “мы” вместо “я”. Это мне напоминает средневековых историков, которые заставляли разговаривать между собою целые народы: “и сказали новгородцы” и “ответили им москвичи” и т.д. Ведь нет и двух людей, которые даже и по временам, думали бы в унисон, а хором говорят только в театрах или по команде, да и то лишь только “здравия желаем вашему превосходительству”...»¹

То, что Морозов всегда прав, читателю уже известно, как и то, что история без астрономии всегда субъективна, что лиш-

¹ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Ед. хр. 604. Л. 192–193.

ний раз подчеркивается не только высказываниями Теодоровича, который почему-то понимает все не так, как Морозов, но и разговорами «целых народов» в изложении летописцев, которых Морозов именует историками. Когда сказанное послами без упоминания их имен называют сказанным новгородцами, Морозова почему-то удивляет, но почему говорение хором ему кажется театральным, совершенно непонятно. Вся страна и сам Морозов не исключение: пишут, читают и разговаривают на неизвестном ранее, но теперь всем понятном советском языке: «це-ка», «че-ка», «чуждый элемент», «левый уклон», «правый уклон», «враг народа», «вредитель», «лишенец», «хвост», «условия момента», «железная пролетарская дисциплина», «жилплощадь», «явка обязательна»...

Вот что узнал Морозов о себе «нового» от Ивана Адольфовича.

И.А. Теодорович в своей вступительной статье, приведя немало примеров из мемуаров Морозова, сделал вполне обоснованный вывод: «Мы видели установки Морозова по самым глубоким, основным и в то же время различным вопросам. Социализм не актуален; если уж говорить о нем, то только о строе, который может осуществиться только вдали веков, да и то вовсе не в такой форме, как представляют себе социалисты любых толков. Капитализм недурно работает; он вполне гарантирует рост, т.е. экономический прогресс. Нужно лишь установить прочно политическую и гражданскую свободу. Для этого нужны не две, а одна только революция или радикальная реформа сверху (кстати, именно поэтому Морозов на равных правах употребляет очень часто такое сочетание слов: “революционеры или реформаторы”). Второй революции – социалистической – не надо; она вредна, ибо нельзя решать имущественные вопросы с оружием в руках. После политической революции (или реформы) откроется эра постепенного, медленного, длительного, “бесконечного” прогресса, осуществляемого в формах парламентской работы»¹.

Вывод, с которым Морозов, несомненно, согласился бы в феврале 1917 г., но который звучал совсем не в унисон с современностью 1933 г. и с его собственно обозначенной партийной принадлежностью, – «народоволец марксистского уклона».

Вполне вероятно, что именно опубликованные мысли Теодоровича оказали негативное влияние на других. К примеру, к 80-летнему юбилею Морозова в следующем году добавил к ме-

¹ Теодорович И.А. О мемуарах Н.А. Морозова // Морозов Н. Повести моей жизни. Т. 1. М., 1933. С. 66–67.

довой патоке славословий ложку дегтя известный политкаторжанин Феликс Кон. Бойко начав свою статью: «Празднуется юбилей человека, который в детские годы слышал еще стоны крепостных рабов. (сразу видно, что мемуаров Морозова о своем детстве прочесть не удосужился, но звучит эффектно. – А.Ш.) Ему было семь лет, когда было отменено крепостное право» – и, далее, правильно рассказав о героической судьбе юбиляра при царизме, он написал следующее:

«В великие дни Октябрьской революции в старом революционере вновь проснулось и ожило то, что в дни юности оторвало его от книги, но ненадолго. Он не понял движения, не понял тогда классового характера движения, не сознавал, что движение, поднявшее массы во имя осознанных этими массами классовых интересов, нельзя направить в русло его примирения с его классовыми врагами... Он только впоследствии осознал это и своими трудами, своим знанием, несмотря на свой пожилой возраст, честно служит делу рабочего класса.

Рабочий класс с уважением относится к этому неутомимому труженику. И в день его 80-летия приветствует Н.А. Морозова-революционера, гражданина и ученого великой Советской страны»¹.

Конечно, в конце концов опытный публицист Ф.Я. Кон вырулил куда надо, но каково Морозову читать о себе «он не понял», «не сознавал»...

С одной стороны, Николай Александрович был человеком, который уже при жизни заслужил статью о себе в Большой Советской Энциклопедии. Но с другой – в этой статье, написанной известным литературоведом и историком Михаилом Митрофановичем Клевенским, о научной и литературной деятельности Морозова рассказывается не просто непочтительно, но и предвзято: «В научной области, кроме работ по химии, физике и математике, М[орозов] дал ряд своеобразных исследований по истории религии, и особенно христианства. Научная ценность этих последних работ, в к[ото]рых М[орозов] придает исключительно большое значение астрономическим фактам и слишком дилетантски свободно обращается с историей, невелика. Стихи М[орозова], написанные им в молодости, проникнуты обычными на-

¹ Кон Ф. Славная жизнь // Красная газета. 1934. 6 июня.

строениями революционно-гражданской поэзии и не отличаются оригинальностью. В позднейших стихотворения автор стремится создать “научную поэзию” на астрономические и т[ому] п[одобные] темы. Мемуарные статьи, написанные М[орозовым] в разное время, соединяются им в одну обширную книгу “Повести моей жизни”. Мемуары эти представляют для истории революц[ионного] движения значительный интерес, несмотря на злоупотребление автора диалогами, содержание к[ото]рых он не может воспроизвести сколько-нибудь точно через ряд десятилетий»¹.

А сразу же после статьи Теодоровича еще нужно было отвечать на письмо В.Н. Фигнер: «Ты пишешь, что находишь напутственную статью Теодоровича в “Повестях моей жизни” правильной, но, во всяком случае, это не всегда. <...> Лично я не обиделся на Теодоровича, мне только показалось, что своей критикой он хотел реабилитировать себя от бывших тогда ему нареканий в правизне...»²

Самое главное в любом утверждении каждого человека – правильно понять его скрытые мотивы, чтобы верно оценить смысл его высказываний. И никаких личных обид.

Хотя мемуары Морозова более всего известны его читателям советского времени, но ими его писательская продукция не исчерпывается.

Логически и эмоционально их дополняет книга «Письма из Шлиссельбургской крепости» (СПб.: [Изд. М. Аверьянова], 1910). До того как я расскажу, как реагировали на эту книгу современники, необходимо знать, что издание, которое читали они, существенно отличается от того, которое было доступно советским читателям, где части опущенного текста заменялись таким значком: <...>.

Покажу, как «редактировали» эту дореволюционную книгу: «Но часа через три после обеда я каждый день (за очень редкими исключениями) пишу свою “Книгу вещества”»³.

На самом деле в тексте Морозова точки в предложении нет, оно продолжается: «вплоть до ужина, который по совету доктора я заменил кружкой молока с белым хлебом (потому что если съем за ужином что-нибудь более существенное, то ночью плохо сплю от кошмаров и сердцебиения). После этого я хожу и мечтаю часов

¹ БСЭ. Т. 40. М.: ОГИЗ РСФСР, 1938. Стб. 221.

² РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Ед. хр. 604. Л. 199 об. – 200.

³ Морозов Н.А. Письма из Шлиссельбургской крепости // Морозов Н.А. Повести моей жизни. Т. 2. М., 1965. С. 582.

до одиннадцати или посвящая это время на чтение иностранных книг и журналов вроде английского "Idler" а, или "Revuedes Revues", русских же книг в это время не читаю совсем»¹.

«Сплю теперь довольно спокойно, когда день прошел без тревожных волнений, а года два назад почти совсем не спал от постоянного звона в ушах и плохого состояния нервов. Чай пью два раза в день, а обед свой редко съедаю даже до половины, потому что совсем потерял аппетит»².

Пропущенный текст: «Остаток обеда отношу на следующий день на прогулке воробьям, которые ко мне слетаются уже на дороге целой стаей. Только их обижают голуби, которые тоже спешат на пир, и их приходится отгонять, чтоб воробьи не остались голодными. На прогулках я прежде занимался огородничеством и цветоводством в крошечном садике, но в последние годы земляные работы оказались не по моим силам, и я сдал свою грядку своему товарищу по прогулкам³, который очень любит этим заниматься и вышпачивает мне "арендную плату" огурцами, редиской, а иногда и дыней. Шток-розы у нас почти не хуже Верочкиных (Веры Фигнер. - А.Ш.), только цветут очень поздно - к самой осени. Обязательных работ здесь нет и никогда не было, но...»⁴

«В первое время после суда было несколько лет такого полного одиночества...»⁵ И т.д.

Так вот, на издание Михаила Васильевича Аверьянова сразу же написал рецензию писатель, публицист, издатель и редактор Борис Борисович Глинский. Рецензент сумел весьма точно разглядеть будущую судьбу автора книги: «...шлиссельбургские письма г. Морозова - любопытный исторический материал, дающий возможность восстановить обстановку, быт и режим легендарной крепости с исторической печатью на ней ужаса и страха. Письма г. Морозова в данном случае как бы реабилитируют эту тюрьму, и скромные садики, огородики, научные библиотеки, в ней ныне существующие, заставляют забывать о грозных временах Иоанна Антоновича и других в ней заключенных и в ней погибших. Дают "письма" и обширный материал для биографии самого г. Морозова, так как, беседуя с родными, сестрами,

¹ Морозов Н. Письма из Шлиссельбургской крепости. СПб., 1910. С. 30.

² Морозов Н.А. Письма из Шлиссельбургской крепости // Морозов Н.А. Повести моей жизни. Т. 2. М., 1965. С.582.

³ Фроленке. - Прим. Н.А. Морозова.

⁴ Морозов Н.А. Письма из Шлиссельбургской крепости. СПб., 1910. С. 582.

⁵ Морозов Н.А. Письма из Шлиссельбургской крепости // Морозов Н.А. Повести моей жизни. Т. 2. М., 1965. С. 30-31.

матерью, неведомыми племянниками и племянницами, он постоянно возвращается к своему детскому и юношескому былому, дающему возможность судить о той окружающей обстановке, в которой сложились его характер, его миропонимание, его склонности. Таким образом, беседа с родными г. Морозова обращается в руках читателей в своего рода автобиографию автора. Конечно, вопрос очень и очень спорный, поскольку удобно при жизни выносить на свет Божий свое собственное “я” и интимную жизнь своих родных. Нам известно, что многие выдающиеся люди бывают озабочены, чтобы даже после их смерти эта интимность не стала достоянием толпы, объектом суждений и изучения улицы. Наиболее яркий пример такого бережения себя от толпы – автор “Обрыва” и “Обломова”. Имеются в истории литературы образцы иного рода, когда писатели искусственно плодят материалы для своей биографии и сами создают себе своего рода памятник в потомстве. Таковым был Н.С. Лесков. Оба приведенных примера, несомненно, носят на себе печать крайностей, но нельзя не отметить, что и “письма” г. Морозова не могут считаться явлением вполне нормальным и в издании их как-никак, а видится образец некоторой позировки, любования собою и заботы о своей партийной канонизации. Эта черта очень наглядно наблюдается во всей нынешней деятельности г. Морозова, который, в противность остальным своим сотоварищам по Шлиссельбургской тюрьме, уж очень шумно заявляет о своем существовании. Что ж, у каждого имеются свои слабости, только бы эти слабости не переходили в крайность, а тут недалеко и от смешной крайности. Жаль, если г. Морозов очутится в этом положении, которое так не соответствует тому драматическому, которое поглотило столько лет его жизни...»¹.

Знаменитый поэт Валерий Яковлевич Брюсов, относившийся к Морозову с большой симпатией, тепло высказался и о рецензируемой книге: «Что более всего изумляет при первом чтении «Писем из Шлиссельбургской крепости» Н. Морозова, это – их бодрый тон. <...>...он (Морозов. – А.Ш.) из крепости то дает советы своей семье в разных ее хозяйственных и иных начинаниях, то рекомендует своим сестрам книги для чтения, то рассказывает воспоминания своего детства и молодости, порой добродушно шутит, не отказываясь посмеяться над самим собой и своим положением, а попутно высказывает суждения о событиях современ-

¹ Б.Г. Николай Морозов. Письма из Шлиссельбургской крепости. СПб, 1910. Стр. 267. Ц. 1 р. 20 к. // Исторический вестник. 1910. № 9. С. 1083–1085.

ной жизни (поскольку они были ему известны), об англо-бурской войне (решительно становясь на сторону англичан), о проповеди Льва Толстого, о реформе гимназий, о прерафаэлитях в живописи, о декадентах в литературе... До последних страниц книги, на которых Морозов обсуждает теории всемирного тяготения, говорит о новом романе Уэллса...<...> тот же бодрый тон». Для Брюсова очевиден источник оптимизма Морозова – постоянные научные труды: «В лице Н. Морозова повторилась фантастическая история графа Монте-Кристо, но его таинственным аббатом Фариа был он сам, – все то неотъемлемое, что он пронес с собой сквозь толстые стены крепости. <...> Это придает письмам Н. Морозова, кроме чисто-психологического, иной интерес, ставит их в ряд замечательнейших исторических документов наших дней... Остается добавить, что письма Н. Морозова, хотя первоначально они, конечно, не предназначались для печати, написаны прекрасным языком, а некоторые их страницы – описания природы – достигают настоящей художественной силы»¹.

В Шлиссельбургской крепости родилось и это, отмеченное современниками сочинение. В не подписанной автором короткой рецензии на книгу: Морозов Н. «На границе неведомого: Научные полуфантазии» (М.: Звено, 1910) сказано следующее: «Да, мы живем на границе неведомого, – говорит автор в предисловии. – Как часто, глядя ночью в глубину небесного пространства, я, еще мальчиком, чувствовал себя как бы на берегу бездонного океана. Берегом его была земля, на которой я жил, а бездонным океаном представлялось мировое пространство передо мною и надо мною. И сколько в нем было неведомого!» Эти идеи и образы, навеянные прошлыми созерцаниями, легли в основу рассказов, написанных Морозовым в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях для развлечения товарищей по заточению. Некоторые из этих рассказов – “научных полуфантазий” – были впервые напечатаны в нашем журнале, и читатели, конечно, оценили умение автора в живой, почти беллетристической форме затрагивать серьезнейшие проблемы науки»².

Рецензенту вторит автор статьи о Н.А. Морозове в биобиблиографическом словаре. Е.Г. Елина полагает, что «писательский талант М[орозова] раскрылся в научно-популярном сб[орнике] “На

¹ Брюсов В. Н. Морозов. Письма из Шлиссельбургской крепости // Изд. М. Аверьянова; рис. М. Соломонова. СПб., 1910 // Русская мысль. 1910. № 9. С. 283–285.

² Современный мир. 1910. № 11. С. 182.

границе неведомого” (1910), составленном из “научных полуфантазий”, написанных для развлечения товарищей по заключению»¹.

Давайте полистаем эту книгу. Обратим внимание на, как мне кажется, наиболее интересное и запоминающееся:

«Что же заставляло его так страстно стремиться к жизни в этом унылом месте неволи, в этом заброшенном и безнадежном положении? Что такое он знал?

Он знал очень многое, чего не знали большинство его современников; он знал, что свет науки и сила истинного знания медленно, но верно разгоняют уродливые фантомы и дикие призраки невежества и суеверия, еще наполняющие головы людей и заслоняющие от их глаз весь чудный бесконечный мир. Он знал, что порыв могучей жизни низвергнет насилие и произвол и на месте этого жилища неволи будет некогда воздвигнута статуя свободы»².

Надо отдать Морозову должное – в написанных им письмах и в пометах на полученных письмах начиная с 1917 г., он мыслил менее патетично, но более взвешенно и аргументированно.

«Но естествознание показало мне, что оно находится еще на полпути к будущему совершенному знанию, и потому, не давая окончательного удовлетворения моему ищущему уму, оно предложило ему взамен того высокую цель – бескорыстно работать в области мысли для того, чтобы дать опору последующим поколениям земного человечества для дальнейших шагов к достижению окончательного абсолютного знания вселенной»³.

Окончательное и абсолютное знание в науке – это даже более величественно и грандиозно, чем построение коммунизма в СССР: «Но, в промежутках между вполне сознательными существованиями, каждый из нас – первичных атомов, – конечно, должен будет много раз пробуждаться и к полусознательной жизни в телах разных птиц, зверей, рыб, насекомых и всевозможных других животных Вселенной. Мы будем в них летать по воздуху, плавать в воде, ползать под почвою планет, как не раз уже делали это до нашего современного рождения, в промежутке между нашей прошлой и современной сознательной жизнью»⁴.

¹ Русские писатели. XIX век. Ч. 2. М–Я. 2-е изд., дораб. / Под ред. П.А. Николаева. М.: Просвещение, 1996. С. 50.

² Морозов Н. На границе неведомого: Научные полуфантазии. М.: Звено, 1910. С. 11.

³ Там же. С. 176–177.

⁴ Там же. С. 185.

Не знаю, что в этих словах научного или полунучного, но сама идея о переселении душ (метемпсихоз) существовала не только у древних греков, которых, как научно установил Морозов, вообще не было, но и у европейцев, которые на латыни (которой тоже не было!) именовали ее реинкарнацией, не говоря уже об азиатских религиях, где эта мысль пользовалась и пользуется широкой популярностью.

«Что же касается меня, то чувство моего психического единства с окружающей природой так слилось теперь с моим сознанием, что сделалось для меня в моем одиночестве чем-то вроде новой религии. И как ни гипотетична еще во многих своих деталях эта моя философия, но она дала мне нравственное спокойствие, которое было так необходимо, чтобы пережить наиболее трудные первые годы одиночного заключения. Она показала мне мое место среди вечности и ясно дала почувствовать, что наша жизнь не есть случайное мгновение, которое никогда не вернется, но только один день в бесконечном ряду прошедших и будущих существований...»¹

То, что человек, посаженный в каменный мешок «навечно», пытается найти силы и утешение в религии, и естественно, и уникально. Удивительно другое. Морозов умеет даже общеизвестное сделать собственным открытием («И как ни гипотетична еще во многих своих деталях *эта моя философия* (курсив мой. – А.Ш.), но она дала мне нравственное спокойствие...»). Он искренне считает, что религиозные воззрения, им воспринятые, по этой причине приобретают новые, и, разумеется, научные, черты.

«Но неизменные законы биологического развития приведут, наконец, и наших земных обитателей к длинному ряду таких, идеально прекрасных поколений, пред которыми мы, с нашими слабостями и недостатками, покажемся стоящими на полпути от нашей недавней формы бытия – обезьяны до совершенной формы человечества»².

Итак, вот этот текст (я процитировал наиболее яркие его страницы), по мнению анонимного рецензента дореволюцион-

¹ Морозов Н. На границе неведомого: Научные полуфантазии. М.: Звено, 1910. С. 187.

² Там же. С. 188.

ного времени и Е.Г. Елиной, автора словарной статьи о Морозове, свидетельствует о научности и увлекает читателя благодаря художественной силе и мастерству Морозова-прозаика.

Вероятно, так считал и Морозов, отправляя эти книги Л.Н. Толстому 16 апреля 1910 г.: «Теперь я пользуюсь случаем, дорогой и всем сердцем любимый Лев Николаевич, чтоб послать Вам только что вышедшие мои книжки: “Письма из Шлиссельбургской крепости” и “На границе неведомого”, несколько статей по научно-философским вопросам, писанные там же. Конечно, я не придаю значения ни тем ни другим и обе книжки выпустил лишь потому, что об этом просили меня несколько близких друзей, после того как пришли издатели, которым у меня нечего было дать, кроме этих книжек. Но все же и та и другая являются продуктами исключительных условий жизни, образчиками своеобразной психологии одиночного заключения и с этой точки зрения, может быть, будут небезынтересны и для Вас, работающего над общественными и философскими вопросами. Если же они и не будут интересны для Вас ни в каком отношении, то пусть они напомнят Вам на минуту о том, кто когда-то нашел в Вашем доме, у Вас и у Ваших близких, такой добрый прием, о котором он никогда не забудет»¹.

Присущая Морозову скромность в оценке собственных работ в этом письме проявлена с очевидностью. И значения он им не придает, и издателям уступил лишь по просьбе близких друзей. И смеет отправлять их Льву Николаевичу лишь из чувства благодарности и потому, что книжки эти могут оказаться «небезынтересны». Зная Николая Александровича, как не поверить?

Морозов внес посильный вклад и в развитие русской художественной сказки прежде всего как ее пропагандист:

«В таинственной области сказки, где мирно живут друг с другом бестелесные существа – грезы, символы и аллегории, все так различно от нашего действительного мира и в то же время все так сходно с ним! Вот почему все полны и возрасты, с самых первых лет умственной жизни человека и до ее последних лет, охотно возвращаются время от времени в эту волшебную область. Дети находят в ней удовлетворение естественной склонности только что начавшего мыслить человека к одухотворению всего существующего; взрослые вспоминают свои ранние годы, когда каждая травинка жила для них своей собственной жизнью, подобной жизни людей...

¹ Штрайх С. Л.Н. Толстой и Н.А. Морозов // Огонек. 1947. № 29. С. 23.

Сказка, как своеобразный род изящной литературы, останется для человечества такой же вечной, как и роман, и повесть, и стихотворение. Вот почему и теперь, напутствуя в длинное путешествие по широкому белому свету эту книжку близких мне фантастических рассказов и аллегорий, мне хочется пожелать, чтоб и они удовлетворили у людей эту врожденную потребность рассмотреть своеобразные отражения окружающей нас действительности в волшебном зеркале человеческого воображения»¹.

Высокохудожественное слово Морозова, конечно же, никого не могло оставить равнодушным, особенно детей. И для закрепления успеха Морозов с помощью верной жены сам превратился в персонаж сказки с чудесным названием «Как семилетний Коля наглядным образом познакомился с одним из самых важных законов высшей математики»:

«Дело происходило в деревне. Семилетний Коля жил лето и зиму вместе со своими родителями в одной из средних губерний России в небольшом деревянном флигеле, лежащем неподалеку от большого двухэтажного дома, где помещались его родители.

Каждое утро Анна Васильевна, мать Коли, отправлялась по хозяйству в погреб с большой связкой звенящих в ее руке ключей. Для маленького Коли всегда было огромным развлечением сопровождать ее туда и рассматривать многочисленные банки всяких варений и солений, стоявшие на полках в верхнем помещении погреба, тогда как в нижнем находились другие, нужные в кулинарном искусстве продукты. Когда Колина мама спускалась совсем вниз за лежащей на самом холодном месте провизией, он оставался один в обществе особенно интересовавших его банок с различными вареньями. Он обязательно бегал сюда за матерью каждое утро и при уходе частенько получал от нее яблоко или морковку, которые казались ему всегда какими-то необычайно вкусными.

Однажды Анна Васильевна долго оставалась внизу, и Коля, очутившись один, неожиданно заметил, что одна из небольших и невысоко стоящих банок неплотно завязана тоненьким шнурочком и в нее совсем легко и просто

¹ Морозов Н. Введение // Морозова К. В царстве сказки С предисл. Н. Морозова и илл. художницы Е. Анохиной-Лебедевой. М.: Изд. Т-ва И.Д. Сытина, 1911. С. 3.

опустить палец, чтобы достать одну из тех обольстительно вкусных клубничек, которые так любил Коля.

“Ведь если я возьму одну ягодку, то варенья нисколько не убудет по сравнению с тем, что есть там теперь”, – сказал он себе и, поверив этим своим мыслям, действительно залез в банку пальцем, достал ягоду и тотчас же почувствовал на языке всю ея прелесть.

“Хорошо, что я заметил эту банку”, – подумал Коля.

На следующий день, придя в погреб, он снова увидел ее, и ему снова пришла в голову та же самая мысль: если я возьму одну ягодку, то не убудет сравнительно с тем, что там находится теперь. И процедура повторилась с тем же успехом».

Разумеется, в конце концов, произошло неизбежное и Коля услышал от мамы:

– Это, верно, ты, Коля? И как тебе не стыдно брать без спросу! Ведь если бы ты попросил у меня, я дала бы тебе варенья, а так брать, не спросясь, совсем, совсем нехорошо.

Бедному Коле вдруг сделалось ужасно стыдно! Как мог он съесть половину банки варенья? Разве не так? Нет, право же, этого не было! Он всегда брал так, чтоб не убывало.

Он почувствовал, что ему ни за что сейчас не сознаться в том, что он съел столько варенья. Какой-то злой дух вселился в него.

– Нет, это не я! – нахмурясь, пробормотал он, и сладкая клубника показалась ему совсем не такой вкусной.

– Как не ты? Кто же тогда? Ну, подойди поближе. Ты говоришь, что не ты, а твоя курточка замазана этим же самым вареньем!

Уличенный во лжи и упорстве Коля был наказан так строго, что никогда не любил об этом вспоминать. Прошло много лет, Коля вырос.

И вдруг он понял, что на банке с вареньем он еще ребенком открыл основной закон высшей математики, по которому самые крохотные, незаметные величины, соединившись со множеством других таких же незаметных, составляют одно ясно заметное и вполне измеримое целое.

И каждый раз, когда при своих исследованиях он имел дело с этим великим математическим законом, он ясно видел перед собою деревенский погреб и так незаметно наполовину съеденную им банку клубничного варенья...»¹

¹ Морозова К. Зимние сказки / Рис. Е. Анохиной-Лебедевой. М.: Изд. Т-ва И.Д. Сытина, 1915. С. 17-22.

В этой сказке (место действия легкоузнаваемо, имя мамы героя – подлинное) замечательно отразился стойкий характер будущего революционера и пытливого ученого. С занимаемой позиции его было невозможно сбить никакими доказательствами. Несмотря на суровое наказание, он так ни в чем не сознался и не покаялся и даже открыл основной закон высшей математики. Вот уж действительно, сказка – ложь, да в ней намек...

Участвовал Морозов и в коллективной борьбе уже за советскую сказку. Вот что сообщал по этому поводу друживший с Морозовым и способствовавший получению переводческой работы для его жены знаменитый писатель, критик, литературовед и переводчик Корней Иванович Чуковский, много пострадавший от всевозможных советских инстанций, пекущихся о литературном просвещении детей: «Запрещение “Крокодила” в 1928 году вызвало протест ленинградских писателей и ученых. В моем архиве сохранилась бумага, обращенная к педагогической Комиссии ГУСа (Государственного ученого совета). Среди подписавших протест – Алексей Толстой, Константин Федин, Юрий Тынянов, Самуил Маршак, Михаил Зощенко, Ник. Тихонов, Лидия Сейфуллина, Вячеслав Шишков, академики Евгений Тарле, Сергей Ольденбург, шлиссельбуржец Николай Александрович Морозов и многие другие. Под влиянием этого протеста было дано разрешение “издать книгу небольшим тиражом”, но через несколько месяцев разрешение было взято назад, несмотря даже на вмешательство Горького. А люди, подписавшие эту бумагу, были названы “группой Чуковского”»¹.

Это, насколько мне известно, единственный случай, когда Морозов согласился подписать коллективное письмо во властную инстанцию и потому оказался причастным к такому советскому феномену, как «групповщина», что ему было совершенно несвойственно.

Печатался Морозов много. Его гражданский облик и многогранный художественный талант широко открывал ему двери редакций. Так, он внес свою лепту и в искусство перевода². Выступал как редактор в книгах, где переводчицей была его жена³. Он

¹ Чуковский К.И. Собр. соч.: В 15 т. / Сост., комм. Е. Чуковской. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2001. Т. 2. От двух до пяти С. 192.

² Г. Уэллса «50 тысяч лет назад. Рассказ из каменного века» (СПб.: Пантеон, 1909) и «Машина времени» (см.: Уэллс Г. Собр. соч.: В 9 т. СПб.: Шиповник, 1909. Т. 3.

³ См.: Уэллс Г. Полн. собр. фантастических романов. Т. 3. Остров доктора Моро. Машина времени / Пер. К.М. Морозовой; Под ред. Н.А. Морозова; Со ст. проф. М. Завадовского. М.; Л.: Земля и фабрика, 1930.

же способствовал знакомству читателей с научно-популярными книгами. Лишь один пример: «Единственным средством заинтересовать широкие массы возвышающим думы предметом астрономии служит художественно-популярная астрономическая литература, а писать научно-популярные книги может только тот, кто одновременно является и ученым, вполне владеющим своим предметом, и художником слова, что редко соединяется вместе. Кроме того, все книги с течением десятилетий уже отстают от вечно движущегося вперед человеческого познания. <...> Недавно мне представился случай ознакомиться с книгой "Вселенная и Человечество", где содержится, между прочим матерьялом, и прекрасно коротенькое изложение астрономии в очень ясной и наглядной полуисторической форме, привести которое к современному состоянию науки не требовало много времени. Это я и сделал в предлагаемой книге»¹.

Как страстный пропагандист науки, Морозов выступил и с такой, очень интересной статьей. Вот лишь фрагменты из нее: «И вот, оказалось, что общество, в котором человек имеет право насилия над остальными, как бы велика ни казалась нам личная свобода, всегда находится в неустойчивом равновесии. Наиболее сильные физически или неуступчивые индивиды неизбежно поработают более слабых, и благодаря этому весь первоначально свободный и равноправный коллектив произвольно распадается на властелинов и рабов. <...> Таким образом мы видим, что жизнь двигает науку, и наука видоизменяет жизнь. Чем это взаимодействие сильнее, тем интенсивнее идет процесс исторического развития человечества. <...> Наша страна перешагнула в новую эру своей жизни, но даже и самый лучший общественный строй неустойчив без высокого развития человеческого интеллекта. Свобода и наука опираются друг на друга, как две балки крыши общественного здания, охраняя его экономический фундамент от разрушительного влияния непогод на длинном историческом пути человечества в светлое будущее. Будем же беречь одинаково обе эти основы всякой культурной жизни!»²

Подзаголовок статьи напоминает о том, что что-то очень похожее Морозов уже печатал в 1917 г., когда доступно объяснял своим читателям, что будущее страны смогут обеспечить не ре-

¹ Морозов Н. Вступление // Вселенная и человечество. Кн. 1. История изучения вселенной / Под ред. и с доп. Н. Морозова. Л.: П.П. Сойкин, 1928. С. 3.

² Морозов Н. Знание и прогресс (старо - новые мысли) // «Вестник знания». 1930. № 1. С. 2-3.

волюционные потрясения, а наука и свобода. Разумеется, в 1930 г. он такую крамолу писать не смеет. Теперь речь идет всего лишь о свободном развитии науки, которое сможет преобразить окружающую жизнь. Но и эти фразы, даже если и не знать их первоначальный вариант, звучали некоторым диссонансом политической системы страны. Все же не всегда в советскую эпоху Николай Александрович произносил только то, что от него ждали. Чрезвычайно редко, но все же бывало, что он ненадолго и с оговорками, но становился самим собой.

Среди прочего, в 1915 и 1916 гг., он в качестве уполномоченного Земского союза несколько недель был свидетелем происходящего на Западном фронте и посылал свои материалы в газету «Русские ведомости».

В.Н. Фигнер не смогла удержаться и 28 октября 1916 г. написала Морозову: «Дорогой Николай! Твое письмо я получила, читала и о том потоке статей, которые ты родишь, как самый плодовитый кролик. Это даже вредно. Едва ли можно выносить в уме что-нибудь глубокое при таком постоянном выносе на улицу своих изделий». Помета Николая Александровича на этом письме с лаконичной ясностью характеризует его научный подход к чужим эмоциям: «Просто устала»¹.

«Глубокого», разумеется, не получалось, но что-нибудь ошеломительное – непременно. Из очерков об увиденном на фронте Морозов составил книгу.

Лишь несколько строк, долженствующих не оставить читателя равнодушным, каких бы политических воззрений он ни придерживался, был ли он сторонником или противником происходящей мировой бойни: «Точно так же и мотивами современных войн являются теперь или прямо освободительные великодушные идеи, или причины национального характера, в которых прежний личный эгоизм заменился эгоизмом национальным, а ведь это уже наполовину альтруизм, т.е. переходная ступень к дальнейшей стадии гражданского развития человеческого рода, единого во всех своих письменах и народах»².

Это сказано во время Первой мировой войны. Умел Николай Александрович высказать мысль такой глубины, что читателю было впрямую только в недоумении раскрыть рот.

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1966. Л. 48.

² Морозов Н. На войне: Рассказы и размышления. Пг.: Изд. Б.С. Бычковского, 1916. С. 148.

Советская власть подарила Морозову новые литературные возможности. Старые публикации Николая Александровича органично вошли в его новую книгу, столь необходимую молодому государству, собирающемуся стать в строй великих авиационных держав и непременно превзойти их всех. Веселая разноцветная обложка привлекала внимание:

Николай Морозов. Среди облаков. Л.: Книгоиздательство «Путь к знанию». 1924 (на обложке указан 1925 г.).

В этой книге увлекательно и просто рассказано о мечтах людей летать, как птицы, о первых попытках покорить небо, начале развития авиации и о не очень долгой к тому времени истории летательных аппаратов, об их использовании для научных целей, в мирной жизни и мировой войне. Объяснены значение и роль авиации в будущем, особенно для таких больших стран, как наша или США. Книга сложилась из читанных когда-то лекций, газетных и журнальных статей и собственных воспоминаний. Ведь не многие тогда могли похвастать тем, что им, как Морозову, удалось «облетев кругом в полчаса почти всю Москву» (с. 8) благополучно приземлиться.

Развитие авиации в России, разумеется, не могло обойтись без участия Морозова и без широкого обсуждения этого факта. Поэтому нельзя было пройти мимо этого и в книге.

В дореволюционные времена «по поводу меня и моей новой деятельности появлялись очень часто заметки в реакционной печати. В одной из них меня сравнили даже с Достоевским, бывшим почти в таком же положении, как и я, “но принятым потом в обществе, потому что он раскаялся, а от Н.А. Морозова еще никто не слышал сожаления о своем прошлом”. Конечно, я не отвечал ни на одну из таких заметок...».

И правильно делал. Нашли с кем сравнить! Кающегося и мятущегося Достоевского – с несломленным Морозовым, который помимо литературы проявил себя и как гениальный ученый. Так что и удивляться нечего тому, что ни реакционные газеты, ни даже приговор за книгу стихов «Звездные песни» не привели к его исключению из аэроклуба.

Разумеется, самое замечательное и важное произошло после падения самодержавия:

«Но вот грянула, как гром, революция. В первый ее период аэроклуб удержался почти без изменения, затем волна пролета-

риата хлынула в это учреждение, казавшееся по внешности более аристократическим, чем оно было на самом деле, и в его “беспартийном” лоне началась партийная борьба.

Я помню последнее наше заседание осенью 1917 года, когда один из членов заявил, что надо исключить “бывшего великого князя Александра Михайловича”, так как председательство его в комитете для сбора пожертвований может повредить теперь притоку денег. Среди всеобщего молчания, наступившего после его речи, поддержанной двумя товарищами, я заявил, что подаю голос против исключения, пока в уставе нашего учреждения сохраняется параграф о внепартийности, и делаю это тем решительнее, что Александр Михайлович не возражал против моего собственного приема в аэроклуб несколько лет тому назад, хотя и знал, что я республиканец.

Большинство присутствующих присоединились к моему мнению, и “великий князь” остался членом, хотя и не надолго: аэроклуб заглох в ближайшие месяцы вследствие приостановки всякой практической деятельности в воздухе на берегах Невы в 1918 году.

Новые перспективы научной работы, открывшиеся для меня со времени революции, не дали мне возможности более посещать опустевший зал его собраний и его библиотеку на Моховой, 11, находившиеся почти на противоположной стороне от Научного Института имени Лесгафта, совет которого выбрал меня директором, и я не знаю даже, куда делась теперь наша богатая авиационная библиотека.

С прошлого года старый аэроклуб заменило “Общество Друзей Воздушного Флота”, в организации которого мне тоже пришлось принять участие» (с. 16–17).

Если все было в действительности именно так, как описывает Морозов (бывало ведь, что его воспоминания не отличались точностью), то чувство справедливости заставило его действовать решительно и смело, как ему не было свойственно раньше, в случаях с людьми, несоизмеримо более близкими. Даже за бывшего великого князя он, республиканец, не побоялся вступить и рассказать об этом в своей книге в 1924 г. А что аэроклуб умер естественной при революционных преобразованиях смертью, так и невелика потеря. Новая административно-научная деятельность все равно не оставляла ему времени. К тому же нечего жалеть о том, что прошло. Николай Александрович всегда был востребован, и создание новой, жизненно необходимой органи-

зации – «Общества Друзей Воздушного Флота», – разумеется, без его деятельного участия было бы невозможно.

Ну и, конечно, книжка не была бы столь увлекательной, если бы в ней не были напечатаны «воздушные стихотворения» Морозова. Даю образчик:

КРУШЕНИЕ

Как будто раненая птица
Шатнулся наш аэроплан,
И, обвивая вихрем лица,
Поднялся снизу ураган.

Умолк мотор над чащей елей,
Крушин, осин, березняку,
И вдруг к нам звуки долетели:
«Ку-ку! Ку-ку!»
«Ку-ку! Ку-ку»

Как на охваченных кошмаром
Земля вдруг ринулась на нас,
И под глухим ее ударом
Исчезло все из наших глаз.

Моим последним ощущеньем
Остался в чаще лозняку
Все тот же звук перед паденьем:
«Ку-ку! Ку-ку!»
«Ку-ку! Ку-ку!»

Ко мне опять пришло сознание,
Лежал в крови товарищ мой
Под старой елью, без дыханья
И с разможенной головой.

Стоял, сорвавшись при паденьи,
Мой шлем, как филин на суку,
И все звучало в отдаленьи:
«Ку-ку! Ку-ку!»
«Ку-ку! Ку-ку!»

Кругом тянулись лес, трясины,
Далеко не было жилья.
Схватясь за крепкий сук осины,
С трудом с земли поднялся я.
Без сил, в крови, в изнеможеньи

Я шел в ветвях березняку
И слышал все, как в сновиденьи:
«Ку-ку! Ку-ку!»
«Ку-ку! Ку-ку!». (с. 199–200) .

Конец книги не ввергал читателя в печаль, потому что манил восторженной уверенностью: «Двадцатый век будет веком крыленного человечества!». (С. 318.).

* * *

Лишь в советское время Николай Александрович Морозов смог использовать свой литературный дар и общественный имидж не только в благой цели издания новой книги уже покойного товарища по заключению в Шлиссельбурге, но и в качестве дружеской поддержки своему коллеге – гонимому ученому, впрочем, не без пользы и для себя.

В январе 1932 г. Морозов получил письмо со следующим предложением: «Дорогой Николай Александрович! Я снова беспокою Вас некоторой просьбой. Дело идет на этот раз об издании “Записки шлиссельбуржца” Новорусского. Сделать это просто под своим именем, как редактора, как я предполагал сначала, я не могу по целому ряду внешних причин. Между тем у меня уже подобран материал и составлен план издания. Единственный выход такой: будьте добры, не откажите подписать прилагаемое заявление от Вашего имени в ред[акцию] «Каторги и Ссылки». Думаю, что в нем нет ничего неприемлемого для Вас. Деловую сторону всю я сделаю сам. <...> Словом, Ваше время особенно не пострадает от участия в этом издании. Когда все будет готово, Вы просмотрите текст и подпишите его. Моего имени совсем не будет, и я останусь за кулисами, но работу фактически сделаю. Гонорар мы разделим по фактическому участию или каким иным способом...»¹

Автором этого письма был Евгений Евгеньевич Колосов, историк и публицист, в прошлом активный участник революционного движения и видный деятель партии эсеров. Чтобы стало понятно, что это за «внешние причины», из-за которых Колосов в 1932 г. не мог подписать своим именем подготовленную им к печати книгу, я воспользуюсь сведениями о нем, с большим

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 855. Л. 2.

трудом добытыми, еще в советскую эпоху, замечательным историком Александром Владимировичем Ратнером¹.

Е.Е. Колосов, неоднократно подвергавшийся репрессиям в до-революционное время, в 1907 г. выехал за границу. Жил в Швейцарии, затем в Италии, вел активную переписку со многими литераторами и общественными деятелями, занимаясь историей народничества и народнической литературы. В 1909 г. он обратился с просьбой к Н.А. Морозову сообщить ему сведения, касающиеся публикаций известного идеолога народничества Н.К. Михайловского, с чего и началось их знакомство. В 1912 г. в Петербурге была напечатана его книга «Очерки мировоззрения Н.К. Михайловского», а в 1913 г. составленный Колосовым 10-й том Полного собрания сочинений Михайловского; они вызвали большой интерес и множество откликов. В 1916 г. Колосов вернулся в Россию, был арестован и сослан в Красноярск, но после Февральской революции 1917 г. избран в Учредительное собрание. После Октябрьской революции сотрудничал в эсеровской газете «Дело народа» и был депутатом Сибирской областной думы. В 1922 г. вернулся в Петроград, где занимался редакторской и литературной работой в журналах и издательстве Общества политкаторжан.

Н.А. Морозов так оценивал одну из его книг: «“Государева Тюрьма – Шлиссельбург” Е.Е. Колосова есть первый серьезный труд о Шлиссельбургской крепости, и путь для разработки материалов избран автором в высшей степени удачно: это сопоставление жандармских донесений с уже вышедшими мемуарами и отдельными записками самих заточенных и освещение одних другими. Психологическая сторона шлиссельбургской жизни обрисована автором совершенно верно, а фактическая и хронологическая часть установлена настолько полно, что не остается желать ничего лучшего»².

Научная добросовестность и литературный талант не мешали аресту Колосова в 1925 г. и заключению его в Верхнеуральский политизолятор. В заключении и в ссылке в Ташкенте он продолжал литературную работу, печатаясь под псевдонимами М. Горбунов и Д. Кузьмин. В 1931 г. Колосов смог вернуться в Москву.

¹ См. его статью о Е.Е. Колосове в кн.: Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 3. М.: Научн. изд-во «Большая российская энциклопедия». Науч.-внедренч. предприятие «Фанит». 1994. С. 24–26.

² Морозов Н.А. Предисловие // Колосов Е.Е. Государева тюрьма – Шлиссельбург (По официальным данным). Пг.: Атений, 1924. С. 6.

Человек, попавший в жернова органов хотя бы раз, всегда не только находился в большей опасности по сравнению со всеми остальными, но и встречал настороженное к себе отношение. Разумеется, все зависело от конкретных людей, принимавших решения. Все происходило в том же самом 1933 году, когда выйдут в свет и мемуары М.В. Новорусского. В замечательном советском издательстве «Academia», унаследовавшем многое из опыта культурнейших русских издательств начала века, знаменитом высоким качеством переводов, комментарияев, тщательно продуманным оформлением и изяществом изданий, в серии «Русские мемуары. Письма и материалы» под общей редакцией В.И. Невского вышла книга: Федор Юрковский (Заклученный № 10). Булгаков. Роман, написанный в Шлиссельбурге. Воспоминания и письма. Предисловие В.И. Невского. Редакция, вступительная статья и комментарии Е.Е. Колосова. М.;Л.: Acabemia, 1933.

Имя Е.Е. Колосова будет напечатано потому, что в это время издательство возглавлял (до своего ареста в 1934) Лев Борисович Каменев. Тот факт, что в 1937 г. это издательство «сохнет» с Гослитиздатом – или по-другому: перестанет существовать – неудивителен. По советскому алгоритму развития все выдающееся должно было быть усреднено.

Что вскоре случится с Обществом политкаторжан и их издательством, читателю уже известно. Но руководители издательства в 1932 г. еще не догадывались о своей судьбе. Например, член правления и заведующий издательством политкаторжан Гавриил Григорьевич Сушкин (будет расстрелян в 1938) не только советовал Морозову скорее начать широкую дискуссию по разработанной Николаем Александровичем теории «татарского ига» на Руси, но и делился наблюдениями, которые в 30-е годы можно было не всегда правильно истолковать: «Метро? Да! Ничто не производит на меня такого сильного впечатления, как метро. Роскошный дворец под землей! Он своей роскошью даже как-то дисгармонирует с поверхностью»¹.

А уж что позволял себе главный редактор издательства Иван Адольфович Теодорович по отношению к мемуарам даже такого человека, как Морозов, и вспоминать не хочется. Но все же одно дело – Н.А. Морозов и совсем другое – пусть и хорошо зарекомендовавший себя в качестве исследователя и научного комментатора, но подвергавшийся в советское время репрессиям, бывший

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1826. Л. 9.

эсер Е.Е. Колосов, даже не имевший права въезда в Ленинград. Иметь с ним деловые отношения вовсе не обязательно.

Вот почему Колосов в письме Ксении Алексеевны Морозовой информировал Николая Александровича о ходе дела: «Я заканчиваю работу по Новорусскому. Сейчас я составляю примечания к тексту. Все остальное уже готово. Самый текст я проверил по прежним статьям и восстановил (в отдельном списке) ряд разночтений. Статья моя тоже написана. <...> Издание будет, как Вы сами увидите, серьезное и очень ценное, вполне научное, что от нас и требуется»¹.

Если читатель не забыл, Морозов принципиально не любил, когда говорили «мы» вместо «я». Поэтому по собственному почину он написал две страницы о Николае Васильевиче Новорусском, где, в частности, счел необходимым сообщить о нем следующее: «Тогда я тайно начал преподавать товарищам “страшную” для нашего начальства “химию” в отведенной для микроскопических занятий камере, где можно было работать вдвоем. Одним из лучших моих учеников и был тогда Михаил Васильевич, а потому, когда, через год после освобождения из заточения и после выхода первой моей книги по химии «Периодические системы строения вещества», совет Вольной высшей школы, основанной Н.Ф. Лесгафтом в Петербурге, выбрал меня сначала приват-доцентом, а вслед за тем профессором анатомической химией, я тотчас предложил Михаила Васильевича ассистентом по этой кафедре»².

Перепечатка этого текста и занятость Морозова затягивали отправку рукописи в издательство. Третьего августа 1932 г. Колосов был вынужден просить Николая Александровича поскорее переслать свой текст машинистке и объяснял причину своего нетерпения: «Дороговизна жизни! Я прямо не знаю, как будут люди существовать эту зиму и как я сам перенесу ее. Уже начинаем подголодавать, и очень значительно. На рынке ни к чему приступить нельзя, в распределителях почти ничего нет. Мяса совсем перестали видеть, а я “мясник”, а не вегетарианец. При отсутствии мяса у меня хуже идет мозговая работа. Поэтому по плану, который я составил исходя из своего бюджета и своих доходов, у меня намечено, чтобы за август (даже начиная с первой декады) мне удалось получить деньги за Новорусского, а если это отодви-

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 855. Л. 4.

² Морозов Н. Михаил Васильевич Новорусский // *Новорусский М.* Записки шлиссельбуржца. 1887–1905. Первое полное издание с портретами и рисунками под редакцией Николая Морозова. М.: Изд-во политкаторжан, 1933. С. 12.

нется к сентябрю, мне буквально нечего будет скоро кушать. На одно молоко уходит по 1 руб. за кружку, по 3 кружки на день (на троих) почти 100 руб. Совсем как у Гл. Успенского: “республик, республик, а во что картошку вогнали”! Войдите в мое бедственное положение и будьте добры, уважьте эту мою просьбу»¹.

Когда Колосов сообщал Морозову о том, что ему «буквально нечего будет скоро кушать», он имел в виду не только себя, но и семью – жену Валентину Павловну и дочь Елену Евгеньевну. В феврале 1933 г. Колосов и его жена снова были арестованы. Вот почему переписку с Морозовым продолжила их дочь, бывшая студентка Ленинградского университета, отчисленная с последнего курса географического факультета из-за того, что отказалась отречься от арестованных родителей.

«6. VII. 1933. Уважаемый Николай Александрович!

Вместе с этим письмом высылаю Вам бандеролью книгу Юрковского “Булгаков”, как просил послать Вам мой отец.

На днях я его видела. Он бодр, чувствует себя хорошо, сравнительно здоров.

Он очень интересуется судьбою книги Новорусского. Ему даже сообщили, что она уже вышла в свет. Я, конечно, со своей стороны ответила, что это сообщение неверное, но конкретно сказать ему, когда эта книга выйдет в свет, я тоже не могла, т[ак] к[ак] этого не знаю. Я Вас очень прошу сообщить мне, в каком положении вопрос с выходом в свет этой книги.

Когда она будет готова, то прошу Вас прислать мне ее обязательно для передачи отцу.

Желаю Вам всего лучшего

Елена Колосова.

Москва, Центр. Петровка, 26, кв. 62 Ел. Евг. Колосова»².

О чем еще думать Колосову в тюрьме и чего ждать, кроме выхода в свет книги? К тому же если получить за нее деньги, то можно немного улучшить тюремную еду. Даже смешно сравнивать с обязанностями и проблемами в жизни Морозова. Помимо работы литературной и научной, бесчисленные заботы руководителя института, общественная деятельность, громадная переписка... Наверное, и поэтому о книге сообщил не он, а ему. Серенькая открытка от 5 октября 1933 г. все о том же:

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 855. Л. 7.

² Там же. Д. 856. Л. 1-1 об.

«Глубокоуважаемый Николай Александрович! Мне на днях сообщили, что книга Новорусского, наконец, вышла в свет. И действительно, я ее достала и имела счастье послать ее моим родителям.

Теперь, я думаю, издательство не имеет больше никаких оснований задерживать с окончательными расчетами и выплатой по книге.

Нам деньги чрезвычайно нужны, и я Вас прошу очень, переслать их мне сразу, не задерживая, по получении.

Елена Колосова.

Пишу Вам на Ленинград, так как думаю, что из Дома Отдыха Вы уже приехали»¹.

Все же не все было плохо у Евгения Евгеньевича Колосова. Он все-таки увидел подготовленную им книгу. И хотя напечатана она на отвратительной серой бумаге, одета в плохонький переплет и, сколько ее ни листай, узнать, что имеет к ней отношение Колосов, – невозможно, но он получил счастливую возможность держать ее в руках. И еще одна большая жизненная удача: многие поостереглись бы иметь дело с семьей арестованного, но не таков был Н.А. Морозов.

Десятого декабря 1933 г. дочь Колосова написала Морозову последнее письмо:

«Здравствуйте, дорогой Николай Александрович! Я получила Ваше письмо и деньги (379 руб.). Я очень рада, что, наконец, произведен окончательный расчет по книге Новорусского, потому что с одной стороны – нам до зарезу нужны деньги, а с другой – то, что я перестану Вас беспокоить своими “меркантильными” письмами.

Приношу Вам Большую-большую, Сердечную-сердечнейшую благодарность за все те хлопоты и заботу, которые Вы приложили к этому делу.

Желаю Вам всего лучшего. Ваша Елена Колосова»².

После трех лет заключения в Суздальском политизоляторе Е.Е. Колосов был сослан в Тобольск и получил работу в местном музее. В 1937-м вместе с женой он снова был арестован. Двенадцатого августа 1937 г. по приговору Особой Тройки УНКВД Омской

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 856. Л. 2.

² Там же. Л. 3.

области, Евгений Евгеньевич и Валентина Павловна Колосовы были расстреляны.

Много лет спустя, собирая материалы для словаря об историках революционного движения в России, А.В. Ратнер разыскал их дочь. Двадцать второго октября 1977 г. он записал в «Дневник»:

«У Елены Евгеньевны Колосовой, 68 лет. Седая, интересная женщина. Говорили с ней около получаса... <... > Видно, что Елена Евг[еньевна]очень перепугана, всего, что касается ее отца, боится. Стала отговаривать меня заниматься Е.Е. Колосовым – де он эсер, ученик и поклонник Н.К. Михайловского, не реабилитирован и т.п. Все мои доводы воспринимала очень недоверчиво. Я говорил ей, что книги Евгения Евгеньевича выдаются, на его работы ссылаются ученые, не реабилитирован он, т[ак] к[ак] не подавали просьбу о реабилитации. На это Елена Евгеньевна сказала, что не нуждается в реабилитации, родителей своих чтит и никогда от них не отказывалась. И прибавила: “Вы обращаетесь ко мне как частное лицо, но я не могу консультировать вас как частное лицо – это может навлечь большие неприятности на всю мою семью. Мы и так много пострадали. Отложим окончательное решение до марта (1978). Тогда моя дочь выйдет из больницы и отбудет срок в санатории. Вы к этому времени узнаете наверное, возможно ли писать о Евгении Евгеньевиче, я тоже посоветуюсь”.

Елена Евгеньевна попросила назвать фамилию, место моей работы, адрес служебный и все это не записывала, а *запоминала*. Телефон свой дала, но от моего отказалась»¹.

Далеко не любая власть могла так легко, страшно и совершенно безнаказанно не только отнять или изуродовать жизнь ни в чем невиновным людям, но еще и запугать навсегда.

Дочь Е.Е. Колосовой – Татьяна Евгеньевна после смерти своей мамы в 1986 г. подарила А.В. Ратнеру небольшой архив и книги Е.Е. Колосова. Книги Новорусского среди них не было. Но в своей большой статье о Колосове Ратнер смог указать имя настоящего публикатора этой книги.

Впрочем, это не мешало и не мешает находить эту работу в библиографии многочисленных трудов Н.А. Морозова.

¹ Конспект времени: Труды и дни Александра Ратнера / Сост. А.И. Рейтблат и А.П. Шикман. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 54.

Почетный академик оставил свой след в литературе и как публицист, ярко показавший благотворность советской власти для исчезновения у населения религиозного дурмана и объяснивший суть религии. Вот что сообщал он в своей статье, написанной в качестве предисловия к книге:

«Всякий ученый исследователь, будет ли это астроном, с восторгом смотрящий на звездное небо и старающийся проникнуть в его бездонную глубину, или зоолог, наблюдающий жизнь отдельной инфузории, или какой-либо другой ученый, поэт или мыслитель, – есть пророк, непосредственно беседующий со своим Богом, т.е. с творческим началом – всей вселенной.

Такое нормальное религиозное чувство, т.е. любовь к правде и знанию, влечет путешественника в неведомые страны, несмотря на трудности и опасности пути, и заставляет математика целые ночи проводить за вычислениями, не отсчитывая своих рабочих часов и не мечтая о праздничном отдыхе. Оно внушает поэту его вдохновенные строфы и заставляет друга человечества жертвовать своей жизнью за общее благо. И это же самое чувство побуждает человека изгонять из своего сознания и из сознания окружающих его людей всякую ложь, т.е. неправильное представление об истине, так как и самое слово «истина» по первоначальному своему происхождению, значит: «то, что *есть*».

Значит, такие книги, как “Миф о Христе” Артура Дрекса или “Бог Иисус” Андрея Немоевского есть не “безбожные”, а, наоборот, высокорелигиозные книги, а когда в 1919 г. революционное правительство в России свидетельствовало в монастырях мощи и выставляло на показ верующим эти почерневшие, сухие, как палки, и во многих случаях полуистлевшие трупы, говоря народным массам словами древней Библии: “вот, твои боги, Израиль”, – оно делало не “глумление над чувствами верующих”, а высокорелигиозное дело»¹.

Результат «высокорегиозного дела» стал очевиден уже через 19 лет: «Великая Октябрьская Социалистическая Революция развенчала всех фантастических “чудотворцев”. Последние пережитки прежних суеверий быстро уходят в прошлое вместе с невежественной политически отсталой незначительной частью старого поколения»².

¹ Морозов Н. Эволюционная мораль и эволюционная теология // Немоевский А. Бог Иисус. Происхождение и состав евангелий / Пер. с польского Л.Я. Круковской; Под ред. и с примеч. Даниила Святского; Предисл. Николая Морозова. Пг.: Госиздат, 1920. С. III–IV.

² Почетный академик Николай Морозов. Пережитки суеверий уходят в прошлое // За большевистскую науку. 1939. 1 мая.

Глава шестая

ТРЕТЬЯ ЖИЗНЬ Н.А. МОРОЗОВА

Первая жизнь подающего надежды начинающего ученого и убежденного революционера Морозова завершилась, когда он был заключен «навечно» в Шлиссельбургскую крепость. Наверное, лучше всех об этом сумела сказать Вера Фигнер, озаглавив вторую часть своих мемуаров так: «Когда часы жизни остановились»¹. Об этой, первой его жизни я ничего не рассказывал, потому что это многократно было сделано до меня.

Вторая жизнь, которой я посвятил все вышесказанное, началась после его освобождения в 1905 г., когда знаменитый революционер стал ученым-энциклопедистом, директором института, почетным академиком, орденоносцем, поэтом, писателем, мемуаристом. Эта, полная трудов и свершений жизнь закончилась в 1946 г. в том самом, любимом им доме в Борке, где он родился.

«Похороны Н.А. Морозова

Ярославль, 3. (По телефону). Вчера в усадьбе “Борок” Некоузского района, Ярославской области, состоялись похороны выдающегося ученого, почетного академика, старейшего революционера Н.А. Морозова. На похороны прибыли академик В.Н. Сукачев, член-корреспондент Академии наук СССР С.И. Вольфкович, старый большевик-шлиссельбуржец профессор Ф.Н. Петров, секретарь Ярославского обкома партии по пропаганде А.В. Волков, заместитель председателя облисполкома М.П. Смирнов и другие. Почтить память покойного пришли жители окрестных деревень.

Траурный митинг на могиле Н.А. Морозова открыл академик Сукачев.

¹ См.: *Фигнер В.Н.* Полн. собр. соч.: В 7 т. М.: Изд-во политкаторжан. 1932. Т. 2.

– Николай Александрович Морозов, – сказал он, – старый революционер, выдающийся ученый, энциклопедист в полном смысле этого слова. Смерть товарища Морозова – тяжелая утрата не только для нашей, но и для мировой науки. Человечество никогда не забудет этого кристально чистой души человека, революционера и ученого.

Затем выступил член-корреспондент Академии наук СССР Вольфович, который отметил особые заслуги Морозова в развитии науки.

Под звуки Государственного гимна СССР гроб опускается в могилу. Свежий могильный холм покрывается многочисленными цветами»¹.

Государственное увековечение памяти выдающегося ученого-энциклопедиста, старейшего революционера, почетного члена Академии наук СССР Н.А. Морозова было продолжено в связи с юбилейной датой – 100-летием со дня его рождения, отмеченным приличествующим случаю советским казенно-бюрократическим безжизненным антуражем.

В ярославской газете появилось сообщение о торжественном открытии памятника Морозову на его могиле. Почтить память великого человека, разумеется, «прибыли многочисленные представители партийных, советских, научных и общественных организаций»:

«Открывая торжественное собрание, посвященное столетию со дня рождения Н.А. Морозова, доктор географических наук, Герой Социалистического Труда И.Д. Папанин сказал:

– Лучшим памятником Н.А. Морозову, отдавшему всю свою жизнь служению своему народу и науке, является созданная по его инициативе на территории Борка научная биологическая станция Академии наук СССР. Благодаря неустанной заботе Коммунистической партии и Советского правительства о процветании нашей науки она растет и развивается. Семьдесят девять научных работников и большое число молодых специалистов различных отраслей знания работают сейчас над изучением проблем, связанных с существованием огромного искусственного водохранилища – Рыбинского моря. Эта работа дает возможность уже сейчас иметь точное представление о будущих

¹ Правда. 1946. 4 августа.

великих морях, которые создаются волею советского человека на Волге и других реках нашей великой Родины»¹.

На самом деле создание биологической станции в Борке, носящей имя Морозова, как и строительство лабораторных корпусов, административных зданий и жилого поселка, – результат трудов Папанина. Когда в 1951 г. по распоряжению Президента Академии наук СССР И.Д. Папанин приехал с ревизией на биостанцию, то вот что он застал: «Территория усадьбы Борок представляла к тому времени заброшенное овсяное поле с остатками полустгнивших помещичьих строений: каретных сараев, амбаров, конюшен и других хозяйственных построек. Старая проселочная тропинка большую часть времени была практически непроходима для автотранспорта. Зимой связь с железной дорогой до ст[анции] Шестихино осуществлялась санным путем, а в короткое лето – за 5–6 часов на повозке, запряженной лошадьми, или на тракторе»².

Но слова Папанина о «великих морях, которые создаются волею советского человека», к Морозову действительно имеют отношение. В сентябре 1935 г., во исполнение решений партии и правительства, силами заключенных ГУЛАГа и ценой их жизни началось строительство Рыбинского и Угличского гидроузлов. Так начинался будущий Волжский каскад. Волга не только становилась крупной транспортной артерией, но и должна была обеспечить электроэнергией Москву. Ради этого репрессированная властью восьмая часть ярославской земли с пойменными заливными лугами, пашнями и пастбищами ушла под воду. Были разрушены и затоплены храмы и монастыри, старинные дворцовые и усадебные ансамбли, владельцы которых (Мусины-Пушкины, Верещагины...) внесли свой вклад в российскую культуру, около 800 сел и деревень. С ними исчезло и когда-то высокопродуктивное сельское хозяйство, ставшее неэффективным в колхозно-совхозном виде. В Молого-Шекснинском междуречье был уничтожен город, не многим уступавший по древности Москве, – Молога. А 130 тысяч жителей этих мест были варварски выселены, и об их иногда несчастливой, а иногда жуткой судьбе говорить было небезопасно.

¹ Небаев Н. Открытие памятника Н.А. Морозову // Северный рабочий. 1954. 11 июля.

² Борок в прошлом и настоящем: Фотоальбом / Сост. В.А. Романенко. Ярославль: Принтхаус-Ярославль, 2013. С. 2.

Морозов внимательно следил за строительством и началом затопления (до окончательного ухода Мологи под воду в 1947 г. он не дожил), аккуратно вырезал информацию из центральных и ярославских газет, которые читал с карандашом в руках и сохранял в своем архиве¹. То, что идея ухода под воду города Мологи и многих других с детства дорогих ему мест ему не могла быть близка – очевидно. Но, конечно же, ни как старейший революционер, ни как ученый он не мог предпринять ни малейшей попытки этому помешать, прекрасно понимая не только бесполезность этого шага, но и его небезопасность.

Социалистическая реконструкция Волги, превратившая Москву в порт пяти морей, была замечательным техническим достижением. Если, разумеется, не брать в расчет десятки тысяч уничтоженных и изуродованных человеческих жизней и отсутствие анализа и моделирования последствий, которые потом уже невозможно отменить.

К сожалению, сейчас значительная часть «Рыбинского моря» обмелела, замусорена и перестала быть судоходной. С течением времени выяснилось, что энергетическая мощность построенных ГЭС оказалась наименее эффективной по сравнению с другими водохранилищами Волжского каскада. Появились и серьезные экологические проблемы. Так что слова Папанина о специалистах различных отраслей знания, работающих «над изучением проблем, связанных с существованием огромного искусственно-водохранилища – Рыбинского моря», вполне актуальны.

«При создании Рыбинского водохранилища не была проведена необходимая санитарная очистка территории, подлежащей затоплению, дно моря оказалось неподготовленным, а потому и нежизненным. Постепенно истощались рыбные запасы, заболачивались смежные районы. По более поздним подсчетам специалистов, водохранилище ежегодно приносит государству убыток в 1,5 миллиарда рублей»².

Что же касается мечтаний Папанина о «будущих великих морях, которые создаются волею советского человека», то, несмотря на величие планов, к счастью, поворот великих сибирских рек остался лишь проектом, хотя и завораживающим не менее, чем строительство грандиозного Дворца Советов в Москве, превосходящего высотой все здания мира, с венчающей его фигурой

¹ См.: АРАН. Ф. 543. Оп. 3. Д. 184.

² Очерки истории Ярославской организации КПСС 1938–1965 / Науч. ред. В.Т. Анисков. Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во, 1990. С. 41.

Ленина. Впрочем, к этим историям героическая жизнь Николая Александровича Морозова отношения уже не имеет.

«Академик А.И. Опарин разрезает шнур, и покрывало падает. Перед присутствующими открывается памятник Н.А. Морозову»¹.

Памятник открыт. Музей создан. Мемориальная доска на фасаде здания, где жил и работал Морозов, установлена. Избранные труды почетного академика во исполнение решений советского правительства изданы².

* * *

Третья, посмертная жизнь Морозова, как мне кажется, закончится очень скоро. Уже после окончания советской власти некоторые созданные им труды увидели свет. Появились и деятельные люди, вдохнувшие очередную жизнь в его сочинения и в сочинения о нем. Может быть, совершенно новый, никому доселе не известный и ошеломляющий факт его биографии, о котором я узнал совсем недавно, лишь первый, среди еще будущих многих, в его удивительной посмертной жизни. С него, наверное, и стоит начать.

«Славу еще одного выдающегося сына Родины отметили “Известия” в июле 1944 года. На страницах газеты были опубликованы указ о награждении орденом Ленина почетного члена Академии наук СССР Николая Александровича Морозова и маленькая заметка в связи с его 90-летием. Об этой жизни можно писать романы. Ученый с мировым именем, автор выдающихся трудов по астрономии, биологии, геологии, истории, математике, физике, философии, химии, языкознанию, Морозов был современным Ломоносовым. Поэт и один из первых отечественных воздухоплавателей, он в 1939 году в 85 лет окончил снайперские курсы Осоавиахима и через три года на Волховском фронте лично пристрелил нескольких фашистов»³.

Кем является автор публикации (в Интернете есть сведения о Станиславе Сергеевиче Сергееве, авторе книг по боевой фантастике; может быть, это он?) и откуда он почерпнул сведения

¹ Небаев Н. Открытие памятника Н.А. Морозову // Северный рабочий. 1954. 11 июля.

² См.: Правда. 1946. 1 августа.

³ Сергеев С. Последнее слово // Известия. 2007. 2 июня.

о фронтовых подвигах Морозова, мне неизвестно. Ссылок на источник этой информации сам он не дает. В маленькой заметке о 90-летию Морозова («В последние годы Н.А. Морозов безвыездно живет в усадьбе “Борок” Ярославской области. Здесь 8 июля состоится торжественное заседание, посвященное 90-летию со дня рождения маститого ученого. Специальная делегация выезжает в усадьбу Н.А. Морозова для того, чтобы приветствовать его от имени Академии наук СССР»¹) или в указе о его награждении, опубликованном в «Известиях», упомянутых автором, ничего подобного нет. Я не встречал этих фактов ни в архивных документах, ни в литературе о Н.А. Морозове, изданной до 2007 г.

Что касается окончания снайперских курсов Осоавиахима, то хотя бы в теории ничего не возможного в этом нет. Хотя я такого документа не видел, но, может быть, он где-то и есть. Как справедливо указывал замечательный советский поэт Василий Иванович Лебедев-Кумач: «Когда страна прикажет быть героем, у нас героем становится любой».

Позволю себе личное воспоминание, относящееся к несоизмеримо более спокойному советскому времени. В 1967 г. меня призвали на срочную службу в Военно-морской флот. В 1970 г. я возвращался из Севастополя домой в Москву. В моем военном билете было записано: «Целесообразно использовать в военное время в качестве специалиста по ремонту радиолокационных станций надводных кораблей». Какой только тяжелой и грязной работой мне не приходилось заниматься в эти годы службы, но к радиолокационным станциям я даже близко не подходил и не имею ни малейшего представления о том, как их ремонтируют. Я это к тому, что даже факты, указанные в официальном советском документе, не всегда соответствуют реальности.

Снайперские курсы в 1939 г., да еще знаменитому революционеру и почетному академику, можно было успешно закончить одним росчерком начальственного пера после личной встречи со знаменитым человеком или и без таковой. Тем более что Морозов проявил свой снайперский талант уже в детстве:

«Отец сначала с увлечением предавался охоте. С восхода солнца отправлялся он в хорошую погоду блуждать со мной и своим егерем Иваном по прилегающим к берегу Волги болотистым местам нашего имения, переполненным несметными роями мошек и комаров.

¹ Известия 1944. 5 июля.

Взлетал бекас...

Бац! Раздавался выстрел отца...

Бац! Раздавался мой выстрел...

И если при этом отец и я не попадали, то из-за нашей спины раздавался выстрел егеря, бекас падал, а егеря утверждал, что убил его я...»¹

Но вот стрельба Морозова по фашистам на Волховском фронте «три года» спустя, т.е. в 1942 г., как-то плохо сочетается с достоверными фактами его жизни.

Из недатированного письма Морозова председателю Ленгорисполкома Петру Сергеевичу Попкову: «Сам я 2 года войны по разрешению наркома просвещения нахожусь в длительной научной командировке в Научно-исследовательском стационаре Академии Наук “Борок” Ярославской обл., где я продолжаю свои научные занятия по астрономии и геофизики, за исключением зимы 1941–42 г., проведенной по нездоровью в Кремлевской больнице. Отчет о научной работе за 1943 г. мной был своевременно представлен еще в ноябре 1943 г.»².

Итак, 88-летний Морозов был постоянно занят разнообразными научными и административными трудами в Борке, за исключением двух с половиной месяцев, которые он провел на московской больничной койке. Получается, что до проведенной медицинской операции или после нее он был отправлен на Волховский фронт, чтобы в течение нескольких дней внести личный вклад в разгром ненавистного врага, а затем так же незаметно возвращен в Борок. Как практически происходило это действие, а самое главное – зачем, – автор газетной публикации не сообщает. Как объяснял один из героев Александра Дюма: «Я дерусь, потому что дерусь». Что ж, и такая форма героизма может эффектно украсить советскую биографию.

Вот еще один вариант этой чудесной истории, несоизмеримо более примечательный своими подробностями, но, разумеется, без каких бы то ни было ссылок на источник этой изумительной информации:

«И под конец сенсация! 88-летний Н.А. Морозов в 1942 году из Борок вызвался прочесть ряд лекций бойцам и командирам Волховского фронта, которые встретили его очень ува-

¹ Морозов Н.А. Повести моей жизни. Т. 1. М., 1965. С. 39.

² АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 2362. Л. 1 об. – 2.

жительно и радушно: с удовольствием выслушали его беседы и уступили его странной просьбе пройти по траншеям как можно ближе к передовой. При этом он что-то прятал за пазухой... Когда его привели на исходный рубеж и он заметил фашистских солдат на расстоянии выстрела, то выхватил из-за пазухи какой-то странный большущий пистолет с оптическим прицелом и уложил наповал несколько фрицев!

Оказывается, это тот самый пистолет, который он, на родоуме, предназначал сперва для Александра II, а затем для Александра III, люто ненавидевшего Морозова-Щепочкина (по настоящему отцу, а не крестному) за то, что против него вступил в непримиримую борьбу его родственник: ведь прадед Морозова был женат на Е.А. Нарышкиной и находился в близком родстве, соответственно, с самим Петром Первым!

Вот какие невероятные сюжетные ходы рождает история!»¹

В отличие от С. Сергеева Н.Н. Сотников, отец которого трудился над документальным фильмом о Морозове, хотя бы объяснил причину приезда Николая Александровича на Волховский фронт. Лекции Морозова, как помнит читатель, в свое время действительно имели успех. Правда, еще 26 января 1916 г. Морозов признавался в письме В.Н. Фигнер: «Из всех родов человеческой деятельности лекционная для меня утомительнее всего, я по природе не люблю публичных выступлений»². Но, может быть, умевший преодолевать любые трудности, Николай Александрович 26 лет спустя после своего признания, смог найти в себе новые силы. И хотя в 1942 г. было как будто не до научных лекций на фронте, но, вероятно, именно потому, что Морозов сам «вызвался», то и отказать ему в просьбе не смогли. Хорошо, лекция с успехом прочитана. Однако дальше начинается феерия. Оказалось, что в течение долгих лет, в которые чего только не случилось (к примеру, в 1918 г. так и не найденные грабители даже обокрали дом в Борке, когда хозяева были в Питере), у Морозова где-то в отчем доме хранился пистолет, из которого он хотел застрелить Александра II. Ну, это еще допустить можно: как-никак памятная для него революционная реликвия. Но вот почему-то никак не объясняется, откуда автор статьи узнал, что Морозов,

¹ Сотников Н.Н. Ломоносов лет совсем недавних // История Петербурга. 2012. № 1 (65). С. 31.

² РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Ед. хр. 604. Л. 123.

навечно заточенный в Шлиссельбургскую крепость, мечтал из этого же пистолета стрелкнуть в Александра III, который взошел на престол уже после его ареста и успел умереть своей смертью до его освобождения, – это загадка сюжетного хода истории. Что же касается объяснения причины ненависти Александра III к Морозову, то в оригинальности концепции автору не откажешь. Одно лишь непонятно – ненавидел Морозова «по-родственному» Александр III, а пистолет для его убийства прятал Морозов. И еще одна странность. Как это «бойцы и командиры» уступили «странной просьбе» Морозова и без объяснения причины согласились отпустить его в траншеи «ближе к передовой»? А если бы, не ровен час, застрелили почетного академика? Совсем их, видимо, заговорил великий ученый.

В русских сказках есть магическое число – три. В этой замечательной истории героической стрельбы по фашистам есть и третий вариант. С ним можно познакомиться в Интернете. Автор – В.Н. Прищепенко. Статья называется «Сквозь тернии к звездам! (О Николае Александровиче Морозове)». Вот как выглядит у автора этот увлекательный сюжет:

«Морозов был пламенным патриотом. Поэтому его боялись и люто ненавидели враги великого русского народа и Советской страны – прислужники мирового империализма. Недаром в черный список особо опасных для германского фашизма русских советских людей, заочно приговоренных к мучительной смертной казни, гестаповцы по приказу бесноватого “фюрера” внесли в начале 1941 года имя Николая Александровича Морозова – старейшего профессионального революционера, ученого с мировым именем, непримиримого противника капиталистического произвола и фашистской тирании.

В годы Великой Отечественной войны Морозов много работал на отечественную военную авиацию. Его метеорологические таблицы, составленные с учетом влияний Солнца, Луны и Галактического Космоса на земную погоду, помогали нашим летчикам водить бомбардировщики, истребители и штурмовики в самых сложных погодных условиях. Несмотря на возраст, Николай Александрович не знал покоя в это грозное лихолетье. Он вместе с земляками строил укрепления на границе Ярославской и Калининской областей и по-прежнему занимался историей человеческой культуры и эволюционной общественной психологией,

мировой химией и ядерной физикой, противохимической обороной и теоретической космологией.

В 88-летнем возрасте, весной 1942 года Морозов на несколько дней выезжал на Волховский фронт. Очевидцы рассказывали впоследствии, что он собственноручно пристрелил, как бешеных собак, нескольких фашистских бандитов. Стрелял Николай Александрович из дальнобойной винтовки с телескопическим прицелом, усовершенствованным им самим, и из крупнокалиберных револьверов, которые до сего дня хранятся в несгораемом сейфе Дома-музея Н.А. Морозова. Личным оружием он владел превосходно, ибо учился стрелять с раннего детства, а в молодости “охотился” на Александра II. В 1939 году (!) Николай Александрович с отличием окончил... снайперские курсы Осоавиахима»¹.

По этой версии, Морозов приехал на Волховский фронт не просто для того, чтобы пострелять врагов или лекции читать, а испытать усовершенствованный им телескопический прицел. Азарт изобретателя, который был вынужден в Борке отрываться от научных занятий для строительства с земляками укреплений (жаль, что не рассказано, какие орудия труда он использовал), понятен. Неясно только, зачем понадобилось для его испытания больному старику приезжать на фронт, и уж еще более непонятны крупнокалиберные револьверы в неуказанном количестве, про усовершенствование которых ничего не сказано. Ссылка на всю эту историю одна – сейф Дома-музея Н.А. Морозова. Мне в этот музей попасть не удалось. Поэтому не знаю, хранятся ли там те самые крупнокалиберные револьверы, не говоря уже о дальнобойной винтовке, с которыми так лихо воевал почетный академик (наверное, по соображениям военной тайны в статьях и книгах хранителей этого музея, как и в его описаниях, этот факт почему-то отсутствует.). Другие источники своей осведомленности В.В. Прищепенко, к сожалению, не указал. Первый вариант этой занимательной статьи был опубликован в двух номерах университетской газеты². Но в ней почему-то о подвиге Морозова на фронте нет ни слова. Наверное, в то время автору пришлось сделать сокращение по недостатку места, или он еще не успел посетить музей в Борке. Однако некоторые стилисти-

¹ <http://noogen.su/xmorozov>

² См.: Прищепенко В. Через тернии к звездам // Московский университет. 1978. 27 сентября, 3 октября

ческие особенности его текста («пламенный патриот», «великий русский народ», «противник капиталистического произвола», «прислужники мирового империализма» и т.д.) безошибочно выдают настоящего советского историка, поэтому игнорировать его версию невозможно.

Полагаю, что этого достаточно. На то и сенсация, чтобы, поговорив о ней, перейти к менее ярким, но несоизмеримо более увлекательным сюжетам.

В московском издательстве «Политическая литература» с 1968 г. в течение более чем двадцати лет выходила книжная серия «Пламенные революционеры». Многочисленные биографии революционеров разных эпох и стран, во множестве печатавшиеся в СССР, были успешно пополнены книгами этой серии. Нередко они были талантливо и весьма увлекательно написаны, что и неудивительно, учитывая, что среди авторов были действительно замечательные писатели. Достаточно назвать хотя бы несколько имен: Василий Аксенов, Юрий Давыдов, Натан Эйдельман, Булат Окуджава, Юрий Трифонов, Владимир Войнович, Раиса Орлова, Лев Славин, Анатолий Гладилин. Несмотря на Главлит, яркие и талантливые люди пусть и с определенными издержками, но смогли не только рассказать о людях и идеях дней минувших, но и заставить читателей задуматься о своем времени, потому что в хорошей подцензурной книге чаще всего присутствует не только текст, но и подтекст. В несвободном Советском государстве он воспринимался как глоток свободы. (Кстати, именно так называлась книга Б. Окуджавы о Павле Пестеле – «Глоток свободы».) В этой серии вышла и та книга, о которой пойдет речь: Марк Поповский. Победенное время. Повесть о Николае Морозове. М.: Политиздат, 1975.

Символично это или нет, но книга Поповского о Николае Морозове была написана тем же способом, как когда-то Николай Морозов «редактировал» книгу М. Новорусского. Хотя и здесь все делалось по обоюдному согласию. Разница лишь в том, что Поповский безуспешно попытался уговорить директора издательства, чтобы фамилия настоящего автора была указана хотя бы в качестве соавтора. Морозова же в свое время такая идея и не посещала.

Много лет спустя настоящий автор этой книги рассказал, как все началось: «А в семьдесят втором году под осень появился к нам домой писатель Марк Поповский, давний мой приятель – главным образом по Самиздату. Он задумал написать большую книгу о хирурге и епископе Войно-Ясенецком, человеке поразительном».

тельном как по таланту, так и по стойкой приверженности вере, жившем в самые что ни на есть советские времена, издевавшем тюрьму и ссылку, но от веры и от сана не отрекшемся. Марк отыскал его дневники, нашел воспоминателей, когда-то его знавших лично, и горел от вожделения эту заведомо непечатную книжку написать, чтоб не пропало имя и дела такого человека. Но давно уже висел на Марке договор с издательством (и был уже проеден весь аванс) на книгу о народовольце Николае Морозове. А вы о нем, конечно, Игорь, знаете? Не более того, что он участвовал в убийстве царя и потом чуть ли не три десятка лет просидел в крепости. Немного, но достаточно, чтоб сесть и написать об этом книгу. Весь гонорар за вычетом аванса – ваш, но имя на обложке – мое. Классическая негритянская работа. Вы согласны? Разумеется! Когда срок сдачи рукописи?»¹

Марк Александрович Поповский, писатель, журналист и правозащитник, автор многих книг о деятелях науки (вероятно, именно поэтому с ним заключили договор о написании книги о Н.А. Морозове), вынужден был эмигрировать из СССР в 1977 г. Книгу о епископе Войно-Ясенецком («эту заведомо непечатную книжку») Поповский все-таки написал. Она была издана в Париже в 1979 г. и после этого не раз переиздавалась, в том числе и в России. Что же касается книги о Морозове, то тайна ее авторства перестала быть таковой очень скоро.

В своем дневнике историк А.В. Ратнер отметил уже 19.IX.1979: «Слышал от него же (от литературоведа А.В. Храбровицкого. – А.Ш.), что книгу о Николае Морозове в серии “Пламенные революционеры”, вышедшую под именем Марка Поповского, написал Губерман. Писал он и за Лидию Либединскую, тещу. Все это делалось, чтобы дать ему заработать, – под собственной фамилией не печатали»².

Да и в самой книге можно было прочесть: «В поисках и отборе исторических архивных материалов мне помогал мой давний друг – литератор Игорь Губерман, и я рад случаю принести благодарность своему фактическому соавтору за участие во всей этой книге. Мы вместе листали пожелтевшие следственные дела, разворачивали выцветшие письма, сопоставляли противоречивые воспоминания. И спорили. Спорили до хрипоты, обсуждая психологию героев, степень их правоты, пружины их поступков и слов. Мы были единомышленны в любви и уважении к этим людям.

¹ Губерман И. Вечерний звон. М.: Эксмо, 2006. С. 65–66.

² Конспект времени... С. 75.

И еще – в удивлении, сколь по-разному начинались все эти непохожие судьбы и как неотвратимо сходились они в единое русло»¹.

Если учесть, что Поповский не написал в этой книге ни строки, то начало этого отрывка было просто хулиганским способом подразнить гусей, а насчет «единого русла» что-то разъясняет один из «гариков», написанный Губерманом значительно позже:

Текученье у природы – круговая,
В истории – такая же текученье;
Россия прозревает, узнавая
Свою кругами вьющуюся участь.

Но тогда, когда Губерман начал работу над книгой, целый год его «не покидало чувство счастья. Потому что годы шли – семидесятые, и ровно век тому назад в России было то же самое. И я не канувшее время восстанавливал, естественно и густо привирая, а писал о том, что понимал и ощущал вокруг себя»².

А вокруг него была эпоха реального социализма в той его стадии, которую очередной глава партии и Советского государства – Леонид Ильич Брежнев именовал «развитой». Новый исторический этап должен был вместить в себя всю эпоху, предшествующую наступлению коммунизма. Его существование провозглашалось в новой Конституции 1977 г. «Диктатуру пролетариата» сменило общенародное социалистическое государство, в котором граждане обладали множеством прав и свобод, лишь с одной крохотной оговоркой: «в интересах развития социализма», и всегда находились ответственные работники, которые правильно понимали эти интересы и мужественно их отстаивали. Анекдоты того времени («Развитой социализм – это когда трудности роста сменились ростом трудностей»; «Развитой социализм – это почти победа коммунизма, но еще без денег ничего не дают, а за деньги ничего не купишь», как и множество других) при всей их популярности жизнь веселей не делали. Новый советский вождь был четыре раза награжден звездами Героя Советского Союза и одной Героя Социалистического Труда, орденом «Победа», которым по статусу награждали лишь полководцев за крупные победы в масштабах фронта, которых политработник полковник Брежнев совершить не успел, но в него продолжали верить. А еще он был награжден Золотой медалью Карла Марк-

¹ Поповский М. Победенное время: Повесть о Николае Морозове. М.: Политиздат, 1975. С. 3–4.

² Губерман И. Вечерний звон. С. 66.

са от АН СССР как классик марксизма-ленинизма и множеством советских и иностранных орденов. Его замечательное умение советского партийного руководителя давать указания в общей форме по любым вопросам позволило ему стать обладателем многих должностей и званий: Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета, Председатель Совета Обороны, Верховный Главнокомандующий, Маршал Советского Союза, лауреат Ленинской премии мира и Ленинской премии за трилогию: «Малая земля», «Возрождение», «Целина». То, что эти книжки были написаны профессиональными литераторами, без участия Леонида Ильича, не имело никакого значения. Как не имели никакого значения его характер, способности или интеллект. Идеальный глава «коллективного руководства» лишь прикрывал всевластие партийного аппарата, КГБ и армейской верхушки. Преступная внешняя политика – от введения танков в Чехословакию в 1968-м до вторжения в Афганистан в 1979-м – была лишь логическим следствием политики внутренней. Ползучая реставрация сталинизма, милитаризация экономики, коррумпированность органов власти снизу доверху и убогая жизнь подавляющего большинства населения огромной страны породили такой эпохальный феномен, как свободомыслие или диссидентство с его «самиздатом» и «тамиздатом».

Книжка у Губермана получилась замечательная. И хотя Николай Морозов этой книги имел не так уж много общего с реальным Николаем Александровичем Морозовым, для обычного читателя это было совершенно неважно. Потому что в 1975 г., в напечатанных строках и меж ними отчетливо проглядывалось: «О, как же было хорошо мне ровно через век писать о самиздате той поры! Меня просто захлестывали радость и злорадство. Тем более что очень часто я заканчивал рабочий день советского писателя (хотя и негра) тем, что завозил куда-то или забирал какие-нибудь папки с самиздатом наших лет. Поэтому о том давнишнем я писал – как будто мне дано было благословить любого, кто когда-нибудь дышал в России запрещенным воздухом свободы»¹.

Великолепная речь защитника Морозова в суде была сочинена Губерманом от первого до последнего слова.

«А толстый том речей защитников тех лет я прочитал от корки и до корки, чтоб усвоить стиль и обороты того времени. И речь я сочинил – в защиту Даниэля (с Юлием еще знаком я

¹ Губерман И. Вечерний звон. С. 72.

не был, посчастливилось чуть позже). А лагерь свой уже давно он отсидел, но эта речь была как если бы я мог ее произнести тому назад лет восемь – столь же безуспешно, разумеется. Но сочинять такую речь невыразимо было интересно и приятно, и душевный свой подъем я помню до сих пор.

Подсудимые на том суде отказывались от последнего слова, но Морозову я приписал (поскольку я о Даниэле думал) тихие спокойные слова:

– Говорить что-либо оправдательное потому уже бессмысленно и нецелесообразно, что господа сенаторы – люди такие же несвободные, такие же подневольные, такие же обреченные чужой воле, как мы. Пожалуй, мы даже более свободны, хоть какое-то время поступая согласно убеждениям, а господа сенаторы много лет уже по рукам и ногам связаны в своих поступках страхом и благополучием. О чем же мне вас просить?»¹

Юлий Маркович Даниэль, писатель и диссидент под литературным псевдонимом Николай Аржак публиковал за границей свои книги, самой популярной из которых стала повесть-антиутопия «Говорит Москва», где рассказывалось о введении в СССР Дня открытых убийств, всенародно единодушно поддержанного. Но мировую известность он и его друг литературовед и писатель Андрей Донатович Синявский (литературный псевдоним Абрам Терц) получили за решение Верховного суда РСФСР 1966 года, приговорившего двух литераторов «порочащих советский государственный и общественный строй» к пяти и семи годам лагерей соответственно, несмотря на всю убедительность их защиты. Приговор, разумеется, был с удовлетворением поддержан десятками тысяч советских граждан, заваливших редакции главных газет страны своими письмами с требованиями «осудить» или «расстрелять» этих «преступников». У части творческой интеллигенции было иное мнение, но ее коллективные письма руководству страны публично не обсуждались. Это был первый, формально открытый, политический процесс после смерти Сталина. Фактами, подтверждавшими преступные намерения авторов, стали их литературные произведения, герои которых отождествлялись с авторами, – случай, кажется, беспрецедентный в мировой юридической практике. Вот о ком думал и кого пытался спасти умелый «защитник Морозова».

¹ Губерман И. Вечерний звон. С. 82 - 83.

Как вряд ли догадывался и сам Игорь Миронович Губерман, «последнее слово» Морозова, если на самом деле знать советский период его жизни не таким, как он изображен в его замечательной книге, а в действительности, было бы обидным обвинительным приговором для бывшего «пламенного революционера».

Однако я не собираюсь уподобляться одному современному религиозному и общественному деятелю, объяснявшему ложность знаменитой фразы Булгаковского Воланда: «Рукописи не горят». Дескать, как еще горят, и примеров можно привести множество. Потому и нечего с интеллигентским восторгом повторять слова Сатаны. Разумеется, Михаила Афанасьевича Булгакова при определенном направлении мысли можно прочесть и так. Но я отношусь к другим читателям.

Игорь Губерман написал повесть, а потому, безусловно, имел право почувствовать и увидеть именно то и так, как он это написал: «И преклонение мое перед душевной чистотой народовольцев – отнюдь не из журналов давних лет явилось непреложным ощущением, а было впечатлением живым, питавшимся от разговоров и общения с живыми, очень разными людьми. Ну, словом, я писал о Вольной Петербургской типографии, как бы свои благословения передавая множеству знакомых через солидное и черное учреждение – “Политиздат”¹.

И был услышан и понят не только ими, но и многими совсем с ним незнакомыми соотечественниками.

Николай Александрович Морозов как литературный персонаж подкупает своей честью и честностью, научной увлеченностью и гениальностью, смелостью и мужеством, добротой и оптимизмом и еще – непримиримостью к злу.

Книга была изъята из библиотек после эмиграции Марка Поповского в 1977 г. Так всегда поступали с книгами тех, кто посмел расстаться с социалистическим отечеством. Уничтожались не только каталожные карточки. Из библиографии серии «Пламенные революционеры» волшебным образом исчезали названия книг вместе с их авторами². Так, Николай Морозов вновь попал под цензурные ножницы и в очередной раз был изолирован от общества, но хорошая книга, к тому же изданная двухсоттысячным тиражом, разумеется, ни исчезнуть, ни быть забытой не могла.

¹ Губерман И. Вечерний звон. С. 76.

² См.: Биография серии «Пламенные революционеры» // Книжное обозрение. 1979. 2 ноября. № 44. С. 12.

* * *

От сенсационных открытий и художественной литературы стоит перейти к литературе научной. Многолетний директор Дома-музея Н.А. Морозова в Борке Борис Степанович Внучков написал книгу о Морозове, которой предпослана такая аннотация: «Предлагаемая читателю книга Б.С. Внучкова – первое обобщающее издание о Н.А. Морозове. Б.С. Внучков является сторонником выводов тех советских авторов (академик С.И. Вольфкович, ученые М.И. Усанович, В.В. Разумовский, Н.И. Новожилов, К.А. Аржанова, Р.А. Лысов и др.), которые в своих исследованиях подвергли за последние 15–20 лет критическому пересмотру ошибочную оценку мировоззрения Н.А. Морозова, данную в 30-х годах историком И.А. Теодоровичем. Именно эта позиция автора определяет достоинство книги»¹.

Ну вот, наконец-то время все расставило по своим местам, и выяснилось, что И.А. Теодорович (а нечего было ему такое предисловие о пламенном революционере Морозове писать!) и соглашавшаяся с ним В.Н. Фигнер были не правы, а прав, как и всегда, оказался Морозов. Внучков все правильно понял и сумел афористически точно высказать: «Тем не менее политические блуждания Н.А. Морозова – один из примеров того, как передовая мысль России, выражаясь языком В.И. Ленина, поистине выстрадала марксизм»². России, к сожалению, пришлось выстрадать не только марксизм.

Чтобы почувствовать всю научную ценность этой работы и оценить чисто советское умение обходить стороной всё, что не укладывалось в требуемую схему, достаточно лишь нескольких цитат. Вот как рассказано о приглашении Морозова на преподавательскую работу к П.Ф. Лесгафту в 1907 г.: «Не случайно это учебное заведение всегда находилось под подозрением у правительства. «На замечание председателя Совета Министров Н.А. Столыпина (имя Столыпина – Петр Аркадьевич. То есть в первой букве инициалов опечатка или ошибка. Во втором издании этой книги этим же издательством в 1988 г. все осталось по-прежнему. См. с. 77. – А.Ш.): “Что это у вас там всякие свободы?” – Петр Францевич ответил: “Да, у нас свобода науки и нет ни решеток, ни цепей”». (Здесь дана ссылка на АРАН. Ф. 345. Оп. 2. Д. III. Но такой едини-

¹ Внучков Б. Узник Шлиссельбурга: О жизни и деятельности Н.А. Морозова. Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во, 1969. С. 2.

² Там же. С. 4.

цы хранения не существует. Если речь идет о Д. 111 (Воспоминания В.Л. Блюменау), то и здесь такой рассказ отсутствует – А.Ш.) Сюда и был приглашен на работу Н.А. Морозов. Вскоре он приват-доцент, а затем профессор. Министр народного просвещения вынужден был утвердить в этом звании человека, не имеющего формально даже среднего образования (он не окончил гимназии), не имеющего права преподавать не только в высшем учебном заведении, но и в гимназии. Однако не признавать Морозова-ученого не могли: его труды получили европейскую известность»¹.

То есть, по мнению Б.С. Внучкова, царский министр не мог хотя бы по формальной причине не утвердить в преподавательской должности Морозова по причине его европейской известности. Дело даже не в том, что европейская известность Морозова, мягко говоря, очень сильно преувеличена. Даже если бы это было бесспорным фактом, то один такой министр ставит под сомнение всю революционную борьбу против царского правительства.

Рассказ Внучкова удивителен и потому, что автор легко мог познакомиться с воспоминаниями самого Морозова о П.Ф. Лесгафте. Их опубликовал М.А. Торбин, которому Морозов подарил в свое время подлинник статьи, написанной в 1940 г. для готовящегося сборника статей, посвященных жизни и деятельности П.Ф. Лесгафта, но не увидевшей свет по причине начавшейся войны. Вот что написал Морозов по этому сюжету: «Когда осенью 1905 года меня вместе с другими товарищами по заточению неожиданно выпустили из Шлиссельбургской крепости, он (П.Ф. Лесгафт – А.Ш.) был во главе основанной им “С-Петербургской биологической лаборатории” и состоящей при ней Вольной школы, обыкновенно называвшейся “Вольным университетом”, так как она вместе с лабораторией существовала не на государственные, а на свои собственные доходы от пожертвованного ей И. Сибиряковым (здесь сноски: Известный миллионер и меценат И. Сибиряков пожертвовал для создания Биологической лаборатории 250 тыс. руб.) капитала. Благодаря этому ее профессора при своем избрании “Советами Биологической лаборатории” лишь доводились до сведения Министерства народного просвещения...<...> На представление меня приват-доцентом тогдашний министр просвещения Кассо, по словам Петра Францевича, ничего не сказал, а когда ему потом представили меня профессором, то он только предупредил, что потерпит это лишь до тех пор, пока не заявит ему протеста охран-

¹ Там же. С. 89–90.

ное отделение государственной полиции. В таком виде я и начал читать с того года в Вольной высшей школе аналитическую химию, и началась, благодаря Петру Францевичу, моя официальная научно-исследовательская работа»¹.

Возвращаюсь к книге Внучкова:

«После победы Великой Октябрьской социалистической революции Н.А. Морозов становится на сторону пролетариата, призывает ученых отдать все силы и знания делу народного просвещения Советской России»².

Вероятно, Внучков не сумел отыскать в архиве писем Морозова-трибуна с октября 1917 до июля 1919 г., которые могли бы с безусловностью доказать его переход на «сторону пролетариата». Кстати, никаких призывов Морозова к ученым в его письме к Ленину я тоже что-то не вспоминаю.

А вот, наконец, и рассказ о главном труде жизни великого ученого: «Много лет Н.А. Морозов работал над фундаментальным трудом “История человеческой культуры в естественном освещении”. С 1924 по 1932 год им было опубликовано семь объемистых томов под названием “Христос”. Название книги не вполне соответствует содержанию этого труда. По признанию Морозова, в этом труде “евангельский Христос играет небольшую роль, как одинокая человеческая фигура среди большой картины природы”»³. Позднее Морозов не раз высказывал сожаление, что не сохранил первоначальное название этого труда.

В этой обширной работе Николай Александрович ревизует многие летописные и укоренившиеся в исторической литературе суждения и делает попытку «обнаружить общие законы психического развития человечества на основе эволюции его материальной культуры». «Я старался только расшатать старые исторические бастионы, – писал он, – и лишь наметить общими чертами возможность построения на развалинах старой исторической крепости... новой, осмысленной исторической науки на эволюционных началах, в связи с географией, геофизикой, общественной психологией, политической экономией, историей материальной культуры и со всем вообще современным естествознанием»⁴.

¹ Торбин М.А. Воспоминания шлиссельбуржца Н.А. Морозова о П.Ф. Лесгафте // Советские архивы. 1966. № 2. С. 77–78.

² См.: АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 2311. Письмо Морозова Ленину в июле 1919 года. – Прим. Б.С. Внучкова.

³ Морозов Н.А. Христос (Предисловие). Т. 5. М.;Л., 1929. – Прим. Б.С. Внучкова.

⁴ См.: Морозов Н.А. Христос (Предисловие). Т. 5. М.;Л., 1929. – Прим. Б.С. Внучкова.

В труде «Христос» Н.А. Морозов выступил со смелыми и оригинальными идеями и выводами в различных областях знаний: химии, геофизике, астрономии, физике, физиологии, метеорологии, астрофизике, истории. Многие из них сейчас признаны и расцениваются учеными как большой вклад Морозова в развитие науки.

Новый, смелый подход Николая Александровича к истории и оценке многочисленных, ранее признанных фактов и взглядов, естественно вызвал среди историков и ученых других отраслей знаний сомнения, возражения, споры и одновременно преклонение перед автором огромного труда. По мнению известного историка академика Н. Никольского, этот труд Морозова не может «не поражать изумительной широтой научного горизонта, неподражаемым обилием разносторонних знаний и увлекательным литературным изложением сложных концепций, приводящих к переоценке традиционных воззрений»¹.

С этой ссылкой стоит познакомиться. На указанной странице Ксения Алексеевна Морозова цитирует, без указания на источник, не того историка Н.М. Никольского, который в своей статье в «Новом мире» в 1925 г. доказал не научность «Христа», а частное письмо академика с 1916 г., Николая Константиновича Никольского, историка русской церкви, библиографа и страстного библиофила. Поблагодарив Морозова за подаренную книгу («Ваш труд, снабженный автографом, конечно, будет одним из украшений “уникального” отдела моего книжного собрания»), Никольский написал и процитированные Ксенией Алексеевной строки. Самое замечательное в этом письме – признание Никольского, что присланную книгу он не прочел («Я не имел пока достаточно времени, чтобы внимательно и в подробностях ознакомиться с содержанием всей присланной мне книги»). Так что процитированный К.А. Морозовой комплимент мужу оказывается не более чем академической вежливостью².

Цитирую последние строки, касающиеся этого «исторического» сюжета: «В хлопотах по печатанию книги “Христос” принимали участие В.И. Ленин, А.В. Луначарский и Ф.Э. Дзержинский»³.

Сто восемьдесят три страницы книги Б.С. Внучкова на конкретном материале увлекательно показывают, чем отличается

¹ Морозова К.А. Н.А. Морозов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1944, С. 33. – Прим. Б.С. Внучкова.

² См.: АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1312. Л. 1, 2.

³ Внучков Б. Узник Шлиссельбурга. С. 113–114.

история партийная от истории научной. Впрочем, Борис Степанович в 60-е годы XX в. написать и опубликовать другую книгу в СССР при всем желании не смог бы, хотя вряд ли такая мысль его посещала. А эта работа понравилась. И даже была упомяната в главной газете страны: «Хранитель дома-музея Борис Степанович Внучков разыскал интереснейшие документы, собрал любопытные воспоминания о Н.А. Морозове, недавно выпустил в местном издательстве книгу “Узник Шлиссельбурга”»¹.

Традиция писать книгу о знаменитом земляке на его родине сохранилась. Несколько слов об авторе новой книги о Морозове, вышедшей в 2013 г. Уже после смерти Н.А. Морозова возродил Борок и сделал его полноценной базой Академии наук знаменитый полярный исследователь и контр-адмирал Иван Дмитриевич Папанин. Так вот, его родная племянница, 14 лет проработавшая в музее Морозова, Валентина Александровна Романенко, в своей книге хотя и изданной тиражом 250 экземпляров, но претендующей на научность, сообщила о жизни Морозова после Октября 1917 г. следующее: «Октябрьская революция на какое-то время вдохновила Морозова, охватило (так. – А.Ш.) его сердце чувством надежды на огромные положительные перемены в обществе, вызвала у Морозова творческий подъем. Но совершенно неизвестно, постигла ли дальше его горечь разочарований? Как он оценивал крах Российской империи после смены режимов? Не поселилось (так. – А.Ш.) ли в душе его усталость прожитых лет, или страстное поглощение наукой заслонило в нем происходящее вокруг? <...> А может, он примирился со своей участью, ведь советская власть обласкала Морозова, помогла издать его объемный труд “Христос”, вернула ему имение отца, окружила заботой? Было ли у него прозрение и сожаление о десятилетиях, потраченных в самом продуктивном возрасте в борьбе за эфемерные идеи? Всего этого нам уже не узнать»².

А вот ее рассказ о Морозове-ученом: «Н.А. Морозов буквально перевернул некоторые представления в науке, установившиеся на протяжении многих веков. Единомышленников у него было немного. Нелегким был творческий путь, долгое время проходивший в атмосфере полного непонимания и недооценки. Даже сотрудники по астрономическому отделению не всегда

¹ См.: *Ваняшова А.* «Знакомый всей читающей России...» // Правда. 1970. 22 мая.

² *Романенко В.А.* Н.А. Морозов: Портрет на фоне эпохи. Ярославль.: Изд-во ООО «Принтхаус-Ярославль», 2013. С. 177.

понимали значение его работ, но он ни с кем не вступал в полемику, а много и упорно работал. Его никогда не смущала резкая критика. Конечно, как у всякой крупной личности, у него были недоброжелатели. Но рядом с ним они не то, чтобы пропадали, но как бы растворялись в излучаемом им поле. Он до самой смерти был уверен в торжестве своих открытий и идеалов. <...> До сих пор его научные труды не пользуются широким распространением, возможно из-за трудности их восприятия, а может, для некоторых не настало еще время»¹.

Если так можно писать о Николае Александровиче в наше время для относительно небольшой аудитории, то нет ничего странного в том, что все исторические работы о Морозове, созданные в советскую эпоху, как мной уже цитировавшиеся, так и неназванные, преимущественно рассказывают о Морозове-революционере и его героической борьбе с самодержавием, немного уделяя внимание его научной и литературной деятельности, преимущественно общими, восторженными фразами и без ненужных подробностей, но с непременным указанием, что подлинное признание пришло к нему лишь в стране победившего социализма.

Еще одно знакомство с творчеством великого ученого-историка Морозова состоялось уже после окончания социалистической эпохи, когда его сочинения были переизданы, а некоторые впервые смогли увидеть свет, став доступными широким массам. В неизбежности этого эпохального события почетный академик никогда и не сомневался.

* * *

Седьмого марта 1916 г., неведомая мне Надежда Вениаминовна Струкова, проживавшая в собственном доме на станции Лосиноостровская Северной железной дороги, в совершенно расстроенных чувствах написала Н.А. Морозову: «Николай Александрович. Вы представьте себе ясно, что должен переживать человек, поверивший всей душой в то, о чем вы пишете в ваших книгах. Я верю вам, но вы открыли бездну, которую вот уже несколько месяцев я не могу ничем заполнить. Вся греческая история и мифология и Римская история стали каким-то безумным

¹ Там же. С. 179-180.

бредом. Мне говорят, что я сама стала безумной. Но все же верить тому, во что не можешь верить, невозможно»¹.

В отличие от людей, живших в начале XX в., столь остро и страстно переживавших потерю привычного и понятного им мира истории, что их можно было принять за сумасшедших, ныне живущие обладают уверенным спокойствием, позволяющим с удовольствием смотреть телепередачи с лихими ведущими и уверенно вещающими о Новой хронологии учеными. Книжные магазины полны великолепно изданными книгами, где пестрота сюжетов, представленных авторами, не мешает главной мысли, столь привлекательной для определенного, но немалого круга читателей, что позволяет не бояться потери устойчивого спроса.

Ошеломительные исторические идеи Н.А. Морозова, пребывавшие в летаргическом сне до 70-х годов XX в., были реанимированы, пересмотрены, дополнены, исправлены и получили новую жизнь в 90-е годы прошлого века, после чего без особого ущерба продолжают привлекать к себе внимание наших современников. Причины новой разработки и широчайшего распространения гениальных историологических построений Николая Александровича называют разные: а) это весьма успешный бизнес, б) далеко зашедшая мистификация, в) имеющее место в среде математиков и программистов более частое по сравнению с другими профессиями повреждение в рассудке, связанное с необходимостью перехода от абстракции к реальной жизни. Я не собираюсь выяснять, какая из них верна. Потому что как бы то ни было, но учение Морозова продолжает жить и иметь сторонников. Если Николай Александрович полагал, что лучшим компасом для историка может быть астрономия, то теперь выяснилось, что наряду с ней в постижении истории очень помогает математика и компьютерные технологии. Наука стремительно продвигается вперед, но Морозов, о компьютере представления не имевший, тем не менее смог многое предугадать и предвосхитить, что, как уже знает читатель, ему было всегда свойственно.

Как это не раз бывало в истории, люди, которые первыми, в еще непростые советские годы развитого социализма, обратили внимание на возможности, открытые Н.А. Морозовым, потускнели и растеряли свой авторитет, а им на смену пришли другие, которые и сумели довести учение Морозова до сегодняшних научных вершин, сделав притягательным для масс. Люди, соз-

¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1802. Л. 1.

давшие Новую хронологию, уверены и убеждают в этом других, что история, написанная профессиональными историками, сочинена в интересах ряда монархов и совершенно недостоверна. Применяв свой, основанный на достижениях точных наук метод к разным странам и эпохам, они смогли создать новую концепцию всемирной истории, в которой история России наконец-то заняла достойное этой великой державы место.

Хотя речь пойдет о творениях математика (в статусе академика разных академий) Анатолия Тимофеевича Фоменко и его соавтора, математика (но пока не академика) Глеба Владимировича Носовского, я прошу иметь в виду, что их фактическим соавтором является именно Н.А. Морозов, бесспорно обладающий пальмой первенства. Впрочем, внимательный читатель, без сомнения, это и сам сумеет разглядеть.

Театр, как известно, начинается с вешалки, а книга с обложки. Эти обложки и переплеты пытаются очаровать и захватить не только зазывной яркостью и полиграфическим совершенством, но и притягательным текстом, который не может не ошеломить, если, разумеется, вы немного знакомы с историей хотя бы в объеме средней школы.

Лишь несколько примеров:

А.Т. Фоменко, Г.В. Носовский. «Раскол Империи: от Грозного-Нерона до Михаила Романова-Домициана» (М.: АСТ Астрель, 2009). «Все результаты, излагаемые в книге, являются новыми и публикуются впервые. Оказываются, известные “древние” труды Тацита, Светония и Флавия посвящены в основном истории Руси-Орды XVI-XVII вв., в том числе эпохе Реформации. По-видимому, «античные» римские императоры Тиберий, Калигула, Клавдий и Нерон – это отражения четырех ордынских царей-ханов, объединенных в русской истории под именем Ивана Грозного».

Г.В. Носовский, А.Т. Фоменко. «Славянское завоевание мира». (М.: АСТ, 2009). «Книга посвящена одному из главнейших событий всемирной истории – великому славянскому завоеванию мира. Оно же, согласно нашей реконструкции, «монгольское» завоевание якобы XIII в. н.э. Под именем славянского завоевания Европы оно отнесено в ошибочной скалигеровской версии истории к VII в. н.э. Согласно Новой хронологии, великое = «монгольское» славяно-тюркское завоевание произошло в XIV в. н.э. Оно вышло из Владимиро-Суздальской Руси («Великого Новго-

рода») и захлестнуло огромные пространства Европы, Азии и Северной Африки».

Г.В. Носовский, А.Т. Фоменко. «Христос родился в Крыму» (М.: АСТ, 2009). Все результаты, излагаемые в настоящей книге, получены в 2007 г., являются новыми и публикуются впервые. Значительная часть книги посвящена Крыму. Как доказывают авторы, именно в Крыму находился библейский Вифлеем – место рождения Христа. Кроме того, в Крыму умерла Богородица. До сих пор на месте ее смерти стоит знаменитый крымский Успенский монастырь.

Г.В. Носовский, А.Т. Фоменко, Т.Н. Фоменко. «Где ты, поле Куликово?» (М.: АСТ; Астрель, 2010). В 1993 г. А.Т. Фоменко и Г.В. Носовский впервые высказали и обосновали мысль, что знаменитая Куликовская битва произошла совсем не в верховьях Дона, на границе Тульской и Липецкой областей, как принято считать, а на месте нынешнего города Москвы. Поле битвы располагалось недалеко от нынешнего Московского Кремля и до сих пор носит название «Кулишки». За время, прошедшее с 1993 г., появилось много новых данных, подтверждающих это открытие. Часть из них обнаружили сами авторы, часть – их читатели. Сегодня уже почти не остается сомнений, что Куликовская битва действительно произошла в Москве. В настоящей книге авторы снова возвращаются к вопросу о месте Куликовской битвы, развивая и дополняя свою реконструкцию. Книга написана в 2009 г. с учетом самых последних достижений Новой хронологии.

Г.В. Носовский, А.Т. Фоменко. «Империя (М.: АСТ, 2012. Серия «История – вымысел или наука»). «Анализируется хронология Европы, Китая и Японии. Интересное исследование движения кометы Галлея, и яркие неожиданные параллели с европейской историей заставляют усомниться в древности истории Китая, а анализ сохранившихся географических карт четко показывает, что «древнейшая» Великая Китайская стена построена не ранее XVII в. н.э. Оказывается, средневековые скандинавские географические сочинения и карты рассказывают о «монгольском» завоевании Евразии и Африки».

Г.В. Носовский, А.Т. Фоменко, Т.Н. Фоменко. Русские корни «Древней» Латыни. Языки и письменность Великой Империи. (М.: Астрель, 2012. Серия книг «История – вымысел или наука»). Согласно результатам авторов, в Великой = «Монгольской» Империи XIII–XVI вв. основными языка-

ми были славянский и тюркский. Государственным языком Империи был, вероятно, славянский. В мятежную эпоху Реформации, после раскола Империи, в ее отделившихся осколках реформаторы начали активно создавать новые языки, дабы отделиться от метрополии Империи (Руси-Орды) не только политически, но и в языковом отношении. Для этой цели в XVI-XVII вв. новые правители призвали специальных людей, которым было поручено «придумать новые языки». В результате возникла «лингвистика». Однако в основе спешно создаваемых языков («древне»-латинского, «древне»-греческого, французского, английского, немецкого, испанского, итальянского и т.д.) неизбежно лежал славянский язык в широком его понимании. Другого материала у реформаторов просто не было. Следовательно, помимо их воли все придуманные ими новые языки и наречия должны были нести на себе глубокий «славянский отпечаток». В настоящей книге собраны многочисленные свидетельства этого. Они уцелели до сих пор. Ранее на эти «славянские следы» либо не обращали внимания, либо, обратив, замалчивали, поскольку люди XVII-XX вв. привыкли пользоваться ошибочной скалигеровской хронологией, в которой сама мысль о происхождении «древнейшей» латыни от славянского языка была недопустима. Новая хронология снимает этот негласный запрет.

Г.В. Носовский, А.Т. Фоменко. «Тайна Колизея» (М., Владимир. АСТ, Астрель. 2010). «Колизей известен всем. Сегодня это самый знаменитый древний памятник Рима. А может быть, даже и всего мира. Недаром его уже начинают называть одним из чудес света. Хотя надо сказать, что ни у одного из древних и средневековых авторов Колизей чудом света не называется. И вообще, упоминания о нем в древних первоисточниках довольно немногочисленны. Но, как доказывают авторы, Колизей является подделкой. Однако это не простая подделка. Оказывается, знаменитый Колизей является ПОЗДНЕЙ КОПИЕЙ ДРЕВНЕГО ПОДЛИННИКА. Подлинный древний Колизей, о котором писали «античные» авторы, **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО СУЩЕСТВУЕТ**. Его внушительные развалины стоят до сих пор. Но только не в Риме, а в Стамбуле. Вторая глава книги посвящена хронологии постройки знаменитых мечетей Стамбула. Книга не требует специальных знаний и предназначена для всех, кто интересуется применением математики для раскрытия загадок нашей истории».

Трудно оторваться и продолжать это увлекательное чтение можно долго, потому что книг издано множество, к тому же огромными тиражами. Вообще-то, чтения текста на переплетах достаточно, чтобы понять: то, что содержится в этих книгах, к научной истории никакого отношения иметь не может. Но даже читающим все эти зазывные исторические откровения впервые и знакомым хоть в общих чертах с творениями Н.А. Морозова они до странности знакомы.

Так, историк-медиевист Дмитрий Эдуардович Харитонович в своей интереснейшей статье именно с констатации этого факта начинает объяснение сущности Новой хронологии: «Около 1980 года крупный специалист по топологии академик Анатолий Тимофеевич Фоменко, опираясь на математико-статистические выкладки и отраженные в древних источниках наблюдения небесных явлений, выдвинул предположение о том, что вся традиционная хронология (он называет ее “скалигеровской”, по имени французского ученого Жозефа Жюста Скалигера, выпустившего в свет в 1583 году трактат «Новый труд об улучшении счета времени», где впервые была предпринята попытка создать сводную хронологию всемирной истории) неверна, а следовательно, ошибается и *вся* мировая историческая наука, базирующаяся на этой хронологии. Нельзя сказать, чтобы эта идея была абсолютно нова. Первым — и А. Фоменко с коллегами признают это — хронологию, резко отличающуюся от общепринятой, предложил известный террорист, многолетний сиделец Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей Н.А. Морозов. Морозовские теории Фоменко и его соратники, в частности Г.В. Носовский, а также В.В. Калашников и другие (в дальнейшем я буду именовать их *Авторы*, ибо не знаю, кому из них принадлежит честь того или иного открытия, доказательства, аргумента и т.п.), развили, модифицировали и изложили в целом ряде книг на русском и английском языках — я насчитал всего восемнадцать, — это и есть учение о Новой Хронологии, как назвали его сами создатели»¹.

Если Морозов убеждал читателя, что с точностью и верно-стью астрономии спорить невозможно и поэтому в своих исторических выводах он навсегда прав, то «Авторы» убеждают, что астрономии они дополняют еще более точной и бесспорной наукой — математикой, опровергнуть которую невозможно. Однако профессиональный историк просто и понятно, без много-

¹ Харитонович Д. Феномен Фоменко // Новый мир. 1998. № 3. С. 165.

ярусных формул объяснил, почему это утверждение неверно: «Нам с детства внушали, что наука в полной мере является таковой, когда начинает говорить на языке математики, что математическое доказательство — единственно надежное и т.п. А так ли это? Насколько вообще математика описывает реальность, не важно, природную или социальную? Так, формула $y = a \sin x$ пригодна для описания движения маятника, пульсации переменного тока и колебаний земной оси, но сама по себе ничего не говорит о часах, генераторах или земном шаре. Математик исходит из неких предпосылок, не обращая внимания на их связь с наблюдаемым миром. Евклид узрел очевидный факт: через точку, взятую вне данной прямой, можно провести одну, и только одну, прямую, параллельную данной, и построил на этом свою геометрию. Лобачевский же принял за основу совершенно неочевидный, ненаблюдаемый даже феномен возможности проведения через указанную точку бесконечного количества параллельных прямых — и создал совершенно непротиворечивую систему. Понятие истины в математике отличается от такового в любых иных науках»¹.

Как-то удивительно совпало и то, что оба создателя Новой хронологии академики. Один — почетный, другой — действительный, но оба — дилетанты в истории. Их научные регалии присвоены им за иные заслуги и используются ими лишь в качестве успешной рекламы предлагаемой продукции, потому что не имеют никакого касательства к темам, которые они многократно излагают. Все же одно отличие не может не броситься в глаза.

Современные авторы, декларируют уже на переплетах книг их всеобщую доступность: «Книга не требует специальных знаний и предназначена для всех, кто интересуется...» И ведь что характерно — для восприятия совершенно новой концепции истории, в процессе создания которой понадобилось привлечение математики, статистических методов, астрономии, компьютерных технологий и прочей разной премудрости, мозг читателей может быть девственно чист — никаких (даже школьных!) специальных знаний не требуется. Волшебство, да и только.

Как и при появлении на свет ниспровергающих всё и всех сочинений Н.А. Морозова серьезные ученые неоднократно и убедительно доказали: Новая Хронология А.Т. Фоменко и его соратников откровенно абсурдна и является наукообразной

¹ Харитонович Д. Феномен Фоменко // Новый мир. 1998. № 3. С. 171.

фальсификацией. Я процитирую лишь несколько фрагментов статей трех известных ученых на эту тему.

Замечательный историк, академик Сигурд Оттович Шмидт о Новой хронологии (НХ) заметил:

«Ученого, занимающегося отечественной историографией, некоторые приемы рассуждений в сочинениях, обосновывающих НХ, возвращают даже в докарамзинскую эпоху развития исторической мысли и в дошлецеровский период обращения с летописными текстами. Именно подобного рода наивные предположения этимологического характера (о происхождении географических имен, звуковом сходстве имен и фамилий) находим в памятниках историографической самодеятельности второй половины XVIII в.: когда, объясняя происхождение названий верхневолжских городов Решма и Кинешма, обращались к фольклору и ссылались на восклицание персидской княжны, брошенной Степаном Разиным в волжские волны (не говорим уже о том, что Разин не доплыл до этих мест и персиянка вряд ли успела овладеть русским языком).

А беспомощность (и в то же время самоуверенность) в прочтении летописных текстов явственно заметна, к примеру, при обращении к ним для обоснования версии, будто бы “в эпоху Куликовской битвы Москва еще только-только создается”. На с. 401 книги “Какой сейчас век?” читаем: Лишь *после* (выделено в книге. — С.Ш.) Куликовской битвы, то есть лишь в конце XIV века, Дмитрий Донской, стал отстраивать Москву, что и говорит летописец прямым текстом: “Князь великий Дмитрий Иванович заложил град Москву камени и начаша делати безпрестани”. Авторам невдомек, что речь идет о начале строительства белокаменного кремля вместо прежнего деревянного; “градом” же, “городом” еще и в начале XX века называли именно Кремль. Остатки прежнего Кремля из толстенных бревен давно обнаружены археологами, и об этом напечатано в работах, упомянутых в “Литературе” к изданию книги 2002 года»¹.

Лингвист, академик Андрей Анатольевич Зализняк обратил внимание преимущественно на это сочинение: Г.В. Носовский, А.Т. Фоменко. «Новая хронология и концепция древней истории Руси, Англии и Рима» (Т. 1–2. 2-е изд. М.: УИЦДО МГУ, 1996. Ссылки на нее – НХ с указанием тома):

¹ См.: Шмидт С.О. «Феномен Фоменко» в контексте изучения современного общественного исторического сознания // Исторические записки. 2003. № 6. (124). С. 351–352.

«Рассматривать весь легион лингвистических абсурдов А.Т.Ф., разумеется, бессмысленно. Ограничимся лишь немногими. Вот рассуждение, которым авторы НХ подкрепляют свой тезис о том, что Лондон прежде стоял на Босфоре: “Мы считаем, что первоначально ‘рекой Темзой’ назывался пролив Босфор... По поводу Темзы добавим следующее. Это название пишется как Thames. События происходят на востоке, где, в частности, арабы читают текст не слева направо, как в Европе, а справа налево. Слово ‘пролив’ звучит так: sound. При обратном прочтении получается DNS (без огласовок), что может быть воспринималось иногда как TMS – Темза” [НХ 2: 108].<...>

Русские слова – иногда в открытой, иногда в замаскированной форме – просто пронизывают весь Старый Свет. Например, А.Т.Ф. открыл, что библейское *Чермное море* (т.е. Красное море: в древнерусском и церковнославянском *чермный* значит «красный») – это Черное море [НХ 2: 161]. На всех других языках названия этих двух морей звучат совершенно по-разному; но ведь по-русски-то почти одинаково! Согласно А.Т.Ф., *скот(т)ы* (жители Шотландии) – то же, что *скифы*; как он нам объясняет, свидетельством в пользу этого является то, что скифы разводили *скот* [НХ 2: 110]»¹.

Известный историк и археолог, академик Валентин Лаврентьевич Янин с очевидностью разъяснил суть одного из множества «открытий» Фоменко, о переносе Романовыми Великого Новгорода с Волги на Волхов: «Если в одном месте взять, а в другом месте насыпать, возникнет нужная Романовым и А.Т.Ф. иллюзия: Новгород древний, а культурный слой Ярославля – тощ. Теперь посчитаем. Культурные напластования Новгорода имеют мощность до 9 метров, а в среднем 4 метра. Располагаются эти напластования на площади в 240 гектаров. Чтобы подсчитать количество кубометров, не надо быть академиком и математиком. Этих кубометров около 10 миллионов. Сколько для перевозки из Ярославля в Новгород этих миллионов кубометров требуется подвод, пусть считают в Отделении математики РАН».

Помимо культурного слоя следовало разобрать, перевезти и собрать на новом месте соборы, монастыри с их уникальными фресками, городские храмы...

«Я не математик и не могу подсчитать масштабы всего этого разорительного мероприятия. Не с него ли начались беды, какие

¹ Зализняк А.А. Лингвистика по Фоменко // Антифоменко: Сб. Русского исторического общества. № 3 (151). М.: Русская панорама, 2000. С. 78, 81.

до сих пор переживает Россия, привыкшая с того времени к нелепой расточительности!?»¹

Как и почетный академик Морозов, академик от математики Фоменко и его сподвижники не оставляют без внимания критику в свой адрес и отвечают (в тех случаях, когда считают это нужным) вовсе не на те вопросы, которые им задают. Ссылаются на факты, которые трактуют так, как им хочется, и объясняют, что в то время, как они оперируют данными точных наук, их противники находятся в плену затверженных истин.

То, что эти истины таковыми не являются, уже было доказано в их многочисленных, ранее изданных книгах, к которым и отсылают они своих критиков. Дело в том, что текстов у Новых хронологов несоизмеримо больше, чем у их ниспровергателей. Все та же, знакомая со времени Н.А. Морозова картина: профессионалы-историки не хотят тратить время на опровержение очередного нагромождения нелепостей. Но если они это и делают, то ни создатели ошеломительного учения, ни его почитатели их работ попросту не замечают.

На первый взгляд выход, и весьма талантливый, нашел кандидат химических наук и журналист Петр Алексеевич Образцов, с улыбкой сокрушивший ненаучного оппонента его же оружием: «Дело в том, что не существует не только “академика” Фоменко, но и вообще никакого Фоменко! В “Словаре фамилий славянских народов” после “Фоменадзе” сразу следует “Фоменян”, и даже прошлогоднее “Дополнение” к этому словарю не указывает означенную фамилию. Совершенно ясно – перед нами мистификация, аналогичная знаменитым подпоручику Кижe, Козьме Пруткову и математикам Бурбаки»².

Но на самом деле проблема не исчезает вместе с «несуществованием» А.Т. Фоменко и его соратников. Потому что главным во всепобеждающем учении являются вовсе не гениальные исторические открытия очередной «историологии», а причины ее популярности в определенных кругах как во времена Морозова, так и в наше время.

Эти причины можно назвать: «Мы живем в эпоху тотально-непрофессионализма, разъедающего все сферы общества – от властных структур до организации системы образования. Каж-

¹ Янин В.Л. «Зияющие высоты» академика Фоменко // История и антиистория. Критика «новой хронологии» академика А.Т. Фоменко. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 318, 319.

² <http://www.arhimed007.narod.ru/whoisfomenko.htm>

дый из нас от общения с абитуриентами выносит убийственное впечатление убогой мизерности школьных программ гуманитарного цикла. Министерство образования предпринимает попытки вообще заменить в школе преподавание истории преподаванием обществоведения. Средняя школа плодит дилетантов, полагающих, что их ущербного знания вполне достаточно, чтобы судить профессионалов»¹.

«Построения АТФ встречают сочувствие у совсем другого круга людей. Многим они нравятся именно своей экстравагантностью и революционностью. Обычно особенно импонирует то, что ниспровергается “официальная наука”, тем более такая замаранная в советское время прислужничеством идеологии, как история (при этом легко упускается из виду, что АТФ ниспровергает не советских историков, а, по сути дела, всех историков всех стран и эпох)»².

«Книги А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского — высокие образцы продукции так называемой “массовой культуры”, сделанные очень умело с чутким ощущением вкусов и возможностей потребителей модных изделий интеллектуального жанра. В наше время, когда диплом о высшем образовании стал для многих едва ли не обязательной принадлежностью, научно-популярные издания также можно отнести к достаточно широко распространенным продуктам индустриально-коммерческого характера. Ведь смысловой диапазон того, что стали вкладывать в понятие “масскультуры”, широк: от примитивных форм до сложных — и эстетика масскультуры (и не только в музыкальном или изобразительном искусствах) балансирует между тривиальным и оригинальным, изощренным, иногда даже агрессивным. Это отвечает потребности в досуге, в разрядке, в игре, в общении, поддерживает у самого себя представление о живой умственной деятельности»³.

Я не могу не отметить еще одну, бросающуюся в глаза причину: имперскую суть, столь популярную и притягательную для многих, явно просвечивающую в ряде сочинений новохронологов. Полагаю, что одного примера достаточно: «Начинается “монгольское” нашествие из Владимиро-Суздальской Руси. Успех завоевания-колонизации опирался на объединение много-

¹ Янин В.Л. «Зияющие высоты»... // История и антиистория... С. 320.

² Зализняк А.А. Лингвистика по Фоменко // Антифоменко. С. 74.

³ Шмидт С.О. «Феномен Фоменко»... // Исторические записки. 2003. № 6 (124) С. 366.

численных народов на территории Руси-Орды в единое государство под военным, то есть Ордынским, правлением. В конце XIII – начале XIV века Русь-Орда более чем на три столетия (до начала XVII века) устанавливает свое владычество над Западом Евразией, Африкой, а впоследствии – и свое безраздельное мировое господство, включая заокеанскую Америку. Цари Руси-Орды, именовавшиеся также Ханами, Великими Князьями всея Руси, на основании династических соображений считали себя единственно законными наследниками Российской Империи, имеющими НЕОГРАНИЧЕННОЕ НАСЛЕДСТВЕННОЕ ПРАВО НА ОБЛАДАНИЕ ВСЕМ МИРОМ. Из сохранившихся отрывочных сведений видно, что они рассматривали всех остальных, еще не подчиненных им правителей, как незаконных, временных узурпаторов тех или иных земель принадлежащего им мира. ОТКРЫТО ПРОВОЗГЛАШЕННОЙ ЦЕЛЬЮ, ВОЕННОЙ ДОКТРИНОЙ ЦАРЕЙ-ХАНОВ РУСИ-ОРДЫ БЫЛО ПОДЧИНЕНИЕ ВСЕГО МИРА ВОЕННЫМ ПУТЕМ. То есть возвращения древнего достояния»¹.

Вот так, чтобы непременно большими буквами, мечта-сказка хотя бы в книге стала былью. Как еще в 1984 г. профессор А.Т. Фоменко разъяснял причину своего патриотизма: «Я советский, я русский! Я хочу, чтобы наша страна была бы такой древней, как Древний Рим»².

Как мне кажется, наиболее точное и глубокое объяснение феномена успеха Фоменко дал Д.Э. Харитонович: «Тоталитарному мышлению нужна тотальная, всеобъемлющая, всеобъясняющая и всеоправдывающая картина мира – а таковой является миф. Тоталитарное мышление не только мифологично, но и религиозно или, если угодно, квазирелигиозно. Цель тоталитарных движений – “мы наш, мы новый мир построим”, будет ли этим миром коммунистическое царство свободы, тысячелетний рейх или Великая Империя. Но для этого надо, в соответствии с теми же тоталитарными принципами, разрушить “до основания” старый мир, притом *весь* старый мир, – не только его государственные и социальные институты, но и его культуру, его искусство (не случайно итальянские футуристы тянулись к Муссолини, русские – к Ленину, немецкие экспрессионисты – к Гитлеру,

¹ Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Как было на самом деле: Реконструкция подлинной истории. М.: АСТ, 2014. С. 135–136.

² Настенко И.А. Вместо предисловия (Феномениана «Фоменкиады») // Сб. Русского исторического общества. №. 3 (151). С. 11.

несмотря на то что вожди, а двое последних в особенности, без восторга относились к художественным экспериментам своих почитателей), его науку. Наука особенно мешает: царящий в ней культ факта препятствует обязательной вере в счастливое будущее и героическое настоящее (а где требуется — и прошлое), в бесспорную истинность тоталитарных идей, в безграничную мудрость вождей»¹.

Миф не исчезает, а лишь до поры до времени уходит на задворки общественного сознания. В нужный момент он появляется в новом обрамлении. С 1990 года старые книги Н.А. Морозова («Христос или Рамзес?», «История возникновения Апокалипсиса») издаются репринтно. Переиздан в 1997–1998 гг. не только старый семитомник «Христос», но и напечатаны не изданные ранее тома этого гениального сочинения. Напечатана и не публиковавшаяся при жизни Морозова его работа «Новый взгляд на историю Русского государства» (М.: Крафт + Леан, 2000. 888 страниц с иллюстрациями). Труды Морозова, хорошо изданные, снабженные предисловиями и библиографией, наконец-то дошли до страждущего читателя.

Эти книги органично вписались в контекст современной эпохи, когда в одном столичном городе в XXI в. продолжают вполне естественно сосуществовать проспекты Академика Сахарова и Андропова.

Памятники Ленину остались во всех российских городах вовсе не для напоминания людям о былом государственном режиме или о всеобщей его поддержке.

Массовая религиозность российских граждан (в храмы Москвы и Санкт-Петербурга стояли километровые очереди из желающих поклониться привезенным из Афона Святым Дарам волхвов) не является препятствием для еще более массовой поддержки российских коммунистов и нахождения членов этой партии в Государственной думе.

По установившейся традиции органичнее обращаться к догме, без разницы, религиозной или политической, лишь бы избавиться от необходимости произвола личного решения и ответственности за него. Это явление в 1918 г. было зафиксировано шутливой поэтической строкой Н.А. Морозова:

¹ Харитонович Д. Феномен Фоменко // Новый мир. 1998. № 3. С. 187–188.

Записалася
Русь марксистскою,
А осталася
Монархистскою.

* * *

Что же можно сказать об этой почти современной истории? Поучительной ее не назовешь точно.

Прекрасный поэт Давид Самойлов говорил, что графоман отличается от настоящего поэта лишь тем, что его вдохновение не дает результатов. Вот таким графоманом, и не только в поэзии, был Морозов.

Более всего в жизни для него были важны две идеи.

Первая – о переустройстве мира без царей и подданных с помощью революционного террора, ввергнувшая его в мешок Шлиссельбурга. Морозов нигде и никогда не говорил и не писал о том, что его путь был ошибочен, а напротив – уверял, что он добился своей цели после падения монархического правления в России. Значит, и в этом, как и во всем на свете, оказался прав. Выйдя из крепости, он понял, что будущее страны не в революции, а в эволюции и попытался в меру своих сил быть ей полезным. Этот, сравнительно короткий период жизни, завершился полным подчинением и добросовестным служением самому бесчеловечному и преступному режиму в мировой истории – тоталитарному.

Его *вторая страсть* – наука, которой он отдал всего себя. Вера Фигнер в январе 1905 г. писала в своем письме о Морозове так: «Он верит с трогательным упованием в свою научную миссию и только и думает, как бы его сочинения увидели свет. Работает над ними он с изумительной настойчивостью и систематичностью. Есть что-то почтенное и вместе трогательное в этой судьбе одинокого узника, вечно парящего в сфере отвлеченной мысли в этой безрадостной жизни, фанатически отдающей себя служению науке и через нее человечеству, в этом неустанном стремлении к истине, которая, быть может, никогда не выйдет за пределы четырех стен»¹. Но и любимая им наука в его трудах не смогла получить развития или превратилась в химеру. Морозов оказался бесплоден как ученый. Нигде и ни в чем он не вышел за пределы

¹ Красовский Ю.А. Женщина русской революции // Встречи с прошлым. Вып. 4. С. 357–358.

дилетантизма, хотя был человеком ярким, талантливым, щедро одаренным природой.

В прозе и поэзии, в воспоминаниях, популярных статьях и книгах он представлял себя в привлекательном для него виде ученого и революционера. Но и в этой своей деятельности он не смог сделать ничего стоящего по причине малой образованности, попытки заниматься всем сразу и потому что в литературе, как в науке и в революции, он больше всего любил самого себя.

В дореволюционной России Морозов был известным мучеником, пострадавшим за любовь к свободе и, прежде всего, благодаря своей общественной репутации, пользовался успехом лектора и литератора.

Но только в Советской стране он превратился в великого человека – «старейшего революционера», одного из тех деятелей, стараниями которых, по официальному канону, на ранней стадии борьбы и было обеспечено завоевание власти самой замечательной и великой партией Ленина–Сталина. В силу этой же причины Морозов, падкий на атрибуты величия, приобщился к «бессмертным», войдя в академическую элиту, а его курьезные, кропотливо-затейливые, но совершенно никчемные труды заняли свое место на библиотечных полках. Тот факт, что официального признания в политике, науке, литературе и искусстве добивались в сталинском СССР чаще всего вовсе не лучшие, а конформисты, иногда умные, но абсолютно беспринципные или пусть и бездарные, но преданные и послушные, его не смущал. Как не волновало его и то, что советские звания, ученые степени и награды в большинстве случаев свидетельствовали не о профессионализме и достоинствах их обладателя, а о его социальном статусе. И не стоит в данном случае ссылаться на историческую ограниченность и частое непонимание эпохи людьми, которые в ней жили. Морозов пережил разные исторические времена, жил в европейских странах, лично общался с людьми необыкновенными и был способен вполне здраво судить об окружающем мире. О советской жизни Морозов знал несоизмеримо больше, чем это было доступно многим, даже образованным и думающим людям.

Абсолютной реальностью является та часть истории, которая существует только в людском воображении; часто она бывает не менее важной, чем действительность. Так и Морозов продолжает считаться одним из тех легендарных исторических деятелей, чья жизнь заслуживает восхищения и изучения, труды – переиздания, память – мемориального музея.

Жизнь Николая Александровича Морозова действительно представляет огромный интерес, но вовсе не по причине его феноменальных научных или литературных заслуг: по ней можно проследить механизм рождения и существования советского мифа, лишь в малой степени порожденного реальностью, но продолжающего самостоятельную жизнь и даже претендующего на безусловную общечеловеческую ценность.

Тот бесспорный факт, что в XXI в. в России этот советский миф продолжает оставаться притягательным для множества людей, свидетельствует не о малой поучительности истории, а о вовсе не исчезнувшей вместе с Советским государством, но продолжающей существовать советской ментальности и удручающей малограмотности граждан. Как мне кажется, пытаться изменить такое положение необходимо.

* * *

Неоценимую помощь в этой работе мне оказали: историк книги и социолог Абрам Ильич Рейтблат, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, доктор исторических наук Виктор Ефимович Кельнер, литературовед, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН Евгений Владимирович Михайлов-Длугопольский, литературовед и историк-архивист Ефим Иосифович Меламед, сотрудники Государственной публичной исторической библиотеки и Российской Государственной библиотеки. Всем им моя огромная благодарность.

Указатель имен

- Август Октавиан 107, 115
Аверьянов М.В. 216, 217, 219
Авторханов А. 163
Азеф Е.Ф. 57
Аксаков Н.П. 79
Аксенов В.П. 249
Александр I 114
Александр II 9, 11, 47, 77, 114,
246, 248
Александр III 246, 247
Александр Македонский 115
Александр Михайлович 229
Аллилуева Н.С. 52
Алпатов В.М. 165, 166
Андреев Л.Н. 84
Андреев Н.А. 16
Андрей Владимирович
(Романов) 144
Анисков В.Т. 242
Анк Марций 119
Анохина-Лебедева Е.П. 223,
224
Антонов-Овсеенко В.А. 23
Аржанова К.А. 255
Ариян П.Н. 206
Астров П.И. 81, 82
Байдуков Г.Ф. 52
Балмашев С.В. 207
Бах А.Н. 144
Безроднов Н.С. 208
Беккерель Антуан Анри 92
Белинский В.Г. 71
Белов М. 191
Белопольский А.А. 41
Белопольский И.Р. 156
Белый Андрей 197
Беляков А.В. 52
Бергер Я. 57
Бергер-Бразилай И.Б. 56, 57
Бердяев Н.А. 84
Берия Л.П. 53
Бланки О. 212
Блок А.А. 201
Блюм А.В. 55
Блюменау В.Л. 136, 138-140,
146, 147, 150, 152-155, 157,
158, 160-163, 166, 180, 181,
191, 192, 256
Боголепов Н.П. 207
Богоявленский Ф.В. 97
Бонч-Бруевич В.Д. 24, 70
Борисов И.Н. 91
Бородулин В.И. 54

- Брежнев Л.И. 251, 252
Брешко-Брешковская Е.К. 25
Бронштэн В.А. 181
Брюсов В.Я. 201, 218, 219
Бубнов А.С. 191
Булгаков М.А. 254
Бунин И.А. 30
Бухарин Н.И. 53, 57, 141, 144,
146
Быстров А. 137
Бычковский Б.С. 93, 227
- Вавилов С.И.** 187
Валк С.Н. 132
Вальден П.И. 89, 90
Валянский С.И. 34, 151
Ваняшова А.Д. 259
Василий Великий 78, 156
Верейский Г.Е. 194
Верещагины 241
Вернадский В.И. 128
Веселкин Н.В. 175
Веселкина В.М. 175
Витковский А. 66
Витте С.Ю. 44
Внучков Б.С. 255-259
Войно-Ясенецкий В.Ф. 249,
250
Войнович В.Н. 249
Волгин В.П. 145, 151, 153
Волков А. 173
Волков А.В. 239
Волошин М.А. 22
Вольфович С.И. 85, 86, 88,
89, 92, 239, 240, 255
Воронов Е.П. 144
Ворошилов К.Е. 53, 57
Вышинский А.Я. 51-53, 71, 157
- Гаврикова Л.Ф. 182
Гартман Н. 92
Гастев А.К. 30
Гегель 111
Гедда Е.Г. 175
Герсон В.Л. 63
Гессен И.В. 19
Гиль Р. 200
Гинзбург И.Я. 162
Гитлер А. 56, 271
Гладилин А.Т. 249
Гладков Ф.В. 157, 158
Глезер Д.Я. 175, 180
Глинский Б.Б. 217
Гней Помпей 115
Гоголь Н.В. 71
Голлербах Э.Ф. 156
Горбачев М.С. 44
Горбунов Н.П. 37, 106, 107,
144
Горький А.М. 21, 24, 53, 66,
70, 225
Грановский Т.Н. 71
Гребенщиков Я.П. 62
Губерман И.М. 250-254
Гумилев Н.С. 199
Гусев С.И. 155, 157
- Давыдов К.Н. 175
Давыдов Н.В. 205
Давыдов Ю.В. 249
Данилевский И.Н. 125
Даниэль Ю.М. 252, 253
Дарвин Ч. 69, 138
Дарий 115
Дворецкий А.И. 123, 124, 157,
158, 167, 177-180
Деборин А.М. 141, 144-146

- Демосфен 115
Державин Г.Р. 82
Дзержинский Ф.Э. 30, 106,
110, 111, 131, 258
Дмитрий Донской 267
Дмитриев Б.В. 83
Домициан Тит Флавий 262
Достоевский Ф.М. 82
Драгоманов М.П. 133
Древс А. 83, 84, 238
Дударев А.В. 58
Дюма А. 245
Дюма Ж.-Б. 89, 132
- Евклид 266
Ежов Н.И. 38
Екатерина II 114
Елина Е.Г. 219, 222
Ефимов Е.Б. 129
- Железняков А.Г. 25
Жеффруа Г. 212
- Забрежнев В.И. 147–149, 184,
185
Завадовский М.М. 225
Зализняк А.А. 267, 268, 270
Заозерская Е.И. 143
Заозерский А.И. 143
Зарубаев П.С. 66
Зарубаев С.П. 66
Заславский Д.И. 129, 131, 132
Захаржевский 155
Захарий 99
Захарова В.А. 27, 33
Захарова Т.Г. 10
Зиновьев Г.Е. 55, 133, 157
Золотарева Ю.Е. 170
- Зоценко М.М. 225
Зубковский И. 204
- Ивановская П.С. 110
Иван IV Грозный 134, 262
Иванцов 64
Иезекииль 99
Иеремия 99
Ильинская С.Г. 63
Ильинский И.В. 63, 65, 66
Иоанн Антонович
(Иван VI) 217
Иоанн Богослов 78, 82, 92
Иоанн Златоуст 78, 80, 82, 83
Ионов И.И. 156, 190
- Каверин В.А. 124
Каганович Б.С. 144
Казицын В.А. 182, 183, 185
Калашников В.В. 265
Калигула 262
Калинин А. 70
Калинин М.И. 72
Каменев Л.Б. 20, 36–38, 55, 57,
157, 233
Каминский Г.Н. 52, 53
Кант И. 92
Карпинский А.П. 153
Карпов Е.П. 190
Карпович П.В. 207, 208
Кассо Л.А. 256
Кедров Б.М. 90
Кельнер В.Е. 275
Керженцев П.М. 155
Кизеветгер А.А. 197
Киров С.М. 48–51, 185, 191
Клавдий 262
Клевенский М.М. 215

- Ключевский В.О. 111, 113, 124, 125, 133
Ковальский А.Ф. 71
Ковальский И.М. 71
Ковальский Ф.Ф. 71
Козьмин Б.П. 157
Кокошкин Ф.Ф. 28, 29
Колмогоров А.Н. 101
Колосов Е.Е. 231–234, 236, 237
Колосова В.П. 235, 237
Колосова Е.Е. 235–237
Колосова Т.Е. 237
Колчинский Э.И. 150, 168
Кольрауш Ф.Л. 196
Комаров В.Л. 152
Кон Ф.Я. 190, 191, 215
Конашевич В.П. 207
Кони А.Ф. 211
Корень Б. 94
Короленко В.Г. 21–23, 31, 108, 110
Кравчинский С. 67
Красильников Ю.Д. 122
Красовский Ю.А. 206, 209, 273
Красуцкая А.А. 175
Крестинский Н.Н. 53
Кржижановский Г.М. 144
Кривомазов А.Н. 89
Кристи М.П. 42
Кропоткин П.А. 208
Круковская Л.Я. 77, 83, 84, 86, 87, 92, 93, 196, 238
Круковский В.А. 93
Крукс Уильям 92
Крупская Н.К. 52, 150, 153
Кудрявцев Л.Д. 71
Куйбышев В.В. 53
Курчатов И.В. 88, 89, 91
Кутлер Н.Н. 44
Куусинен О.В. 60, 61
Кюри Пьер 92
Лавров П.Л. 133
Лавуазье А.Л. 90
Ладенбург А. 90
Лашлас П.-С. 211, 212
Лебедев-Кумач В.И. 244
Лебедева В.Д. 12, 16, 25, 32, 33, 205
Ленин В.И. 20, 22–24, 29–31, 34, 36–38, 42–45, 52, 103, 105–111, 129, 134, 162, 185, 192, 193, 203, 243, 255, 257, 258, 272, 274
Лермонтов М.Ю. 79
Лесгафт П.Ф. 33, 49, 96, 97, 103, 138, 146, 147, 161, 170, 171, 177, 180, 182, 187, 191–193, 195, 229, 234, 255–257
Лесков Н.С. 218
Либединская Л.Б. 250
Лихачев А.М. 178
Лихачев Н.П. 144, 151
Лобачевский Н.И. 266
Локьер Дж.Н. 89, 132
Ломоносов М.В. 243, 246
Лопатин Г.А. 78, 206
Лукашевич И.Д. 207
Лукин Н.М. 145, 168
Луначарский А.В. 103, 105–109, 139, 190, 258
Лурье С.Я. 124
Лысенко Т.Д. 164, 165
Лысов Р.А. 255
Львов-Рогачевский В. 201
Любавский М.К. 144

- Любименко В.Н. 175
Лютер Мартин 140
- Мазуркевич Ф.В.** 176
Маковский С.К. 197
Малютин И.П. 174
Мандельштам О.Э. 129
Мануилов А.А. 18
Марков А.А. 100
Маркс К. 130–133, 149, 162
Марр Н.Я. 165, 166
Маршак С.Я. 225
Мезенцов Н.В. 66
Мейендорф В.Ф. 118
Мейерхольд В.Э. 197
Меламед Е.И. 275
Мельгунов С.П. 39
Менделеев Д.И. 75, 86–88,
90, 97
Мертц Н.Ф. 32
Миллоков П.Н. 27
Миляев А.М. 63
Мирский Д. (Святополк-
Мирский Д.П.) 125
Михаил Федорович
Романов 262
Михайлов-Длугопольский
Е.В. 275
Михайлова С.Б. 132, 133, 211
Михайловский Н.К. 232, 237
Мишулин А.В. 120
Мишулина Г. 51
Молотов В.М. 59, 150, 184,
187, 192
Мопассан Г. 207
Морозов П. 48
Морозова А.В. 8
- Морозова К.А. 26, 32, 33,
39, 48, 51, 62, 89, 159, 160,
171–173, 188, 193, 208, 210,
223–225, 234, 258
Мотовилов Г.И. 10
Мрочек В.Р. 158, 159, 186
Муралов А.И. 36
Муратов С.В. 181, 183
Мусины-Пушкины 241
Муссолини Б. 272
- Надеинская Н.А.** 67
Надеинский П.П. 67
Наполеон Бонапарт 31
Нарышкина Е.А. 246
Настенко И.А. 271
Небаев Н. 241, 243
Невский В.И. 233
Негретов П.И. 22, 23, 31
Недосекина И.С. 34, 151
Некрасов К.Ф. 77
Немоевский А. 238
Нерон 262
Николаев Л.В. 48, 50, 51
Николаев П.А. 220
Николай I 114
Николай II 15, 33, 153
Никольский Н.К. 258
Никольский Н.М. 82, 83,
115–117, 258
Новиков Н.И. 71
Новожилов Н.И. 102, 255
Новорусский М.В. 207, 231,
233–237, 249
Носовский Г.В. 262–265, 267,
270, 271
Нума Помпилий 119

- Образцов П.А. 269
Окуджава Б.Ш. 249
Олеша Ю.К. 126
Ольденбург С.Ф. 144, 225
Омелянский В.Л. 175
Опарин А.И. 243
Орбели Л.А. 175, 184, 193, 195
Орджоникидзе С. (Г.К.) 53, 176
Орлова Р.Д. 249
Остроумова-Лебедева А.П. 93, 162
Осипов Д.П. 16
- Павел I 114
Павлов И.П. 52
Павлова Г.Е. 177
Павловский И.Я. 133
Панина С.В. 27, 184
Панкратова А.М. 134
Папанин И.Д. 240–242, 259
Парамонов Н.Е. 38, 154
Парамонова А.И. 38
Пастернак Б.Л. 42, 43, 129
Перченко Ф.Ф. 143, 145
Пестель П.И. 249
Петр I 134, 184, 246
Петр III 114
Петров А.М. 121
Петров Ф.Н. 239
Петровский Г.И. 189
Пешкова Е.П. 66
Пирумова Н.М. 209, 211
Платон 101, 115
Платонов С.Ф. 111, 133, 140–144, 148, 150, 151
Плетнев Д.Д. 51–54
Плеханов Г.В. 131–133
Подвойский Н.И. 23
- Покровский М.Н. 109, 133, 134, 139, 144
Попков П.С. 245
Поповский М.А. 249–251, 254
Попутников И.Ф. 171
Поступальский И.С. 202
Потанин Г.Н. 23
Потемкин В.П. 175
Похитонов Н.Д. 207
Прибылев А.В. 49, 190
Прищепенко В.Н. 247, 248
Прокопий Кесарийский 116
Пушкин А.С. 71, 79, 172
Пятаков Г.Л. 55–57
- Радек К.Б. 55
Радлова Л.Н. 175
Радожицкий А.И. 8
Радченко С.И. 189
Разин С.Т. 267
Разумовский В.В. 255
Рамазашвили Г.Р. 58
Рамзай Уильям 91, 92
Рамзес II 94, 272
Ранович А.Б. 117, 120, 125, 168
Раскольников Ф.Ф. 37, 73
Ратнер А.В. 232, 237, 250
Редько А.М. 190
Рейтблат А.И. 237, 275
Ремизов А.М. 197
Репин И.Е. 75
Риббентроп И. 59
Рожков Н.А. 103
Розанов В.В. 75, 78
Розенфельд Б.А. 94, 95, 101
Роллан Р. 153
Романенко В.А. 241, 259
Романовы 8, 268

- Рукавишников И.С. 200
Рулье К.Ф. 71
Румянцева Н.А. 72
Рыков А.И. 20, 53, 139
Рязанов Д.Б. 141, 144, 146
- Саблин В.М. 78, 205
Сайкин О.А. 193
Самойлов Д.С. 273
Сарьян М. 197
Сауль С. 67
Свердлов Я.М. 24
Светоний 262
Святский Д.О. 33, 99, 100,
182, 184, 185, 238
Северцов С.А. 37
Сейфуллина Л.Н. 225
Семиряга М.И. 61
Сервий Тулий 119
Сергеев С. 243, 244
Серебровская К.Б. 193
Середа С.П. 35
Сибиряков И.М. 256
Сивков К.В. 202, 203
Синявский А.Д. 253
Скалигер Ж. 265
Сипягин Д.С. 207
Складовская-Кюри М. 92
Скобелев М.Д. 15, 16
Славин Л.И. 249
Смирнов М.П. 239
Соболев Ю.В. 15
Соболева А.В. 68
Сойкин П.П. 226
Сокольников Г.Я. 44
Солженицын А.И. 8
Соловьев С.М. 112, 113, 124,
125, 133
- Соломонов М.И. 219
Сотников Н.А. 172
Сотников Н.Н. 246
Сперанский М.М. 71
Сталин И.В. 20, 47, 48, 51, 52,
55, 57, 61, 71, 73, 134, 135,
150, 153, 159, 161, 163, 164,
166, 187, 253, 274
Стеклов В.А. 111
Степняк-Кравчинский С.М.
66, 67
Стольпин П.А. 255
Стрельников И.Д. 174, 175,
195
Стробант П. 185
Струкова Н.В. 260
Субботин М.Г. 70
Субботина Н.М. 15, 40, 70
Сукачев В.Н. 239
Сумаков В.Т. 180
Супрун М.Н. 57, 58
Суханов И.В. 171
Суханов Н.Н. 22-24
Сушкин Г.Г. 233
Сушков В.Г. 157
Сыгин И.Д. 82, 86, 99, 198,
223, 224
- Тарле Е.В. 143, 144, 151, 225
Тарханов И.Р. 71
Тацит 262
Твардовская В.А. 34, 47, 72,
88, 89
Твардовский А.Т. 61
Теодорович И.А. 109, 212-214,
216, 233, 255
Терещенко М.И. 17
Тиберий 115, 262

- Тит Ливий 119
Тихов Г.А. 175, 183
Тихова Т.Г. 156
Тихомиров Л.А. 133, 149
Тихонов Н.С. 225
Толстая А.Л. 66
Толстой А.Н. 225
Толстой Л.Н. 9, 63, 66, 205,
206, 219, 222
Томский М.П. 156, 157
Тополянский В.Д. 54
Торбин М.А. 256, 257
Трифонов Д.Н. 90
Трифонов Ю.В. 249
Троцкий Л.Д. 20, 22, 42, 57, 157
Тынянов Ю.Н. 225
Тынянова Л.Н. 124
- Украинцева Е.Н. 68
Усанович М.И. 255
Успенский Г.И. 235
Ушаков Н.Н. 182, 183
Уэллс Г. 219, 225
- Файбусович Г. 91
Федин К.А. 225
Фейхтвангер Л. 54–57
Ферсман А.Е. 151, 153
Фигнер В.Н. 48, 51–54, 57, 64,
72, 77, 85, 97, 149, 151, 158,
176, 184, 193, 198, 202, 206,
208, 213, 216, 217, 227, 239,
246, 255, 273
Фидлер Ф.Ф. 84
Флавий Иосиф 262
Флаксерман А. 109
Флёров А.Е. 203
Фоменко А.Т. 192, 262–272
- Фоменко Т.Н. 263
Фортунатов А. 119
Фотиева Л.А. 37, 108, 109
Фрезинский Б.Я. 22, 57
Фриче В.М. 141, 145, 146
Фроленко М.Ф. 110, 217
- Халатов А.Б. 139
Халтурин Д.Н. 144
Харитонович Д.Э. 265, 271
Хлебникова Н.В. 160–162,
191, 192
Хомяков А.С. 114
Храбровицкий А.В. 22, 250
Хрущев Н.С. 71, 129
Хрущов А.Г. 29
- Царев П. 101
Цезарь Гай Юлий 107, 115
Цитрон М.Л. 197
Цицерон 119
- Чанцев А.В. 34
Чернов В.М. 25
Чернышевский Н.Г. 71
Чиков В. 66
Чичерин Б.Н. 133
Чкалов В.П. 52
Чуковская Е.Ц. 225
Чуковский К.И. 225
- Шаламов В.Т. 8
Шапорина Л.В. 62, 63
Швейцер А. 84
Швецов С.П. 190
Шебалин Л.П. 64
Шебалина М.О. 64
Шикман А.П. 58, 237

- Шиллер Ф. 82
Шингарев А.И. 27-29, 35
Шишков В.Я. 225
Шлоссер Ф. 112
Шмидт О.Ю. 192
Шмидт С.О. 192, 267, 270
Шостакович Д.Д. 129
Штауде Н.М. 183, 186-188
Штрайх С.Я. 222
- Щепочкин П.А.** 8
- Эдисон Томас Альва 91
Эйдельман Н.Я. 114, 249
Эйнштейн А. 69, 92, 93
Энгельс Ф. 132, 162
Эндимионов А.Ф. 159, 168,
169, 180, 189
Эразм Роттердамский 120
Эренбург И.Г. 22
Эрн В.Ф. 79, 81
- Юз Дэвид Эдвард** 91
Юлиан Отступник (Флавий
Клавдий Юлиан) 107
Юников Ф.И. 210
Юргенсон Э.П. 198
Юрий Долгорукий 16
Юрковский Ф.Н. 233, 235
- Якимова-Диковская А.В.** 209
Яковлев Н.Н. 171, 172, 174-176,
189
Яневский Б.А. 203
Янин В.Л. 268-270
Ярославский Е.М. 69
- Mayow** 90
- Stroobant Paul** 85

Шикман А.П.

Ш 57 Николай Морозов. Мистификация длиною в век / А.П. Шикман. – М.: Издательство «Весь Мир», 2016. – 288 с.: ил.

ISBN 978-5-7777-0623-3

Герою книги историка и литератора А.П. Шикмана – народовольцу Николаю Морозову (1854–1946), 23 года отсидевшему в Шлиссельбургской крепости за участие в покушении на Александра II в советское время было посвящено множество книг и статей. Биография, написанная А.П. Шикманом, в основном о другом, менее трагичном периоде жизни «вечного узника». В то время Морозов стал почетным академиком, директором научно-исследовательского института им. Лесгафта, опубликовал бесчисленное число работ с претензиями на открытия в самых разных отраслях знания от математики – до истории и библеистики. Он был популярен и востребован властью. Н. Морозов имеет полное право на сомнительную славу считаться отцом лженаучной «новой хронологии», так пышно расцветшей в последние два десятилетия с подачи А.Т. Фоменко и его последователей. А.П. Шикман строит свою работу на использовании богатейших архивных материалов, он скрупулезно вскрывает механизмы создания в советской историографии «светлого образа» борца против царизма, каким считался Н.А. Морозов, и мифотворчества в российской истории, одним из наиболее ярких создателей, которого тот был. Популярность псевдонаучных выдумок Н.А. Морозова объяснялась особенностями того времени, когда дилетантам было много проще найти аудиторию, чем настоящим ученым. К сожалению, и в современной России эта проблема остается по-прежнему актуальной, несмотря на запрос общества на прорыв в будущее, возможный лишь на основе широкого и интенсивного развития науки.

УДК 929
ББК 66.3(2Рос)8

Шикман Анатолий Павлович

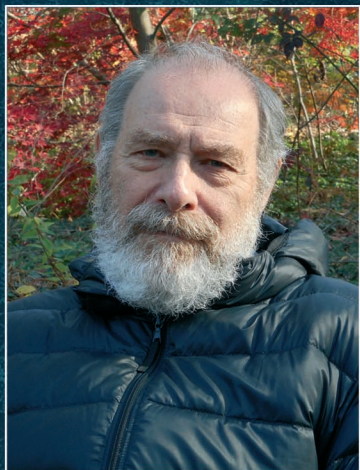
**Николай Морозов.
Мистификация длиною в век**

Художник: Е.А. Ильин
Корректор: И.В. Леонтьева
Верстка: С.А. Голодко

Подписано в печать 13.09.2016 г.
Формат 60х90 1/16. Усл. печ. л. 18,0
Тираж 500 экз. Заказ №

ООО Издательство «Весь Мир»
Юридический адрес: 127214, г. Москва, ул. С. Ковалевской, д. 1, стр. 52
Тел.: 8 (495) 632-47-04
E-mail: info@vesmirbooks.ru
[http:// vesmirbooks.ru](http://vesmirbooks.ru)

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpk.ru. E-mail: marketing@chpk.ru
факс 8(496) 726-54-10, тел. 8 (495) 988-63-87

Шикман

Анатолий Павлович

(1948) – историк и литератор. Автор статей по истории, библиографии, педагогике. Среди его работ фундаментальные биографические словари: «Деятели отечественной истории». Кн. 1–2. М.: АСТ, 1997; «Кто есть кто в российской истории». М.: Вагриус, 2003; книги по истории московского особняка «Улица Кирова, 7». М.: Московский рабочий, 1989 и истории исторической науки «Открытие истории» М.: Московский лицей, 2000. Подготовил к печати и комментировал труды историка А.В. Ратнера (1948–1991) и мемуары литературоведа А.В. Храбровицкого (1912–1989).